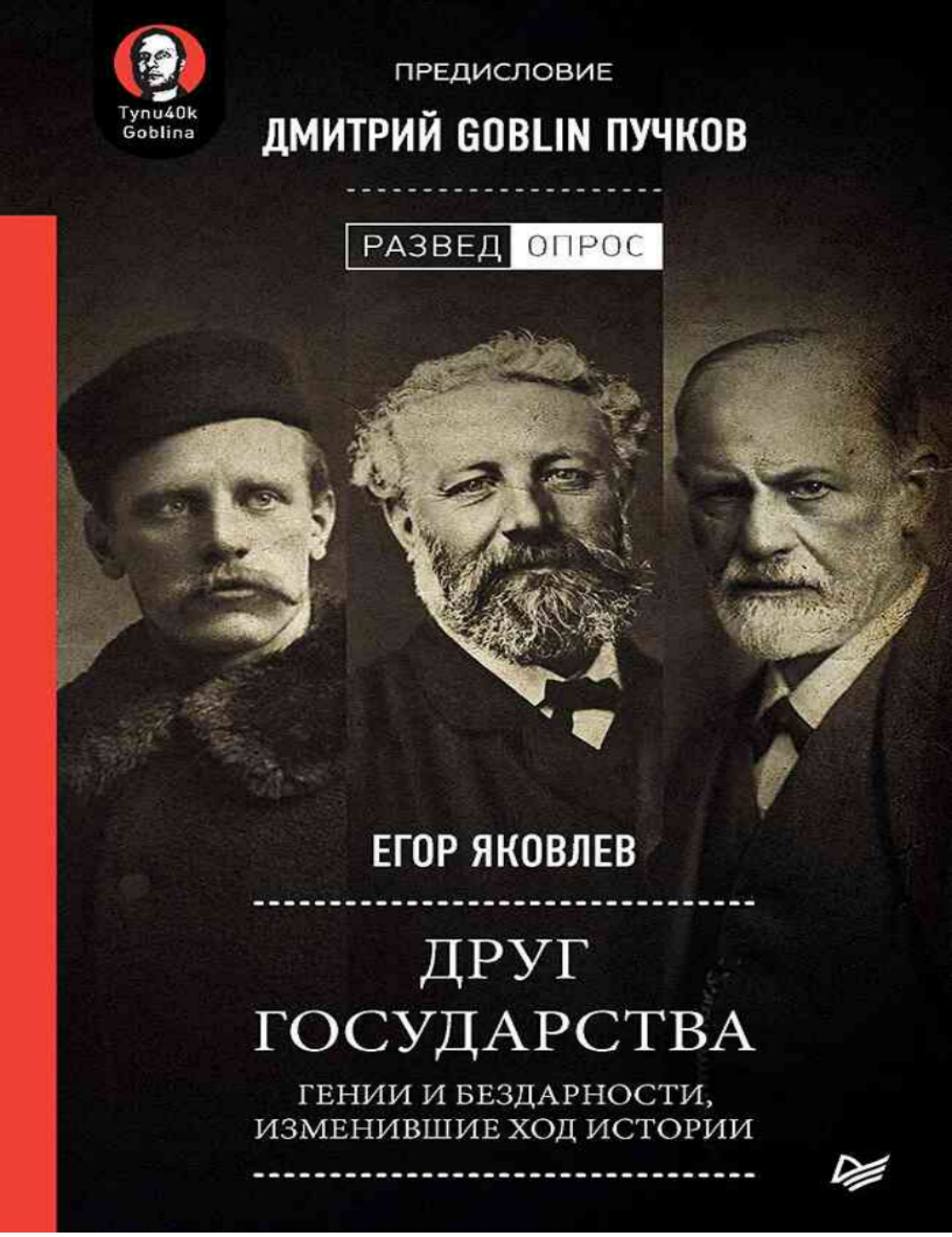

Tynu40k
Goblina
ПРЕДИСЛОВИЕ
ДМИТРИЙ GOBLIN ПУЧКОВ
РАЗВЕД ОПРОС
ЕГОР ЯКОВЛЕВ
ДРУГ ГОСУДАРСТВА
ГЕНИИ И БЕЗДАРНОСТИ, ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ИСТОРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В основу новой книги Егора Яковлева, автора бестселлеров «Война на уничтожение» и «Красный шторм», легли биографии гениев, авантюристов и откровенных чудаков, в затеи которых мало кто верил. Они жили в разные эпохи, в разных странах и даже на разных континентах. Они пересекали на лыжах неизведанную Гренландию, создавали новые архитектурные стили, литературные направления и участвовали в становлении школы российской адвокатуры. Некоторые из них добились мировой известности, другие незаслуженно остались на периферии истории. Генрих Шлиман, Жюль Верн, Фритьоф Нансен, Федор Плевако — их поступки меняли и продолжают менять орнамент исторического полотна, а биографии — вдохновлять.

- Егор Яковлев
  - Предисловие
  - Введение
  - Ученые
    - Месмертная душа. Франц Месмер
      -
      - Магнитная буря
      - Случай с Марией Терезией
      - Парижская одиссея
      - Приговор
    - Генрих Троянский. Генрих Шлиман
      -
      - Родителей не выбирают
      - Сапоги на картонной подошве
      - Археолог-неофит
      - Слон в посудной лавке
      - Падение с высоты
    - Фрейд с человеческим лицом. Зигмунд Фрейд
      -
      - Фрейд амбициозный
      - Фрейд влюбленный
      - Фрейд-ученый
      - Фрейд великий
    - Снежный король. Фритьоф Нансен
      -
      - Ученый
      - Дипломат

- Гуманист
- В поисках Гипербореи. Александр Барченко

○ Писатели и деятели искусства

- Неутраченные иллюзии. Александр Дюма (1802–1870)
  -
  - История с «биографией»
  - Фабрика звезды
  - Секрет бессмертия
- Тайна капитана. Жюль Верн
  -
  - Подводный террорист
  - Два капитана?
- Джентльмен среди зулусов. Генри Хаггард
  -
  - Утоли мои печали, Наталь
  - Бури и буры
  - Соломоново решение
- Поддержите Макинтоша. Чарльз Макинтош
  -
  - Четверо из Глазго
  - Шпионские тайны
  - Нет пророка в своем отечестве
- Имя и титул. Вацлав Ганка (1791–1861), Алексей Толстой (1882–1945), Елизавета Дмитриева (Черубина де Габриак)
  -
  - Второе лицо
  - Игры патриотов
  - Ничего личного
- Красная жара. Джозеф Дэвис (1876–1958), Лилиан Хеллман
  -
  - Миссия выполнима
  - Русские идут
  - Из героев в предатели
- Миссия Манна. Клаус Манн
  -
  - По разные стороны
  - Книга жизни
  - Усмешка Мефистофеля

○ Политики

- Добро с кулаками. Добрыня Никитич
  -

- Кем он был?
- Древлянские пленники
- Захват власти
- Реформатор

- Раковор приведен в исполнение. Князь Довмонт
  -
  - Заговор
  - Поход
  - Эпилог
- Друг государства. Фрэнсис Уолсингем
  -
  - Как Мавр делал свое дело
  - Заговор Трокмортона
  - Приглашение на казнь
  - Эпилог
- Как убили лорда Дарнли. Генри Стюарт
  -
  - Картонный король
  - Персона нон грата
  - Очевидное…
  - И вероятное…
- Махараджа с четвертью. Джай Сингх
  -
  - Герой мира
  - Динамичный музей
- Я тебя никогда не забуду… Япония. Николай Резанов (1764–1807 гг.). Василий Головнин(1776–1831 гг.)
  -
  - Если бы не революция…
  - Командор на сцене
  - Как поссорились Иван Федорович с Николаем Петровичем
  - Япония и авось
  - Японский пленник
- Плевак мы хотели. Федор Плевако
  -
  - Credoспособный
  - Калмыцкий шаман
  - Плевако всерьез
- Оранг Русия. Василий Малыгин
  -
  - Враг у ворот
  - Оружие к бою

        - Восстание
        - Слово дипломатии
        - Чего он хотел?
- notes
    - 1

Егор Яковлев
Друг государства. Гении и бездарности, изменившие ход истории. Предисловие Дмитрий GOBLIN Пучков

Предисловие

Я вас категорически приветствую!

Уже пять лет мы записываем исторические ролики с историком Егором Николаевичем Яковлевым. Ролики эти, как знают камрады, в основном про историю родной страны в первой половине XX века: Первую мировую войну, революцию, Гражданскую, план ГОЭЛРО, ликвидацию безграмотности и другие события. Была также отдельная серия видео про оккупационную политику нацистов во время Великой Отечественной войны: она легла в основу отличной книги Егора Яковлева «Война на уничтожение», вышедшей в серии «Тупичок Гоблина». Однако интересы Егора гораздо шире. В перерывах между съемками, на кухне «Тупичка», мы много беседовали о разных персонажах из прошлого, так или иначе попавших в наше поле зрения. В результате возникла идея написать нечто вроде своей собственного варианта ЖЗЛ: сборника остросюжетных биографий выдающихся граждан. Выдающиеся они, понятное дело, разным: кто-то талантом, кто-то героизмом, кто-то запредельным везением, а кто-то исключительной тупостью и бездарностью. Но интересны каждый по-своему. Прошло некоторое время — и книга готова! Я проглотил ее буквально за один вечер и только утирал пот, знакомясь с перипетиями судеб таких героев, как Генрих Шлиман, Клаус Манн или Александр Барченко. С особенным интересом прочел жизнеописание Фрэнсиса Уолсингема, одного из основателей спецслужб Британии. В наше советское детство полки были буквально завалены превосходными научно-популярными книжками. Именно их мне напомнил «Друг государства». Настоятельно рекомендую всему контингенту! Брать по две!

Дмитрий Goblin Пучков

Введение

Эта книга — «мой личный ЖЗЛ». Я долго мучил себя гамлетовским вопросом: будут ли герои второго ряда, пусть и вызвавшие мой жгучий интерес, любопытны кому-то еще? Тут уместно разместить благодарность издателям, которые терпеливо ждали, что я решу, хотя в их глазах явственно читалось желание пристегнуть меня наручниками к батарее и не выпускать из офиса, пока я не отдам им хоть какую-то рукопись. Однако они удержались. Тем временем на даче я наткнулся на старое издание книги «Твой восемнадцатый век» Натана Эйдельмана. Хотя эта популярная работа адресуется советскому молодому человеку, на самом деле в ее названии заключена известная доля лукавства. «Восемнадцатый век», разумеется, не «твой», а «мой», то есть авторский, эйдельмановский. Это Натан Яковлевич по своему вкусу (надо сказать, превосходному) отобрал персоны и события XVIII века и предложил нам квинтэссенцию давно ушедшей эпохи, пропущенной через **личные** симпатии-антипатии. Перечитав этот классический труд, я решил: почему нет? Я не равняю себя с мастером, но у него это сделано так хорошо, что, ей-богу, хочется повторить на другом материале. «Друг государства» — это своего рода оммаж, дань уважения советскому исследователю Эйдельману, который был гроссмейстером популярной истории и ни на йоту не устарел до сих пор.

Решающая роль личности в истории давно и успешно оспорена. Социально-экономические отношения, география, климат сегодня занимают серьезных историков гораздо больше, чем поступки конкретных людей, даже причисленных потомками к сонму великих. Биография перекочевала в число второстепенных исторических жанров — но лишь для ученых мужей; массовый читатель по-прежнему предпочтет бодрое жизнеописание статистическому анализу. Секрет этого противоречия прост: биография хороша тем, что ее несложно примерить на себя и через это почувствовать нерв истории. Быть может, и вам прекрасно известны люди, ставившие себя на место Наполеона при Аустерлице, Пушкина, получившего глумливый диплом ордена «рогоносцев», Лазарева, плывущего к берегам Антарктиды, ну или, на худой конец, Грейс Келли, вышедшей замуж за принца Монако. Полагаю, что для такого рода читателей в моей книге собран неплохой «гардероб».

Считаю своим долгом предупредить: в этом сборнике не будет массы моих исторических фаворитов из числа революционеров. Те, кто очертя голову бросался менять

несправедливый социальный миропорядок, вместо того чтобы искать в нем уютное местечко, заслуживают отдельной книги. Костяк же этой составляют биографии гениев, авантюристов и даже откровенных чудаков, в затеи которых, во всяком случае на их старте, мало кто верил. Между тем Генрих Шлиман и Зигмунд Фрейд, не говоря уже о Фритьофе Нансене, с успехом добились своего; на их фоне вклад в историю Франца Антона Месмера гораздо скромнее, не говоря уже об Александре Барченко, чьи изыскания сегодня выглядят не более чем ярким курьезом постреволюционного времени.

Курьезом можно было бы считать и мистификацию чешского поэта Вацлава Ганки, создавшего поддельный «древнечешский эпос», если бы его грандиозный обман не способствовал пробуждению национального самосознания чехов. «Краледворская рукопись» Ганки — пожалуй, самая успешная подделка в мировой истории, по сравнению с которой какая-нибудь «Велесова книга» выглядит откровенно жалко и маргинально. Чешский авантюрист дурил человечество больше ста лет: это, без сомнений, достижение, хотя затрудняюсь сказать, с «плюсом» или «минусом».

Не менее авантюрной была биография еще одного героя, очерк о котором подарил название книге «Друг государства». Речь о Фрэнсисе Уолсингеме, современнике Шекспира, гении шпионажа, одном из самых успешных руководителей секретной службы за всю историю человечества. Возможно, вы вспомните его по блестящему исполнению Джеффри Раша в дилогии о королеве Елизавете режиссера Шекхара Капура.

Про адвоката Федора Плевако фильмов пока не снято, о чем можно только сожалеть. Судебная реформа Александра II породила созвездие блестящих судебных юристов, но только Плевако остался в памяти людей как «народный заступник». История этого человека, несмотря на обилие анекдотов о нем, — это предельно серьезная история про разные представления о справедливости у народа и элиты в Российской империи эпохи упадка. Плевако глубоко понимал и умело защищал первые, хотя с точки зрения собственно юриспруденции его мастерство может быть не понято.

Очерки об Александре Дюма, Жюле Верне и Генри Райдере Хаггарде написаны в знак признательности. Эти люди во многом сделали мое детство счастливым. Впрочем, если найти время и перечитать «Трех мушкетеров» и «Дочь Монтесумы», может выясниться, что не только детство.

Наименее авантюрной и весьма трагической выступает биография Клауса Манна. Мрачная история: сын великого

человека не верит в свои силы и кончает с собой. Потом выясняется, что из-под его пера вышел великий роман, не оцененный современниками. Я написал об этом персонаже по преимуществу с терапевтическими целями: если вам вдруг покажется, что вы бездарь и всю жизнь делали какую-то ерунду, вспомните о Клаусе: человек просто не дождался своего часа. А ведь еще Лев Николаевич Толстой верно писал, что все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Зачем нужны биографии? Кроме развлечения от сюжетных ходов, которые выписывает судьба, жизнеописания преподносят одну мораль, о которой хорошо бы помнить и в трудную, и в легкую минуту. Люди живут в истории, она вертит ими, как щепками, попавшими в смерч. И все же далеко не все оказываются покорны воле этого вихря. Некоторые умеют или, во всяком случае пытаются, действовать ему наперекор.

Именно их поступки в роковой час Х меняют орнамент на историческом полотне.

Ученые

Месмертная душа. Франц Месмер (1734–1815)

Вы не знаете Вены. Сказки местного леса дошли до вас в гламурной романтической редакции. Но сотрите первый слой, сдуйте пену, посмотрите, как выглядит айсберг ниже вод ной поверхности. Вена, которую вы увидите, ужаснет, заинтригует, захватит вас. Вот в этом доме доктор Фрейд запускает в человеческие души свои психоаналитические щупальца. В том — холодная Венера в мехах доводит плеткой до экстаза Леопольда фон Захер-Мазоха. А там, в особняке на Загородной улице, Франц Антон Месмер, медик с двойственной репутацией провидца и шарлатана, проводит первый сеанс гипноза. Идемте же туда и посмотрим, что это за тип.

Для тех, кто слышит имя Месмера впервые, стоит привести два факта из его посмертного портфолио. Во-первых, лучшую книгу о нем написал не кто-нибудь, а Стефан Цвейг — не последний писатель XX века. Во-вторых, режиссер Ричард

Споттисвуд снял про Франца Антона хоть и клюквенно-паточное, а все же хорошее кино в главной роли с превосходным Аланом Рикманом (он же — трагический профессор Снегг из экранизации «Гарри Поттера»). То, что обстоятельства жизни давно покойного доктора вызвали творческую потенцию у грандов пера и кинокамеры, о многом говорит, не правда ли?

Магнитная буря

«Муза» Цвейга и Рикмана родилась в местечке Ицнанг 23 мая 1734 года. Первые тридцать лет жизни Месмера никак не предвещали его вступления в пантеон исторических фигур, скорее — судьбу добродушного, оплывшего жирком филистера. Франц Антон окончил медицинскую школу при Венском университете, но до поры был знаменит не как доктор, а скорее как светский щеголь. Высокий рост, правильные черты благородного лица, обходительность, безупречные манеры заставляли дам благоговеть перед ним, искать его расположения. Когда Месмеру исполнилось тридцать четыре, настойчивая богатая вдова Анна Мария фон Пош обставила соперниц и вышла за него замуж, попутно решив все материальные проблемы супруга. После чего Франц Антон, швыряя деньги жены на ветер, безоглядно погрузился в богемную жизнь. Он увлеченно музицировал, дружил с Гайдном и Глюком, под его патронажем состоялась премьера зингшпиля «Бастьен и Бастьена», автором которой был двенадцатилетний Моцарт… И никто не мог подумать, что у себя дома этот модный и, казалось бы, легкомысленный персонаж штудирует пожелтевшие труды средневекового врача, ученого и алхимика Теофрастуса Бомбастуса Гухенгеймского, более известного как Парацельс.

Согласно легендам, окружающим это имя, Парацельс нашел философский камень и открыл секрет вечной молодости. Но не это (во всяком случае, не только это) влекло Месмера к его наследию. Франца Антона интересовали старинные методы врачевания, которые официальная медицина XVIII века считала вздорными, — в частности использование для лечения магнитов. 28 июля 1774 года Месмер впервые решился применить в своей практике рекомендации Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма. Его пациентка, 29-летняя девушка по имени Франциска Остерлайн, страдала от подагры. Врач отметил у нее сильные приливы крови к голове, которые сопровождались немыслимой болью в зубах и ушах, рвотой и потерей сознания. Когда стало ясно, что ни одно из традиционных лекарств несчастной не помогает, Франц Антон наложил ей на грудь и

ступни несколько сильных магнитов. И тут свершилось: сначала тело больной сотрясли ужасные судороги, при виде которых доктора охватила паника, но затем… Остерлайн успокоилась! Боль ушла! Это было невероятно, так как раньше приступ продолжался несколько часов. Взволнованный Месмер почуял близость сенсационного открытия.

Случай с Марией Терезией

«Широко известно, что одна планета действует на другие планеты, а также что луна является причиной приливов и отливов водных масс… Я утверждаю, что космические тела оказывают также существенное влияние на живые организмы, преимущественно на их нервную систему, что достигается при помощи тонкого всепроникающего флюида. Это влияние космических тел выражается в изменении материи и органических тел». Такую декларацию опубликовал Месмер в 1776 году в Вене. В своих революционных взглядах он пошел дальше своего вдохновителя Парацельса. По мнению врача, существует два вида магнетической энергии — минеральная и животная, выделяемая живыми существами, в основном людьми. Неравномерное распределение животной энергии («магнетического флюида») в организме приводит к болезням. Но врач, воздействующий на пациента не столько природным магнитом, сколько собственным магнетизмом, способен восстановить гармоничный ток флюида и спасти таким образом больного.

Ортодоксальная наука дружно «похоронила» панацею XVIII века. Дилетант, проходимец и фантазер — такими научными титулами наградили Месмера убеленные сединами и умудренные опытом коллеги. Тем не менее публика, не читавшая толстенных медицинских монографий, к Францу Антону потянулась, привлеченная свежестью его мышления. В числе прочих на прием к доктору попала слепая красавица-аристократка Мария Терезия фон Парадис. Дальше произошла история, достойная трагического гения Шекспира (не случайно именно ее эксплуатировал режиссер Споттисвуд в своем блокбастере). Кажется, между популярным врачом-новатором и его юной пациенткой сверкнуло любовное чувство — короткое, как вспышка молнии. Удивительный факт: самой Марии Терезии стало казаться, что она прозревает и уже может различать очертания предметов. Но увы — длилось это недолго. Враги Месмера приписывали произошедшее самовнушению пациентки и прямо объявляли доктора проходимцем. Поскольку девушка была

любимицей австрийской императрицы, в честь которой ее, к слову, и назвали, дело приняло неприятный для Франца Антона оборот.

Парижская одиссея

В 1778 году скандальный эскулап эмигрировал в веселый Париж, не замечающий приближения Молоха Великой революции. Галлы, не без гримасы в адрес «немца-перца-колбасы», не потерпевшего «пророка в своем отечестве», встретили Месмера как триумфатора, начав запись к нему на прием еще до его приезда. Парижский дом Франца Антона на Вандомской площади трудно было перепутать с каким-то иным: рядом с громадным особняком постоянно дежурили швейцарские гвардейцы, регулировавшие уличное движение. «Животный магнетизм» продавался здесь хорошо, тем более что доктор значительно разнообразил практику. В центре большой залы в его клинике был установлен гигантский дубовый чан, заполненный металлическими опилками, битым стеклом и бутылями с загодя намагниченной Месмером водой. Из крышки «кастрюли» торчали специальные ручки, за которые хватались пациенты, выстроившись вокруг нее. Доктор подходил к каждому и касался очага болезни своим металлическим прутом (намагниченной палочкой), а его ассистенты тем временем нажимали больным на живот. У больных, по свидетельствам очевидцев, начинали наблюдаться конвульсии, судороги, плач и прочие неадекватные действия. После этих процедур Месмер силой убеждения погружал пациентов в лечебный трансо вый сон, то есть по сути гипнотизировал их. Надо сказать, что случаев какого-либо поразительного исцеления тут не было, но, пожалуй, никто не ушел из клиники австрийского «легионера» от медицины обозленным. Большая часть пациентов сдержанно говорила об улучшении своего здоровья. Деятельностью Месмера заинтересовались даже Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта (кстати, соотечественница врача). А доктор-магнетизер тем временем продолжал множить разговоры вокруг своего имени. Дошло до того, что Франц Антон объявил: специально для бедняков, не способных оплатить его услуги, он намагнетизирует дерево на бульваре. Для начала. А потом, быть может, проделает то же самое с одним из парижских садов или парков.

В ответ на такую мощнейшую пиар-кампанию академическая наука вновь продемонстрировала, что у нее длинные руки и всякие выскочки-зазнайки должны знать свое место.

Представительная делегация из Парижской медицинской академии с похоронным видом отстояла сеанс магнетического лечения на дому у Месмера и выдала недвусмысленную резолюцию: «Сие есть шарлатанство». С этого началась новая, уже французская, кампания против Месмера и его методов, которая закончилась в 1784 году образованием двух государственных комиссий. Им надлежало объективно оценить работы доктора и вынести окончательный вердикт.

Приговор

Комиссии были не комиссии, а просто «лиги выдающихся джентльменов». Изучить новомодную теорию призвали изобретателя громоотвода (одного из отцов-основателей США) Бенджамина Франклина, первооткрывателя кислорода Анри Лавуазье, анатома, подарившего свое имя одному занятному механизму, — Жоржа Гильотена и прочих светлых умов человечества. Все эксперты пришли к единому мнению, что магнетический флюид — это химера и теория животного магнетизма в корне неверна. Правда, один ученый все же выступил в защиту Месмера, это был директор Парижского ботанического сада Антуан Лоран де Жюсье. Он призвал коллег более глубоко проанализировать практику австрийского врача: ведь, несмотря на ложный посыл, случаи выздоровления его пациентов все же случались… Но в тот момент его голос потонул в общем хоре. Все позитивные результаты магнетического лечения «комиссары» приписали человеческому воображению: «Воображение без магнетизма вызывает конвульсии… Магнетизм без воображения не вызывает ничего».

Особые споры в стане «ревизоров» вызвала способность Месмера вводить больных в транс (термина «гипноз» тогда еще не существовало, его ввел позже английский врач Джеймс Брэйд). Ученые опасались, что поскольку этот метод полностью отдает пациента во власть доктора, то последствия его применения могут быть самые ужасные. «Всегда мужчины магнетизируют женщин: устанавливающиеся в этих целях отношения — несомненно, только отношения больной к своему врачу, но этот врач мужчина, — писал в секретном отчете королю все тот же Жюсье. — Какова бы ни была болезнь, она не лишает нас нашего пола и не избавляет нас целиком от власти другого пола». Справедливо ли это замечание? По всей вероятности, да, и хотя известный русский физиолог Иван Тарханов по этому поводу заметил, что «в данное время не существует ни одной судебно-медицинской экспертизы, в которой факт, к примеру, убийства,

как последствие внушения был бы доказан с положительностью», полностью исключать такой вариант было нельзя. Потребовались годы, чтобы вернуть гипноз на службу медицине. В тот же момент практика месмеризма была в Париже запрещена, а сам доктор Месмер посрамлен.

Покинув Францию, Франц Антон возвратился в родные пенаты. Но Австрия не оказала ему гостеприимства — правда, на этот раз не из-за его научных убеждений. Теперь высшему свету пришлись не по вкусу его якобинские взгляды, особенно на фоне кровавой вакханалии Французской революции. Месмера выслали из страны, и последние двадцать лет жизни он незаметно прожил в Швейцарии, под Цюрихом. Его поклонники и последователи, которых тем не менее было немало, зачастую даже не знали, что их гуру еще жив. Для общества автор «теории животного магнетизма» умер намного раньше своей физической смерти.

Так кем же был Месмер на самом деле: шарлатаном или все-таки революционером от медицины? Скорее всего, ни то ни другое. С точки зрения современной науки его теория была неверна, но тем не менее ограниченное использование магнитов в лечебном процессе именно благодаря ему было признано уместным. Через десятки лет в число медицинских методов вернулся трансовый сон, впервые примененный именно Францем Антоном. Скорее всего, он был орудием истории, которое, через ошибки и заблуждения, продвигало человечество вперед.

Все это открытая часть биографии Месмера. Но яркая личность, обставлявшая свою деятельность театральными эффектами, которым позавидовал бы Споттисвуд, нанизала на свое имя массу туманных мифов и легенд. В салонах шептались, что он вовсе не врач, а маг. Что Месмер был послан тайными обществами для того, чтобы приоткрыть завесу сакральных знаний для народов Европы. Что первый мистик века граф Калиостро — его секретный друг и сподвижник. Но тем ощутимей атмосфера тайны, витающей на Загородной улице Вены, где начинал свой блистательный путь ученик Парацельса, холеный бонвиван и пытливый интеллектуал Франц Антон Месмер.

Генрих Троянский. Генрих Шлиман (1822–1890)

Нас было трое студентов-первокурсников, устремивших очарованные взгляды в прошлое. В семнадцать лет академическое величие Ключевского кажется скучным, и маяками для нас служили биографии совсем других ученых: авантюристов, фантазеров, самоучек. Поэтому мы любили Генриха Шлимана, и каждый мечтал откопать свою Трою.

Да и как не любить, не чужой ведь человек. Двадцать лет

бродил он по тем же улицам, что и мы, в первом браке был женат на купеческой дочке Кате Лыжиной, прекрасно говорил по-русски — даже не верится, что первыми учебниками «великого и могучего» для него послужили архаичная «Телемахида» Василия Тредиаковского и фривольные стихи Ивана Баркова. Здесь, в Петербурге, герр Шлиман успешно занимался бизнесом. Его деловая биография может стать украшением любого экономического журнала. Но вот что удивительно: богатство не было конечной целью коммерсанта, деньги он воспринимал как инструмент. Все гениальные комбинации ему пришлось изобрести, чтобы исполнить мечту — оживить легендарный Илион.

Родителей не выбирают

По Шлиману сходили с ума американцы: он воплотил пресловутую american dream — из грязи поднялся в князи. Его отец, пастор из маленького немецкого городка Анкерсхаген, был еще тот прохвост. Каждое воскресенье он провозглашал с амвона городской церкви слово Божье, а потом отправлялся веселиться с разбитными красотками в ближайший кабак. Моральные качества святого отца были настолько сомнительны, что после скоропостижной смерти его супруги пол-Анкерсхагена принялось строчить кляузы «куда следует» — мол, дело со смертью фрау нечисто. Кого боги хотят погубить, того они лишают разума: уже немолодой Эрнст Шлиман нарочито скоро женился на шестнадцатилетней любовнице, чем подкинул следствию очевидный мотив преступления. Стражи закона копали глубоко: факт женоубийства не доказали, зато выяснили, что в течение многих лет уважаемый пастор слишком вольно обращался с церковными финансами. Эрнста отрешили от должности, но тот был калач тертый: он ограбил собственных детей, забрав деньги, завещанные им матерью. Чтобы отпрыски, не дай бог, не взбунтовались, их отправили восвояси: маленький Генрих уехал в Фюрстенберг учеником одного из тамошних купцов. Разговор об Эрнсте Шлимане нужно закончить одной маленькой деталью: за всю жизнь этот ничтожный тип высек единственную искру, но ей было суждено разгореться в пожар великого открытия — именно он прочел сыну «Илиаду» Гомера.

Лучшими управляющими становятся те, кто прошел все ступени карьерной лестницы. Шлиман был таковым. Сначала заворачивал рыбу, потом стал рассыльным, далее — приказчиком, представителем компании в иностранной державе и, наконец, главой собственной фирмы. Люди его не жаловали, но

фортуна преподнесла ему два невиданных подарка.

Во-первых, она сохранила ему жизнь. В восемнадцать лет Генрих решил попытать счастья в Новом Свете и нанялся юнгой на бриг, отплывающий в Венесуэлу. Темная ночь, шквальный ветер, сильнейший шторм, судно терпит крушение, и корабельного салагу смывает волной за борт. Захлебывающегося Шлимана за волосы вытащили из пучины матросы, успевшие спустить шлюпку до того, как корабль затонул.

Во-вторых, фортуна дала старт карьере Генриха. После кораблекрушения неудачливый моряк оказался в Амстердаме, где жил впроголодь в убогой клетушке, снятой на последние деньги. Но тут молодому человеку помогла мать, точнее, память о ней. Бедная, измученная черствостью мужа Луиза Шлиман вряд ли могла предполагать в день своей смерти, что в мире живет бесконечно преданный ей человек. Былой поклонник, добившийся в жизни успеха, отыскал ее сына, снабдил деньгами и рекомендовал на работу в солидный торговый дом.

Ну а дальше Генрих подтвердил истину: везет тому, кто «сам везет». Парень открыл у себя исключительные способности к языкам и превратился в подлинного полиглота: за смехотворно короткий срок он овладел семью европейскими языками. Оказавшись на службе в компании Шредеров, которая начинала торговлю с Петербургом, дальновидный Шлиман принялся за изучение русского. Он покупал в лавках переводные книги, рядом с ними располагал оригиналы и, сличая тексты, пытался проникнуть в смысл русских слов. Он выучил наизусть тяжелейшую «Телемахиду» Василия Тредиаковского и за четыре франка нанял старого еврея, чтобы тот слушал его декламации. Увы, произведения, купленные Шлиманом, отличались архаичной лексикой. Купцы из России поднимали его на смех. Он хохотал вместе с ними, просил поправить и учился, учился, учился… Однажды его вызвали хозяева компании и сообщили: «Генрих, мы полагаем, что ты более всего подходишь на роль представителя нашего торгового дома в столице Российской империи». Какая это была победа!

Сапоги на картонной подошве

Россия стала для Генриха полем финансовых чудес. Спустя год он уже владелец собственной компании. В своей педантичности и деловитости этот удивительный немец предвосхитил образ гончаровского Штольца: ни одно его предприятие не потерпело фиаско. В Амстердаме покупали русский хлеб, привезенный Шлиманом, в России у коммерсанта

охотно брали индиго и селитру. Параллельно бизнесмен вновь устремил свой взгляд к Новому Свету, где разгоралась золотая лихорадка. Созданный им Калифорнийский банк позволил увеличить и без того немалое состояние почти вдвое. Но рисовать образ Шлимана исключительно белой краской было бы ошибкой. Нам стоит помнить, что в годы Крымской войны русские солдаты сражались в сапогах от Шлимана… на картонной подошве. Желание дельца сэкономить дорого обошлось нашим предкам, защищавшим подступы к Севастополю. Окажись в тот момент Генрих тет-а-тет с адмиралом Нахимовым или хирургом Пироговым, ему, думается, трудно было бы сохранить свою персону в неприкосновенности. Спустя много лет Шлиман, уже известный археолог, попросил въезда в Россию. Император Александр II, для которого поражение в Крыму было постоянным кошмаром, в сердцах сказал приближенным: «Пусть приезжает, повесим». К разоблачениям, раздутым стараниями конкурентов, добавились неприятности в личной жизни. Тридцатилетний Шлиман женился на русской девушке Екатерине Лыжиной, принадлежавшей к богатейшей купеческой семье. Но Катя оказалась далека от немецкого идеала жены. Ее своенравие и суровый характер приводили Генриха в ужас. У Шлиманов родилось трое детей, но назвать счастливым их брак язык вряд ли повернется. И вот захваченный врасплох кризисом среднего возраста Генрих решает все изменить и покидает Петербург.

Археолог-неофит

Шлиман с детства верил в реальность мифа. Недалеко от родительского дома находилась могила зловещего разбойника Хеннинга по прозвищу Брандеркирль. Рассказывали, что злодей заживо сжег одну из своих жертв, а после топтал пепел ногами. За это на него было наложено заклятье: каждый год из захоронения вылезала его нога в шелковом чулке. Маленький Генрих часами просиживал у могильного холмика в ожидании разбойничьей пятки и, отчаявшись, попросил отца сделать раскоп, чтобы посмотреть, куда она запропастилась.

А после у Генриха появилась тайна. С тех пор как отец прочел ему гомеровские строки, Шлиман уверовал в существование Трои. Все говорили «легенда», а он знал: было яблоко раздора. Парис украл Елену, погиб Патрокл, Ахиллес сражался с Гектором, а Одиссей придумал троянского коня. Найти, доказать, оживить древнее предание… По достижении материального благополучия это стало почти манией. Если бы тогда существовал кинематограф, создателям фильма «Троя» не пришлось бы долго

искать баснословно щедрого спонсора.

Но, чтобы отыскать легендарный город, одного энтузиазма недостаточно, нужны знания. Генрих — ему уже исполнилось сорок шесть — отправляется за первым в жизни образованием и слушает лекции по археологии в Сорбонне. Получив минимум информации, он тут же организует экспедицию на средиземноморское побережье Турции и начинает раскопки — раскопки Трои. Ему не верят даже те, кто соглашается признать реальность древнего Илиона: считают, что город располагался совсем в другом месте — у поселка Пынарбаши. Но Шлиман был там, сверял местность с описаниями Гомера, которым верил безоговорочно, и убедился: здесь Трои нет. Пынарбаши в трех часах от моря, а осаждавшие подступали к нему по нескольку раз в день, возвращаясь на корабли. Поэт говорит об одном горячем источнике, находящемся во владениях царя Приама, а тут их целых сорок. И разве мог разместиться величественный город с шестьюдесятью двумя зданиями на таком кусочке земли?! Нет, искать Трою надо у холма Хисарлык.

Слон в посудной лавке

Эксцентричный миллионер с киркой и лопатой походил на слона в посудной лавке. Он и вправду находил массу удивительных артефактов, в чутье ему не откажешь, но не обращал на них внимания, выбрасывал, уничтожал. Постройки, которые не отвечали его представлениям о том, какой была Троя, безжалостно сносились. Возможно, не наткнись Генрих на так называемый «клад Приама», его экспедиция вообще не оставила бы от древнего поселения даже камня. Но вот в одном из домов были найдены полтора килограмма золота — диадемы, перстни, кольца, броши, шестисотграммовая золотая бутыль!!! Все это могло принадлежать только троянскому царю Приаму, безапелляционно заявил Шлиман. Следующая его находка в Микенах, названная «кладом Агамемнона», оказалась еще более внушительной. Археолог-дилетант, вызывавший насмешки профессионалов, начал теперь смотреть на них свысока. Он охотно давал интервью газетчикам и распускал про себя удивительные слухи, а впоследствии даже завел имиджмейкера для создания образа непризнанного гения. Широко освещался, например, тот факт, что детей от второго брака с гречанкой Софьей Энгастроменос Генрих назвал древнегреческими именами — Андромахой и Агамемноном. В итоге в Европе началась мода на Шлимана, и то, что он откопал именно Трою, перестало подвергаться сомнению. Деморализованный научный мир

находился в замешательстве и поначалу ничего не мог противопоставить еще вчера неизвестному романтику.

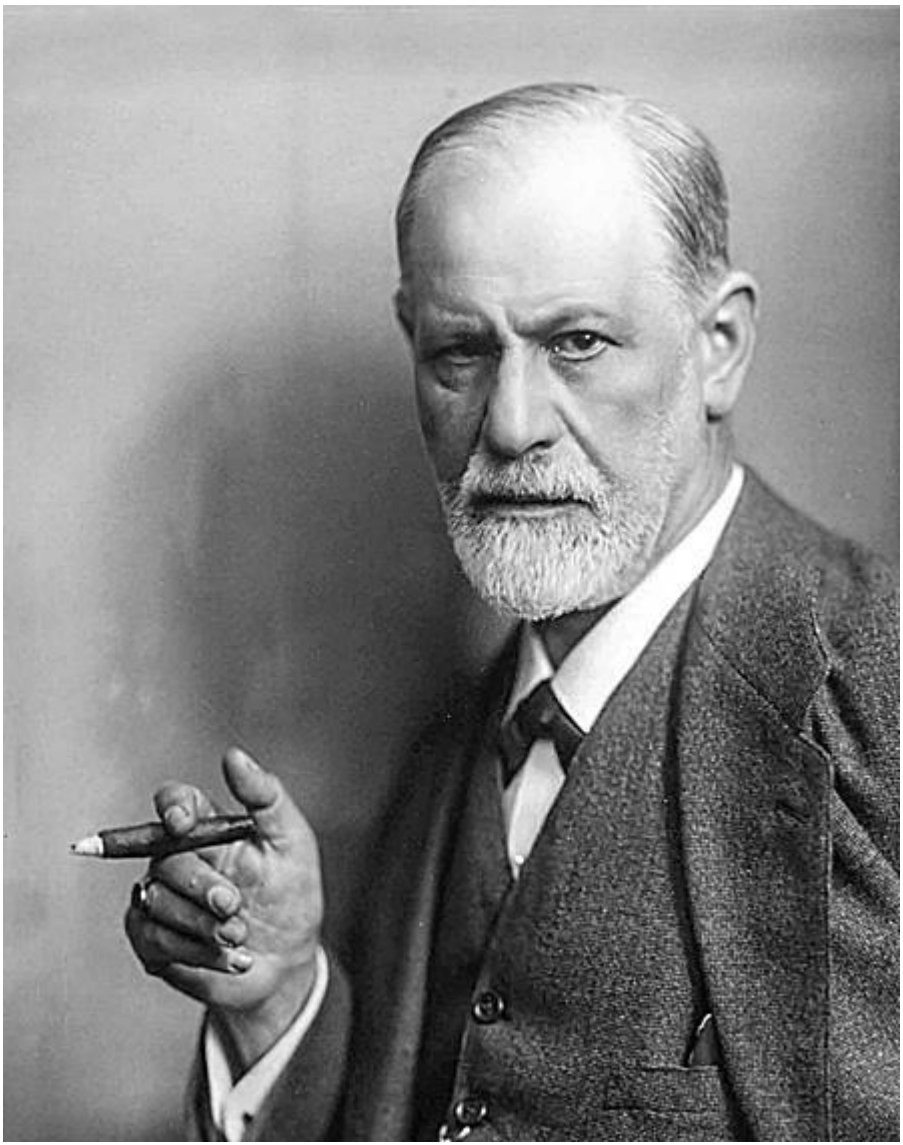
Единственной страной, где Шлиманом восхищаться не спешили, была Турция. Генрих обещал передать часть находок стране, на территории которой вел раскопки. Но когда клады оказались у него в руках, он предпочел позабыть про свои обязательства. Вывоз сокровищ из Османской империи происходил в глубокой тайне, и турки раскусили обман слишком поздно. Впрочем, позже Генрих вернул долг сторицей — перечислил сумму во много раз большую.

Падение с высоты

Судьба отпустила Шлиману несколько лет безоговорочной всемирной славы. Монархи гордились своим знакомством с ним. Светские львицы пытались заполучить его в свои салоны. Рядом с Генрихом — быстро постаревшим, полысевшим, подслеповатым — находилась пышущая молодостью и здоровьем жена, в которую Шлиман был безумно влюблен. Поговаривали, что она вышла замуж за деньги мужа и откровенно в этом признавалась, но внешне это не проявлялось никак. Софья выказывала себя верной соратницей супруга и тем была полной противоположностью Кате. Но райское житье прекратилось в одночасье. Профессиональные археологи, отошедшие от шока, ревизовали многие «открытия» Шлимана. Найденные им ценности оказались много старше Приама и Агамемнона. В науке возобладало мнение, что подлинную Трою — ее существование было признано — уничтожили фанатичные археологические старания самого Генриха. Это подкосило Шлимана: на склоне лет он начал впадать в депрессию, терять веру в себя, утратил взаимопонимание с подругой жизни. Объективно его находки все равно были бесценны для науки, но престарелому мечтателю стало казаться, что жизнь прожита зря.

Силы Генриха иссякали — он перестал уделять внимание даже своему внешнему виду. В Неаполе на Рождество 1890 года Шлиман рухнул посреди площади Св. Кариты. В больнице одного из знаменитейших людей Европы приняли за простолюдина, но в кармане бедняги нашли адрес его личного врача и перевезли в отель, где для больного освободили половину этажа. Папа римский по телеграфу запросил о состоянии здоровья Шлимана и предложил услуги своего лейб-медика. Послы и посланники каждый час справлялись о здоровье больного. Утром 26 декабря 1890 года им сообщили, что Генрих Шлиман скончался.

Фрейд с человеческим лицом. Зигмунд Фрейд (1856–1939)



Все, что написано ниже, написано проклятым человеком. Ибо Фрейд проклял всех своих биографов. Стефан Цвейг, Жан-Поль Сартр, Эрнест Джонс, я и еще полмиллиона авторов добровольно составили компанию, которую отец

психоанализа априори заклеймил за то, что она «обязуется лгать, утаивать, лицемерить, приукрашивать и скрывать свое собственное недопонимание». Неужели сам старик Зигмунд «недопонимал», что эта фраза равноценна крику: «Забудьте Герострата». Человеку, протестующему против биографий, очевидно, есть что скрывать. А это так интригует…

Понятно, чего Фрейд боялся в действительности. На его биографии можно построить каноническую статью для желтой прессы со смакованием интимных подробностей: тут были бы и секс, и drugs, а вместо рок-н-ролла — музыка гениального Густава Малера, которого харизматичный врач, по слухам, лечил от импотенции. Научные открытия психоаналитика оказались столь же щекотливы, сколь велики, и легко поддавались опошлению. Иные современники с жестоким восторгом делали проекцию идей Фрейда на его же жизнь. Фрейд без скабрезностей, Фрейд без домыслов, умный и временами забавный, несчастный и великий доктор Фрейд не так уж часто появлялся на страницах книг и журналов. Фрейда-человека мы и не знаем.

Фрейд амбициозный

В 1856 году в многодетной семье пражского торговца сукном появился сын Зигмунд. Отец его был человеком авторитарным: через много лет Фрейд вспоминал, что в детстве он любил родителя и вместе с тем очень его боялся. Часто от отцовского гнева мальчика спасала мать — мягкая и заботливая женщина, которая была на двадцать лет младше своего мужа. Именно это — страх по отношению к отцу и влечение к матери — Фрейд впоследствии назовет эдиповым комплексом. В зрелости доктор сам признавал, что многие аспекты его учения корнями уходили в переживания детства.

Будущий всемирно известный ученый очень рано решил, что ему необходимо сделать блестящую карьеру, и убедил в этом родителей. Те создали сыну все возможности для самореализации: у него — единственного в семье — в комнате стояла дорогая масляная лампа, в то время как все остальные довольствовались свечами. В семнадцать лет, окончив с отличием школу, Фрейд избрал для себя стезю медика. При этом он не собирался заниматься медицинской практикой, а лишь хотел получить ученую степень врача. В Венском университете Зигмунд проучился больше положенного срока — восемь лет, любознательно посещая даже те лекции, которых не было в

программе его факультета.

В 1884 году Фрейд публикует свой первый научный труд, который посвящен… кокаину. Это, утверждает он, блестящее обезболивающее, способное помочь при любой болезни, а также лекарство от депрессии, несварения желудка, астмы, венерических заболеваний, алкоголизма и… наркомании. Алкающий славы доктор так уверен в справедливости этой идеи, что прописывает это «чудесное средство» своему другу Эрнсту Флейшлю фон Марксову, который пристрастился к морфию при лечении хронических болей. В итоге Флейшль перестает быть морфинистом, но становится рабом кокаина.

Ошибка Фрейда не только не принесла ему желанной славы, но, естественно, испортила его репутацию. Вскоре, когда Европу и Америку захлестнула эпидемия увлечения кокаином, на доктора обрушились разом все противники с обвинением, что он выпустил «джинна из бутылки». Сам Фрейд старался никогда не упоминать о своих «успехах» на «кокаиновом фронте» и даже не публиковал работы на эту тему. По свидетельствам современников, он и сам стал наркоманом. Это произошло от праздности? От испорченности? Нет, исключительно от фанатичной уверенности в своей правоте и жажды быть первым. Такой вот он был, Фрейд амбициозный.

Фрейд влюбленный

Финансовые затруднения вынудили Зигмунда все же заняться частной медицинской практикой, и он стал врачом-неврологом. Дожидаться ученой степени, которая принесла бы и финансовое благополучие, у него не было возможности. Тем более что молодой доктор решил жениться.

До встречи с Мартой Бернейс врач был весьма стеснителен в общении с женщинами, а между тем ему было уже за тридцать. Правда, однажды Фрейд влюбился в одну актрису и послал ей цветы, сопроводив их робким признанием, но этой артисткой была гениальная Сара Бернар, получавшая такие письма ежедневно, — она швырнула послание в мусорную корзину. Под впечатлением от этого эпизода была написана работа Фрейда и появился термин «сублимация».

Марта попалась на жизненном пути Фрейда почти случайно, как в романтическом романе: ее коляска чуть не сбила мечтательного врача. Так будущие супруги познакомились и начали встречаться. Марта быстро почувствовала, насколько тяжелый характер у ее избранника. Фрейд дико ревновал девушку, претендовал полностью на ее внимание, не желал

отпускать ее в семью даже до брака, когда она еще не была его женой. «Отныне Вы в своей семье не более чем гость… Если же Вы не в состоянии отречься ради меня от семьи, то потеряете меня, погубите всю свою жизнь и никогда не будете иметь счастья в семейной жизни…» — писал он возлюбленной. Свадьба состоялась только через четыре года — когда удалось скопить деньги. Однако оказалось, что теперь сам супруг не может уделять жене время — он много работал, и ее потребность во внимании и ласке раздражала его. «Было более чем очевидно, что отношения между Фрейдом и его женой носят весьма поверхностный характер», — полагал Карл-Густав Юнг. Позже даже возникнут домыслы о связи Фрейда с сестрой жены Минни, которая переживет мнимую беременность и воображаемые роды.

Тем не менее Зигмунд прожил с Мартой почти полвека и воспитал шестерых детей. Такой он был, Фрейд влюбленный.

Фрейд-ученый

Следующим после кокаина научным увлечением Фрейда стал гипноз. Сначала он с увлечением последовал за своими учителями в этой области, Брейером и Шарко, однако позже разочаровался в успешности их метода. Наступило время уже собственных открытий и теорий.

Научное портфолио Фрейда можно разложить по полочкам. Первое — «метод свободных ассоциаций» как средство лечения нервных расстройств. Пациент лежит на кушетке и говорит психоаналитику все, что приходит ему в голову. По мнению Фрейда, таким образом на «поверхность» из бессознательного выходит причина невроза. Появление этой формы общения врача с пациентом отчасти было подсказано желанием максимально расслабить больного, отчасти — курьезом: «Я не могу, когда меня рассматривают по восемь часов в день», — ворчливо жаловался Фрейд жене по вечерам.

Второе — идея о сексуальной природе нервных расстройств как основа для всей его теории. Фрейд утверждал, что дети рождаются с сексуальными побуждениями, а в роли первых объектов сексуального влечения выступают их родители. Высокомерная Вена спорила с ним, клеймила позором, обвиняла в извращенности и безнравственности, отношение к его теориям было отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания или превосходства. При этом сам Фрейд к сексу относился весьма странно: «Сексуальное возбуждение совершенно безразлично для такого человека, как я», — писал он в возрасте 41 года.

Кстати, самым известным пациентом доктора считается русский «человек-волк» — Сергей Панкеев, которого привез на прием к Фрейду молодой одесский психиатр Леонид Дрознес. Свое необычное прозвище Сергей получил благодаря детскому сну, в котором он видел, как окно его дома распахивается, а за ним сидят шесть или семь белых волков. Фрейд придал этому большое значение, так как считал, что именно в снах находится ключ к пониманию причин многих болезней. Сны, по его мнению, не просто безосновательные фантазии, а прекрасный источник информации об эмоциональной жизни пациента. Доктор разработал целую теорию и выпустил книгу «Толкование сновидений», которая и сейчас считается одной из его главных работ.

Многочисленные беседы психоаналитика с Панкеевым позволили предположить, что источник его невроза — подсознательная боязнь кастрации, вызванная массой детских сексуальных переживаний. Лечение длилось четыре года. Наконец, «человек-волк» возвратился на родину, и его мать в честь излечения сына заказала в православной церкви молебен с упоминанием знаменитого венского врача. Правда, в 1918 году у Панкеева случился рецидив, и он вновь вынужден был прибегнуть к услугам Фрейда. В то время семья Сергея эмигрировала из России в Австрию, где влачила жалкое существование. Психоаналитик не только помог Панкееву как врач, но и оказал поддержку как друг. «Нам просто нечем было платить за жилье, — вспоминал Сергей, — если бы не профессор Фрейд, которому время от времени удавалось доставать для нас с помощью пациентов-англичан английские книги для перевода».

Ну и конечно, к знаменитейшим открытиям венского доктора принадлежит «оговорка (описка, очитка) по Фрейду». Ученый утверждал, что в нашей обычной жизни бессознательные идеи очень сильно влияют на наши мысли, поступки и слова. Отрывки из его работ по психоанализу, посвященных этой проблеме, можно читать как юморески: «Самой обычной и в то же время самой поразительной оговоркой является та, когда произносится как раз противоположное тому, что собирался сказать, — писал Фрейд. — Можно привести исторические примеры такого рода: президент нашей палаты депутатов открыл как-то заседание следующими словами: “Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание закрытым”».

Долгие годы упорства и роковые ошибки не сломили Фрейда. Наконец он открыл нечто такое, чего не было раньше. Он добился своего, невзирая на общественный остракизм. И его теория надолго пережила его самого. Такой вот он был, Фрейд-ученый.

Фрейд великий

В первом десятилетии XX века Фрейд был уже весьма известным человеком. Он получил докторскую степень по психологии — то, о чем мечтал в годы не очень сытой молодости. В 1909 году его пригласили на цикл публичных лекций в Америку. А это была уже мировая известность. Американцы безоговорочно приняли концепции Фрейда, его лекции, книги и статьи были очень там популярны. К слову сказать, сам психолог хоть и рад был такому признанию, но не пришел в восторг от Америки и американского общества. Его, чопорного европейца, возмутила американская простота манер. Современники писали, что он долго не мог успокоиться, когда гид назвал его «старина». Больше Фрейд в Америку не приезжал.

В 20-х годах у Фрейда обнаружили неизлечимую болезнь — рак полости рта. Привычка выкуривать по 20 сигар в день сделала свое дело. Фрейда лечили, оперировали, однако все это не вело к выздоровлению. Общение с коллегами стало в основном письменным — он так искажал слова, что невозможно было понять.

С приходом Гитлера к власти жизнь Фрейда еще более осложнилась. Во-первых, он был евреем, а во-вторых, сам фашистский лидер и его окружение отрицательно отнеслись к психоанализу и к «копанию в разлагающих душу вопросах секса». В 1933 году книги Фрейда были сожжены в Берлине публично, о чем сам он не преминул сказать: «Прогресс налицо. В Средние века они сожгли бы меня, а сейчас они жгут книги». В конце концов ученый вынужден был эмигрировать в Англию. Выпустили его с трудом. На подвластных Германии территориях его работы были с тех пор строжайше запрещены. Некоторые из родственников, оставшихся в Австрии, погибли в концлагерях. Пути назад у Фрейда не было.

Последние годы жизни в Англии прошли в постоянных муках от болезни. 21 сентября 1939 года Зигмунд Фрейд умер. Существует легенда, что он уговорил своего врача дать ему яд, чтобы прекратить страдания. Так ли это, доподлинно неизвестно, но почему-то нам в это вполне верится. Он верил, что сделал все, к чему был предназначен, и обеспечил себе бессмертие. Жить дальше не имело никакого смысла. Такой вот он был, Фрейд великий, Фрейд с человеческим лицом.

Снежный король. Фритьоф Нансен (1861–1930)

Издевались над ним с фантазией. Например, давали в газету объявление, что «комедиант Нансен в скором времени даст представление на гренландском льду. Места для зрителей будут в ледовых трещинах, и обратные билеты брать не рекомендуется». Он не обижался, не смущался — терпел, а может, попросту не замечал шумихи вокруг своего имени. Как будто предвидел, что рано или поздно различит легкомысленных насмешников в толпе своих почитателей. В

том, что так и произошло, сомнений быть не может. После того как команда Фритьофа Нансена впервые в истории пересекла на лыжах неизведанную Гренландию, родная Норвегия безоговорочно пала к его ногам.

Ученый

В норвежской истории были и другие гиганты: Григ, Гамсун, Ибсен. Но ни один из них не вызывал такого уважения, как Нансен, герой неоспоримый и безупречный, словно персонаж пьес эпохи классицизма. Соотечественникам Фритьоф казался (и кажется по сей день) полубогом — настолько его взгляды опережали представления современников. В норвежских школах без конца пересказывают хрестоматийную историю о постройке легендарного «Фрама» — судна, на котором исследователь мечтал достичь Северного полюса. За пару лет до него такую же экспедицию безуспешно предпринимали американцы: их корабль «Жанетта» раздавили льды, а команда почти вся погибла. Пытаясь избежать этой участи, Нансен придумал уникальную корабельную конструкцию, которую воплотил в жизнь судостроитель Колин Арчер: борта судна он сделал яйцевидной формы, благодаря чему лед не ломал их, а выдавливал корабль вверх. Профессионалы изрядно потрепали норвежца за его «бредовые новации», но когда «Фрам» вернулся из полярных морей, каждый член экипажа готов был благословить ученого за его дальновидность.

Правда, «Фрам» (это слово на норвежском языке означает «вперед») полюса так и не достиг, но открытия, сделанные Нансеном во время путешествия, были бесценны. Человек, от которого три года (с 1893-го по 1896-й) не было ни слуху ни духу, вернулся из полярной ночи триумфатором. Европа заболела Фритьофом так же, как незадолго до этого болела первооткрывателем Трои Генрихом Шлиманом. Монархи и аристократы, светские дамы и банкиры, философы и поэты стремились в Христианию (Осло) с одной целью — пообщаться с этим «сверхчеловеком». И совершенно неудивительно, что народная слава и доверие вовлекли Нансена в большую политику.

Дипломат

Со времен Венского конгресса, на котором европейские державы поделили «наследство» поверженного Наполеона, Норвегия находилась в унии со Швецией: верховная власть в стране принадлежала шведскому королю. Но к началу XX века национальное чувство норвежцев перестало с этим мириться.

Сепаратистские планы подданных раздражали Оскара II, который, опираясь на поддержку Германии, бряцал оружием (изрядно, впрочем, заржавевшим с былых времен). Опасаясь войны, норвежские власти обратились к Нансену с просьбой отправиться в Лондон и заручиться поддержкой Британии. Визит ученого с мировым именем на берега Темзы оказался сильным дипломатическим ходом: английское общественное мнение склонилось в пользу Норвегии. Лондонский кабинет настойчиво предлагал шведам посредничество в решении «скандинавского» вопроса. После этого вооруженное столкновение стало невозможным. Конечно, британские политики преследовали собственные цели, боясь усиления своих континентальных противников, и все-таки роль Нансена в том, что вмешательство англичан состоялось, была велика.

Когда в 1905 году на карте Европы появилось новое независимое государство — Норвегия, многие мечтали, что его премьером или одним из министров станет «великий Фритьоф Нансен». Но сама по себе политика ученого не интересовала, и лишь после долгих уговоров, сдобренных восклицаниями о служении Отечеству, он согласился занять пост норвежского посла в Англии. Однако даже сугубо дипломатическая служба тяготила его. «Я мечтаю о том, чтобы разорвать эти оковы, я стосковался по лесу и моим вольным горам», — написал он вскоре, устав от политических интриг и страстно скучая по своим детям, оставшимся в Норвегии с матерью. Скучал ли Нансен по жене — сказать сложнее. Отношения Фритьофа с известной камерной певицей Евой Хеленой Нансен, урожденной Сарс, были замысловаты. Их брак, несомненно, заключался по взаимной любви, однако с течением времени дал трещину. Нансен не скрывал от жены возобновления связи с былой возлюбленной Дагмар Энгельгардт; в 1905 же году полярный исследователь вступил в отношения со светской красавицей Сигрун Мунте. Несмотря на это, скоропостижная смерть Евы от осложнений пневмонии, незадолго до его отставки с дипломатической службы в 1908 году, вызвала у Нансена сильные переживания. Он стал нелюдим и раздражителен. Еще более эти качества усилились спустя пять лет, когда его настиг новый удар судьбы: от менингита скончался младший сын Фритьофа Осмунд. «Я знаю, что такое печаль, знаю, что такое, когда все вокруг гаснет, когда жизнь становится лишь мучением… Печаль не могут унести другие, в душевной подавленности днем и ночью приходится бороться с ней самому».

Гуманист

В борьбе с апатией Нансен проявил не меньше мужества, чем в схватке с полярными льдами. И для русских должно быть в какой-то мере лестно, что вернуться к активной жизни исследователю помогла Россия. В 1913 году ученый спонтанно отправляется к устью Енисея и оттуда начинает путешествие по необъятной стране, которая со временем захватывает все его мысли. «Я полюбил эту землю, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с ее обширными равнинами и горами, с замерзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синеющими лесистыми горами». За такую «психотерапию» Нансен отплатил России сторицей. Портреты этого норвежского исполина в 20-х годах прошлого века можно было встретить в избах простых крестьян наряду с изображениями вождей революции. И вот почему.

После «бесполезной бойни», каковой Фритьоф считал Первую мировую войну, он стал энергичным сторонником идеалов Лиги Наций, в которой долгое время представлял интересы Норвегии. Документально зафиксировано, что его усилиями смогли вновь обрести кров 437 тысяч человек, обездоленных военным катаклизмом. Но особенно яркой заслугой Нансена-миротворца была поддержка Советской России, в которой от лютого голода тысячами умирали мирные жители. Как известно, в начале 1920-х годов Антанта решила задушить большевистский режим экономической блокадой, которая в первую очередь отразилась на простом населении. Нансен, два года проживший в Поволжье, демонстрировал с трибуны Лиги Наций фотоснимки исхудавших полумертвых детей и требовал у могущественных держав Запада прекратить массовое убийство. «Я буду продолжать призывать европейские страны к борьбе с этим величайшим ужасом в истории. Зима уже близко. Скоро реки в России встанут, а сухопутный транспорт будет затруднен снежными заносами. Допустим ли мы, чтобы зима навсегда остановила сердца миллионов людей? Время еще есть. Но его осталось немного. Если вы знаете, что это значит — бороться с голодом и морозом, тогда положение в России будет вам ясно. Я убежден, вы не останетесь в стороне и не скажете равнодушно: нам жаль, но помочь мы не можем. Именем человечности, именем всего благородного я призываю вас — вас, которые сами имеют жен и детей, — подумать о том, какой это ужас — видеть, как жена и дети идут навстречу голодной смерти. Я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь. Спешите, действуйте, пока еще не поздно!» Нансен сумел выстоять перед градом упреков в «красном окрасе» со стороны коллег, уничижающей

критикой от русской эмиграции. Несгибаемость ученого привела к созданию Комитета помощи голодающим, так называемой нансеновской миссии, где первую скрипку сыграла его родина Норвегия, внеся начальный и очень крупный взнос для поддержки страдающей России. В 1922 году Нансен получил Нобелевскую премию мира и в значительной степени потратил ее… на строительство сельскохозяйственных станций в Саратовской области и на Украине. По самым малым подсчетам, ему довелось спасти от голодной смерти полтора миллиона жителей Советской России. Именно поэтому на склоне жизни (а умер ученый в 1930 году) Фритьоф Нансен стал национальным героем не только в Норвегии, но и в России.

Научный наследник Фритьофа путешественник и геофизик Харальд Свердруп сказал, что его предшественник был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек. Для России эта реплика наполнена особым *личным* смыслом. Поезда с зерном, которые прибыли в Россию по настоянию Нансена в 1920-х годах, спасли от неминуемой гибели наших бабушек и дедушек. А значит, и нас.

В поисках Гипербореи. Александр Барченко (1881–1938)

Мистик Александр Барченко — непременный герой любой книги о поисках древней северной цивилизации — Гипербореи. Рассказ о том, что в 1922 году этот ученый по заданию Феликса Дзержинского проник в труднодоступный район Кольского полуострова и обнаружил там следы высокоразвитой культуры древности, кочует из статьи в статью. Отчет об этой экспедиции был якобы засекречен и сгинул где-то в архивах спецслужб, а сам исследователь унес тайну своего путешествия в могилу, так как был расстрелян в годы сталинских репрессий. Но при ближайшем рассмотрении эта красивая история оказывается не более чем мифом. Какова же правда?

Доктор Барченко, профессор Барченко, академик Барченко… Какими только научными титулами не награждают этого человека поклонники, зачарованные его авантюрной биографией! На самом деле отпрыск провинциального юриста из Ельца, появившийся на свет в 1881 году, не только не имел ученых званий, но и высшее образование завершил лишь к сорока годам. В юности он несколько лет проучился на медицинском факультете Казанского, а затем Юрьевского университета, но из-за недостатка средств был вынужден оставить учебу. И лишь после революции Барченко получил диплом, окончив годичные (!) Высшие курсы по естественно-географическому отделению при 2-м педагогическом институте.

Впечатлительный, художественно одаренный Александр долго не мог найти себя в жизни. Его основным увлечением со студенческих времен стали разнообразные эзотерические теории в духе модной тогда Елены Блаватской. Под влиянием ее идей, а также трактатов другого мистика — Иосифа Сент-Ива де Альвейдера юноша уверовал в древние цивилизации, знания которых существенно превосходили знания его современников. Одной из таких цивилизаций, по версии Блаватской, была гиперборейская, созданная второй расой живых существ на Земле. Они, в отличие от бесплотной первой расы, обладали материальными телами, состоявшими из эфира, и обитали на северном континенте, затонувшем вследствие мирового катаклизма.

В интересе к такого рода теориям не было ничего удивительного: ими в начале XX века увлекались даже члены правительства и царской семьи. Но для Барченко оккультизм и парапсихология стали навязчивой идеей фикс. Так, однажды он вообразил, что может безошибочно предсказывать будущее по линиям рук и, когда безденежье стало столь острым, что семья Александра перебралась из «дорогой» Москвы в провинциальные Барановичи, открыл там… салон хиромантии. Предприятие это потерпело сокрушительное фиаско. Некоторые авторы утверждают, что в 1900-х годах Барченко проводил «уникальные опыты по передаче мыслей на расстоянии». Опыты действительно были, а вот результаты… Нет, никаких мало-мальски серьезных открытий Барченко не совершил. Академик Владимир Бехтерев, с которым нашего мистика свела судьба несколько позже, одобрил интерес нового знакомца к феномену телекинеза, но не более того…

Единственное, что действительно удавалось Барченко и за что ему платили немалые гонорары, так это литературное творчество. Его приключенческие книги «Доктор Черный» и «Из мрака» обладают всеми достоинствами авантюрного романа и забыты незаслуженно. Их герой, приват-доцент Петербургского университета, в юности прошел посвящение в тайное общество, участники которого хранят знания древнейшей земной цивилизации, погибшей в результате вселенской катастрофы. Чтобы удостоиться чести стать «братом», доктор Черный одиннадцать лет провел замурованным в келье таинственного тибетского монастыря. Но по возвращении в мир он познал истину о том, что человеческая история — это история семи рас, последовательно сменяющих друг друга. Сейчас на Земле господствует пятая раса, но кое-где встречаются и выродившиеся потомки предыдущих: они, по мнению махатм, подлежат смерти, ибо лишь тормозят развитие истории. Но когда на глазах героя должно произойти смертоубийство девочки, принадлежащей к «вырожденцам», доктор отказывается подчиниться гуру, спасает ребенка и увозит с собой в Европу… Спустя много лет Черный и его воспитанница Джемма возвращаются на Восток, где члены секты начинают за ними охоту… Лучшие страницы этих романов, пожалуй, не уступают произведениям Конан Дойла, Стивенсона, Майн Рида, Хаггарда и других классиков жанра: здесь есть и пересказанная Барченко на свой лад история гибели «Титаника», в которой чудеса героизма проявляет русский вольнодумец Вася Беляев, и интриги финансистов, грозящие привести к разорению отца возлюбленной доктора, и сочное описание колониальной британской Индии и Гималаев…

Кстати, талантливость книг уверила некоторых авторов, что Барченко сам посетил далекие страны. Так, искатель Гипербореи Василий Демин отмечает, что в романах «описано все так, будто автор видел все своими глазами». На самом деле Александр Васильевич вряд ли вообще покидал пределы Российской империи, о его вояжах нет никаких достоверных данных. Да и на какие средства этот вечно нуждающийся прожектер мог совершить столь дорогостоящие путешествия? Судя по всему, индийско-тибетские мотивы книг Барченко — плод его недюжинной фантазии и книжного образования (читал он, надо отдать должное, немало). Случай отнюдь не уникальный: в конце концов, Жюль Верн никогда не бывал ни в Кордильерах, ни на берегах ангольской Кванзы, но мы не задумываемся об этом, когда читаем «Детей капитана Гранта» и «Пятнадцатилетнего капитана». Удивительно другое: даже дело, где ему, казалось бы, сопутствовал явный успех, Барченко довершить до конца не сумел. Роман «Из мрака» явно не задумывался как последний в истории доктора Черного и его друзей. Читатели с нетерпением ждали продолжения, но так и не дождались. Революция поставила жирную точку в литературной карьере этого человека. А жаль, ей-богу.

После того как грянул Октябрь, Барченко поначалу подвизался в качестве преподавателя революционным матросам Балтийского флота (денег в семье по-прежнему не было). Темой лекций недоучившегося медика были отнюдь не правила оказания первой помощи при огнестрельном ранении, а все та же эзотерическая историософия, но, так сказать, с поправкой на конъюнктуру. Звучало это так: «Золотой век, то есть Великая Всемирная Федерация народов, построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей Земле. И господство ее насчитывало около 144 тысяч лет. Около 9 тысяч лет тому назад… в Азии была попытка восстановить эту федерацию в полном объеме. Это та эпоха, что известна в истории под именем похода Рамы». Далее Барченко вещал про то, что в Тибете до сих пор сохраняются знания, позволяющие восстановить великую коммунистическую федерацию, и разгоряченные от таких истин балтийцы выражали готовность с боями прорываться в Гималаи. И строчили об этом письма в соответствующие инстанции, но ответа не получали.

В 1920 году просветителю крестьян и пролетариев наконец повезло. Его опыты в области телекинеза заинтересовали Владимира Михайловича Бехтерева, искавшего в те годы научные объяснения этого феномена. Но тесное сотрудничество знаменитого академика и товарища Барченко — еще один миф.

Их знакомство состоялось в начале января на конференции в Петроградском институте мозга, а уже в конце этого месяца Александр Васильевич был назначен главой экспедиции на Кольский полуостров и отбыл из столицы… По возвращении Барченко несколько раз встречался с Бехтеревым (отчитывался), состоял с ним в переписке, но вскоре и с ученым, и с возглавляемым им Институтом мозга все сношения прекратил. Кажется, это не сильно похоже на «тесное сотрудничество». Между прочим, целью научной экспедиции было изучение «меряченья» — странной болезни, наблюдавшейся в Русской Лапландии. Подверженные загадочному недугу люди впадали в транс, начинали копировать действия находившихся рядом, говорить на непонятном языке и беспрекословно подчиняться приказам. Так вот: о выполнении основной задачи поездки Барченко известно лишь то, что секрет «меряченья» разгадан не был, и глубокие работы по этой теме появились лишь спустя десять — пятнадцать лет в Германии. Возникает вопрос: что делал Барченко со товарищи два года в глухом уголке Русского Севера? Ждал, пока закончится Гражданская?

Поклонники этого героя хором ответят: как можно так говорить, ведь он открыл Гиперборею! Нашел уникальные памятники древности! И вообще, мандат Института мозга был лишь прикрытием! Ведь экспедицию финансировала ЧК! Лично Дзержинский! Давайте же разберемся, что именно нашел Барченко и зачем НКВД нужно было за это платить. История находок «ученого», по его словам, такова. Однажды участники экспедиции попросили ловозерских лопарей (саамов) отвезти их на Роговый остров, куда в течение многих лет шаманы, задабривая духов, свозили оленьи рога. Аборигены тревожить священное место не пожелали, и лишь сын православного священника согласился перевезти гостей на заповедный клочок земли посреди Ловозера. Но при приближении к острову поднялся такой сильный ветер, что на лодке переломилась мачта, в чем путешественники суеверно усмотрели гнев потусторонних сил. Ученые вынужденно высадились на южном болотистом берегу озера и неожиданно обнаружили посреди глухой тундры дорогу (кажется, даже мощеную). Просека, что вела к соседнему Сейдозеру, заканчивалась открытой площадкой, с которой Барченко и его соратникам открылся воистину мистический вид: с противоположного берега на них смотрела распластанная на скале гигантская фигура с раскинутыми руками. Позже лопари рассказали им предание о том, что это предводитель воинственных иноземцев Куйва, который проиграл бой саамскому шаману-нойду и превратился в тень. Находка эффектная, что и

говорить. Но есть пара оговорок.

«Куйва на Сейдозере пользуется особым почетом со стороны сейдозерских лопарей (зимой они живут в Ловозерском погосте). Проезжая на карбасах мимо Куйвчорра, лопари опасаются громко кричать и ругаться из-за боязни, что Старик разгневается. К нам они обращались с просьбой, чтобы и мы соблюдали бы возможную тишину вблизи Куйвы. Лопари избегают грязнить воду в Сейдозере, так как Старик этого не любит и в противном случае не даст рыбы».

Это не текст древнего манускрипта, который Барченко передали хранители древнего знания. Это отрывок из статьи известного этнографа Вильгельма Визе, опубликованной в Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера в 1912 году, за девять лет до экспедиции Института мозга. Научное сообщество уже давно было осведомлено о Куйве, и открытие идола над Сейдозером было открытием для Барченко и его товарищей, но никак не для науки. В Петрограде ученые резонно предложили Александру Васильевичу воздержаться от далеко идущих выводов до тех пор, пока не будет доказано искусственное происхождение Куйвы.

А в 1923 году советский геолог академик Ферсман установил, что загадочная «тень» образовалась естественным образом: ручейки талой воды, стекая с вершины, в течение веков вытемнили часть скалы в форме человеческого силуэта.

Куйва был главным «козырем» Барченко. Все прочие его находки — надо сказать, немногочисленные — явно рангом пониже. «В одном из ущелий мы увидели загадочные вещи. Рядом со снегом, там и сям пятнами лежавшим по склонам ущелья, виднелась желтовато-белая колонна вроде гигантской свечи, а рядом с ней кубический камень», — вспоминал товарищ Барченко астрофизик Александр Кондиайн. По возвращении домой глава экспедиции рассказывал также о ритуальных камнях-сейдах, о виденной им небольшой «пирамиде» из камней и о странном лазе под землю, у которого всех исследователей охватило чувство панического страха… Вот, собственно, и все. Разве это тянет на открытие древней цивилизации?

Теперь о роли спецслужб в кольской одиссее Барченко. Хочу заострить внимание на том, что в экспедиции, состоявшей из самого Александра Васильевича, его супруги, четы Кондиайнов и завхоза Пилипенко, не было не только ни одного чекиста, но даже ни одного большевика. Возможно ли, что исследования стратегического значения, да еще и в условиях очень тяжелой международной обстановки, могли вестись без комиссара? И это при том, что в 1918 году в органы на Барченко поступил донос,

рассказывающий о его антисоветских настроениях. А если бы он, найдя «тайные знания», рванул бы в буржуазную Норвегию? Или Финляндию?

Разрешить эту загадку позволяет рассказ самого «профессора» о начале сотрудничества с ЧК. Однажды на его петроградскую квартиру явились четверо чекистов: Федор Лейсмер-Шварц, Александр Рикс, Эдуард Отто и Яков Блюмкин. Все они были старыми знакомцами Барченко, так как интересовались оккультизмом и посещали лекции Александра Васильевича об империи Рамы. Исследователь поведал им, что в данный момент изучает возможности чтения мыслей на расстоянии. Прорыв в этой отрасли науки, по его мнению, мог бы быть достигнут в случае установления контактов с хранителями древних «допотопных» знаний. «Товарищи заявили мне, что моя работа имеет настолько большое значение, что я должен доложить о ней правительству, председателю ВСНХ товарищу Дзержинскому. По их совету я написал Дзержинскому о своей работе». Можно предположить, что именно после этого «железный Феликс» приказал снарядить экспедицию в район Ловозера… Но это не так. Ведь судьбоносный разговор Барченко с красными контрразведчиками происходил в конце 1924 года — а с Кольского полуострова он вернулся еще в 1923-м. Речь шла о поисках Шамбалы — страны в Гималаях, где, по убеждению Александра Васильевича, и сохранился осколок высокоразвитой цивилизации далекого прошлого. До 1924 года о сотрудничестве оккультиста со спецслужбой и речи нет. Да, сотрудники петроградской ЧК за ним наблюдали, проявляли интерес к его идеям, Блюмкин даже ходатайствовал за Барченко перед Луначарским, но это — все. Финансирование Дзержинским исследований в Русской Лапландии и некие засекреченные отчеты, запрятанные в архивах, — лишь миф, в который были транслированы позднейшие перипетии судьбы Александра Васильевича.

Интересно, что в последующие после Северной экспедиции годы Барченко и не вспоминал об «открытой им» Гиперборее. Его полностью увлек проект поиска Шамбалы, мифической страны, якобы затерянной в Тибетских горах. В 1925 году при содействии своих знакомых из ЧК исследователь занял пост руководителя нейроэнергетической лаборатории Спецотдела ОГПУ-НКВД, занимавшейся проблемами неконтактного воздействия на психику человека и прочими паранормальными явлениями. Александр Васильевич читал чекистам лекции по эзотерике, мечтал о поимке снежного человека, пробил для себя экспедиции в крымские пещеры и Алтайские горы, где безрезультатно искал

«универсальные знания». Пытался он добиться разрешения и на поездку в Тибет — искать пути в Шамбалу, но вышестоящие товарищи его урезонили. Советские экспедиции в Лхасу все же состоялись, однако их целью были не знания, а конкретная информация… Агенты большевистской разведки пытались распространить советское влияние на этот регион и подорвать в нем влияние английское.

В общем, на своем ответственном посту Барченко отнюдь не преуспел. Все его разработки, несмотря на щедрое финансирование, не получали никакого практического воплощения. А между тем приближалась мировая война, и государству нужны были не обещания найти знания древних цивилизаций, а конкретные результаты… Спонсировать химеру правительство больше не могло.

В 1937 году Спецотдел НКВД был закрыт. Александра Барченко, как и многих его коллег, арестовали по обвинению в антисоветской деятельности. Так революция пожирала своих детей и тех, кто был к ним близок… Барченко поплатился за свои связи с троцкистами вроде матерого авантюриста, который в 1918 году убил немецкого посла Мирбаха, — Якова Блюмкина, расстрелянного еще в 1929 году. Сыграла свою роль и страсть к тайным обществам, ведь еще в 1923 году Барченко создал законспирированную организацию «Единое трудовое братство». Ее цель была, в общем, безобидна — поиск Шамбалы-Агарти, но эпоха оказалась неблагоприятной для таких масонских игр. Суд признал бывшего чекиста виновным и приговорил его к высшей мере наказания — расстрелу, произошедшему через пятнадцать минут после оглашения приговора.

Да, безусловно, Александр Барченко был неординарным человеком. Чрезвычайно энергичным. Способным мыслить нешаблонно. Эрудированным. Увлеченным. Свято верившим в свои идеи. Но при этом удивительно бесплодным. Поклонники Барченко уверяют, что, находясь в тюрьме, Александр Васильевич написал революционный научный труд, подводящий итоги его исследований в нейроэнергетической лаборатории, но потом эта работа была упрятана в спецхран и якобы пропала во время Великой Отечественной войны. Увы, этой монографии никто не видел и не читал. Была ли она, и если да, то каков ее научный уровень, мы можем только гадать. А вот в отношении открытий Барченко на Кольском полуострове сомнений нет: это не более чем легенда.

Писатели и деятели искусства

Неутраченные иллюзии. Александр Дюма (1802–1870)

Он появился в блестящем Париже с пустыми карманами, а еще — с наивной мечтой посетить знаменитый театр «Комеди Франсез». Капиталом юноши были четыре зайца, двенадцать куропаток и два перепела, подстреленные по дороге из родного городка Вилле-Котре в столицу. Отдав добычу хозяину

гостиницы, он получил возможность два дня прожить в комнатенке под самой крышей. Но судьба была благосклонна: великий актер Тальма, знавший когда-то отца молодого человека, подарил ему билет на свой спектакль. В тот вечер провинциал поклялся, что на сцене главного театра Франции будут идти его пьесы, а он станет лучшим из всех живших на земле драматургов. И пусть сегодня мало кто способен назвать хотя бы одну пьесу этого человека, его имя известно даже далеким от литературы людям.

Тот, кого сегодня мир знает под именем Александра Дюма-отца, поначалу представлялся Дюма-сыном, так как его родителя звали тоже Александром. Это был человек знаменитый для своего времени. Мулат, лишенный отцом всех прав, внебрачный отпрыск маркиза де ля Папетри и его чернокожей рабыни, он стал героем революционных войн Франции и за отчаянную отвагу получил яркие прозвища Черный Дьявол и Баярд. Ходили слухи, что подвигам и популярности бастарда завидовал сам Наполеон, тогда еще молодой талантливый полководец. Между Дюма и честолюбивым Бонапартом поначалу завязались дружеские отношения, однако во время Египетского похода отец писателя, принимавший участие в операции, имел неосторожность заявить будущему императору, что тот заботится о личной славе, а не о славе Франции.

Откровенность дорого обошлась храброму офицеру. Когда, через много лет, он, полуслепым, глухим и почти парализованным, вернулся на родину из австрийского плена, Наполеон, ставший пожизненным консулом, отклонил все просьбы друзей Дюма помочь генералу и его семье.

Но, перестав быть героем для наполеоновской Франции, генерал оказался примером для своего маленького сына. Отец — первый и самый большой кумир великого романиста, именно к его бесстрашию, благородству и чести восходят подобные качества Д'Артаньяна, графа де Бюсси, Эдмона Дантеса и других знаменитых персонажей Дюма. Тем ужасней была для маленького Александра смерть родителя. Когда его не стало, мать сказала осиротевшему мальчику, что отца забрал Бог. Малыш взял охотничье ружье и стал карабкаться по лестнице на чердак.

Когда его спустили вниз набежавшие взрослые, ребенок объяснил, что хотел застрелить Бога, отнявшего у него папу.

Госпожа Дюма не смогла дать сыну достойное образование. К двадцати годам ее чадо умело читать, писать, а также освоило три арифметических действия: сложение, вычитание и умножение

(делить Александр не научился до конца жизни). Этого хватало лишь на то, чтобы исполнять мелкую канцелярскую работу в конторе местного нотариуса.

История с «биографией»

Возможно, из Дюма получился бы обыкновенный деревенский балбес, не случись ему как-то увидеть спектакль заезжего театра. Вот тогда-то у юного повесы и появилось страстное желание посетить «Комеди Франсез». А по возвращении Александра из Парижа во всем Вилле-Котре только и было разговоров, что о роскошной парижской сцене и игре гениального Тальма.

Вскоре Дюма отправился покорять столицу. Сослуживец отца устроил юношу переписчиком в канцелярию герцога Орлеанского. Постепенно честолюбивый паренек начал заполнять огромные белые пятна своего образования. Он познакомился с произведениями Шекспира, Мольера, Шиллера, а любимой книгой Дюма стала «Всемирная биография», включавшая жизнеописания крупных исторических личностей. Будущий создатель «Трех мушкетеров» штудировал ее неоднократно и однажды почувствовал: пора самому взяться за перо.

Так на свет появилась пьеса «Христина Шведская», которую Дюма, преисполнившись достоинства, тут же понес… в «Комеди Франсез». Взяв штурмом — иначе об этом не скажешь — особняк королевского комиссара театра барона Тейлора, молодой литератор предстал пред хозяином, принимавшим в то время ванну. Шокированный напором Тейлор милостиво согласился выслушать первый акт, надеясь быстро отделаться от бесцеремонного гостя, но когда чтение было закончено, барон произнес коронную фразу, вскоре облетевшую весь Париж: «Ну что же вы молчите? Продолжайте! Разве вы не видите — я мерзну!» На следующий день пьесу Александра Дюма приняли к постановке.

Фабрика звезды

Нельзя сказать, что с этого момента все в жизни Дюма пошло гладко, однако в целом ему действительно сопутствовала удача. Да и сам он никогда не унывал. Например, когда выяснилось, что «Христина» не может попасть в репертуар театра из-за козней ведущей актрисы, для которой в пьесе не нашлось роли, хитрый драматург тут же написал другое произведение. Естественно, с учетом «пожеланий» самолюбивой примы. Спектакль «Генрих III и его двор» имел оглушительный успех. После этого сын

легендарного Баярда стал настолько знаменит, что знакомством с ним начал хвастаться даже герцог Орлеанский.

Александр бросил работу и посвятил жизнь литературному труду. Вскоре к нему за консультацией стали обращаться другие авторы. Некоторые из них просили поставить фамилию под их опусами, ведь драматургия Дюма пользовалась огромным спросом и соответственно оплачивалась. Так постепенно образовалась целая «фабрика пьес», а затем — и «фабрика романов».

Дело в том, что в 1829 году была изобретена журнальная формула «продолжение следует». Мастерам «нескучных» жанров это позволило не только увеличить свою популярность, но и значительно повысить доходы.

Дюма особенно преуспел в этом. Обильно используя диалоги (платили построчно) и не забывая про захватывающий сюжет, он вместе с «помощниками» буквально пленил всю Францию. Когда в журналах ежедневно печатались главы «Графа Монте-Кристо», парижане с ночи занимали очереди в редакцию. Газеты вырывали из рук торговцев. Кто-то обмолвился, что по славе Дюма занимает второе место вслед за Наполеоном.

Оборотной стороной громкой известности стала травля со стороны многочисленных завистников: чаще всего звучали обвинения в плагиате. Однако они были далеки от истины. Как писал Андре Морга, Александр Дюма «вовсе не эксплуатировал своих сотрудников, скорее, наоборот, он придавал их трудам слишком большое значение. Легкость, с которой он превращал любого мертворожденного литературного уродца в жизнеспособное произведение, заставляла его предполагать талант в самых бездарных писателях».

«— Никак не могу понять, — обмолвился он однажды, — чего не хватает Мальфилю, чтобы быть талантливым писателем.

— Я вам скажу, — ответил собеседник, — по всей вероятности, ему не хватает таланта.

— И правда, — сказал Дюма, — а мне это никогда не приходило в голову!»

Секрет бессмертия

Известности писателя весьма способствовал оригинальный стиль жизни. Праздники, задаваемые им, напоминали гулянки русских купцов, бурные романы с блестящими женщинами снабжали темами для разговоров все салоны Парижа, колоссальные долги заставляли романиста скрываться от кредиторов… Творческой лабораторией Дюма был роскошный

сераль, а вовсе не башня из слоновой кости. Вместе с тем в нем никогда не было гордыни и презрения. Александра всегда отличали доброта, отзывчивость, искренность и хорошее чувство юмора.

Александр Куприн приводит такой забавный рассказ о французском романисте. Некий русский классик, придя как-то навестить Дюма, стал свидетелем странной картины. Хозяин работал за письменным столом, а на коленях у него сидела декольтированная юная девица. Гость полушутя обмолвился в разговоре, что ситуация, в которой он застал собрата по перу, вероятно, не особенно удобна для творчества. «Ничуть, — решительно воскликнул француз. — Если бы на другом колене у меня сидела вторая женщина, я писал бы вдвое больше, вдвое охотнее и вдвое лучше».

Современники утверждали, что число подруг Дюма превышало три сотни. При этом он был женат на актрисе Иде Ферье, не блиставшей ни особой красотой, ни ярким талантом. По одной из версий, свадьба состоялась после того, как Дюма вместе с Идой, тогда еще не женой, посетил прием у герцога Орлеанского. Писатель надеялся, что это нарушение этикета останется незамеченным, но герцог подошел к нему и сказал, что счастлив видеть у себя госпожу Дюма. После такого заявления не жениться было невозможно. Однако уже через шесть лет брак распался. Ида, устав от постоянных ссор с мужем, завела себе постоянного поклонника, итальянского князя, и вскоре уехала к нему. Все дети Дюма были рождены вне брака. Матерью его старшего сына Александра была белошвейка Мари-Катрин-Лор Лабе, с которой писатель познакомился в первые месяцы своего пребывания в Париже. Актриса Белль Крельсамер (сценический псевдоним — Мелани Серре) родила ему дочь Мари-Александрину. И, наконец, замужняя дама Анна Бауэр осчастливила романиста еще одним отпрыском — Анри. Последний так походил на знаменитого отца, что для всех было очевидным: официальный супруг мадам Бауэр тут ни при чем. Книги Дюма чрезвычайно любили в России. Однако император Николай I к писателю не благоволил. Причиной тому был роман «Учитель фехтования», посвященный восстанию декабристов. Рассказывали, что императрица Александра Федоровна читала его, когда строгий супруг внезапно вошел в будуар. Увидев, что жена прячет книгу, он сказал: «Я уверен, что вы читаете роман Дюма, ведь это последнее произведение, которое я запретил». Лишь после воцарения нового государя — Александра II — автор «Трех мушкетеров» посетил нашу страну. Везде в России его ожидал горячий прием, а в Дагестане Дюма торжественно

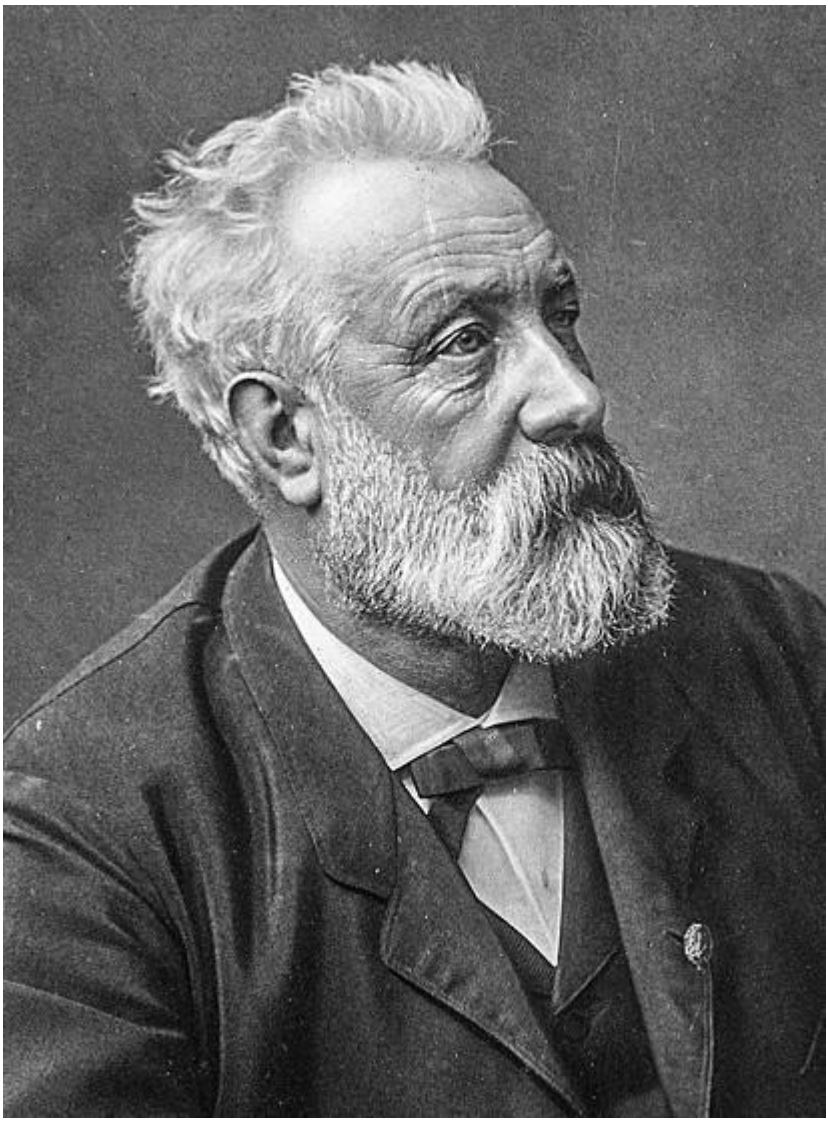
провозгласили королем литературы.

Дюма был на четверть негром. И это, увы, являлось еще одной причиной нападок на него. Так, однажды некий господин позволил себе отпустить расистскую шуточку в присутствии писателя. Тот не прореагировал. Тогда нахал обратился прямо к нему: «По-моему, вы являетесь большим знатоком негров, не так ли, господин Дюма?» — «Естественно, — невозмутимо ответил тот, — отец мой был мулат, дед — негр, а прадед — обезьяна. Как видите, моя семья начинается с того, чем кончается ваша».

Легковесное отношение к писательскому труду, казалось бы, не позволяет признать Дюма классиком. И по сей день интеллектуалы спорят о том, можно ли считать его произведения серьезной литературой. Историки утверждают, что романы ненаучны. Писатели и литературоведы говорят, что они художественно неполноценны. И с этим можно было бы согласиться, если бы не одно «но». История не терпит бездарности. И если вот уже без малого двести лет все мы запоем читаем «Трех мушкетеров», значит, есть в этой книге что-то великое и бессмертное, без чего не может обойтись ни литература, ни наша жизнь вообще. Известный публицист Петр Вайль понял феномен так: «Лучшие герои Дюма архетипичны, с ними проще отождествиться, что доступно каждому школьнику; тут и в самом деле не надо никакой подготовки, как незачем готовиться к восприятию сказок и мифов. С героя настоящего, сказочного — и спрашивать нечего: он парит. Кто-то из англичан сказал: “Тому, кто создал Д'Артаньяна, можно простить что угодно”. Это относится и к создателю, и к созданиям».

А в дополнение к Вайлю еще один факт — для обдумывания. Александр Дюма-сын отказался участвовать в «фабрике пьес и романов». Он стал «серьезным» литератором и добился популярности и бессмертия не «Тремя мушкетерами», а «Дамой с камелиями». Но когда младшего Дюма спросили, кому он наследует как писатель, тот, не раздумывая. ответил: «Отцу».

Тайна капитана. Жюль Верн (1828–1905)



Среди героев приключенческой литературы одна из самых романтических биографий — у капитана Немо. Его создатель, великий фантазер и провидец Жюль Верн, сделал своего героя индийским принцем Даккаром, некогда возглавлявшим восстание сипаев против английского владычества. Когда мятеж был подавлен, победители жестоко расправились с семьей героя, но сам он выжил и превратился в сурового ангела

мести, бороздящего морские просторы на чудо-подлодке и уничтожающего военные корабли британского флота. Почему же прославленный романист выбрал для «господина Никто» именно такую судьбу? Были ли у него прототипы среди вождей реального восстания? Ответы на эти вопросы не так однозначны, как кажется на первый взгляд…

Идею написать книгу о странствиях под водой Жюлю Верну подарила его почитательница Жорж Санд. Прочитав в 1865 году несколько книг беллетриста, она прислала письмо, где помимо дифирамбов было такое предложение: «Я надеюсь, скоро вы увлечете нас в пучину моря и заставите ваших героев совершить путешествие в подводной лодке, которую усовершенствуют ваши знания и ваше воображение…» Мысль пришлась писателю по вкусу. Но наряду с занимательным сюжетом и невероятными приключениями Жюлю Верну захотелось ввести в текст и политический мотив. В начале 60-х годов XIX века романист внимательно следил за трагическими событиями в Польше, где вспыхнуло очередное восстание поляков против русского самодержавия. Уступки и увещевания царских властей не помогли, и Александр II подавил мятеж силой; генерал-губернатор Западного края М. Н. Муравьев, непосредственно руководивший «наведением порядка», в демократической среде получил прозвище Вешатель. Император французов Наполеон III, который втайне грезил если не об аннексии католической Польши, то уж точно о ее независимости от России, приложил максимум усилий, чтобы Европа видела в русских исключительно палачей и сатрапов. Поэтому общее настроение во Франции было чрезвычайно сочувственным по отношению к полякам. Если к этому прибавить, что Жюль Верн был страстным противником любой тирании, можно понять, почему своему издателю Пьеру Жюлю Этцелю он сообщил следующее: «Героем произведения будет уроженец Польши, принимавший участие в последнем восстании. Все его родные и близкие погибли от пуль карателей. Он чрезвычайно образован, одарен, он ученый, но это фигура трагическая. Путешествуя на изобретенном им подводном корабле, он вступает в бои с царскими военными судами и топит их». Но Этцелю эта идея решительно не понравилась. Политическая ситуация менялась быстро, между Россией и Францией вновь наметилось сближение, и издатель уверил автора, что цензура не пропустит такой сюжет. Он предложил сделать героя американцем-аболиционистом, который мстит южанам-работорговцам. Но теперь заупрямился Верн: «Война между Севером и Югом закончилась искоренением рабства.

Герою больше не с кем бороться, в этом нет никакого смысла». Тогда Этцель посоветовал превратить Немо в абстрактного философа, противника деспотии в любом ее виде, но писателю все же хотелось иного. В итоге споры так затянулись, что из романа «Двадцать тысяч лье под водой» читатели так и не узнали, кто же на самом деле этот загадочный незнакомец, взявший в плен профессора Аронакса и его друзей. Лишь спустя несколько лет, работая над книгой «Таинственный остров», писатель окончательно определился с судьбой своего любимца: чтобы удовлетворить и себя, и Этцеля, он решил сделать Немо вождем мятежных сипаев. Их борьба за национальное освобождение пробуждала в душе писателя горячее сочувствие, а описания тонущих британских фрегатов у французских цензоров могли вызвать только злорадную ухмылку.

Подводный террорист

Сипаи — это солдаты туземных войск (индуисты и мусульмане), присягнувшие британской короне и за это получившие определенные привилегии по сравнению с соотечественниками. Да, они жили в бараках, а не в уютных бунгало и не могли подняться по карьерной лестнице выше чина сержанта, но зато им платили приличное жалованье и выдавали казенное обмундирование. Почему же они решили променять свое привилегированное положение на изнурительную войну, победа в которой изначально была очень сомнительна? Очевидно, среди сипаев были патриоты, движимые мечтой о независимости родины, но роль детонатора сыграли обстоятельства иного рода. Во-первых, английское колониальное иго отнюдь не казалось благом для всех слоев коренного населения. Англичане с их откровенной претензией на расовое превосходство для большинства индийцев были отнюдь не благородными цивилизаторами, несущими «бремя белого человека», а чужаками-завоевателями, которые сами собой никуда не уйдут. Как метко сказал много позже Махатма Ганди, «Взгляните на историю Британской империи и британской нации; любовь к свободе, как бы сильна она ни была, не поможет народу, который не стремится взять ее своими руками». Во-вторых, у отдельного класса туземцев был вполне конкретный интерес, отличный от патриотических абстракций: индийские феодальные князья, служившие в сипайских войсках, желали возвращения земель, которые отняли британцы.

Кроме того, в сипайские полки проникли члены радикальной мусульманской секты, начавшей действовать на территории

Индии за несколько десятилетий до этого, — ваххабиты. Они истово призывали единоверцев, страдающих от голода и нищеты, к священной войне против «неверных».

Крупнейший советский востоковед Григорий Бонгард-Левин отмечал: «Ваххабитская пропаганда среди этих сипаев находила благодатную почву… Идея восстания, таким образом, давно вынашивалась, но неправильно представление, что восстание было планомерно организовано, — оно вспыхнуло стихийно».

Поводом к мятежу весной 1857 года стала новая британская винтовка Энфилда, поступившая на вооружение сипайских частей. Патроны к ней якобы были пропитаны свиным салом и говяжьим жиром.

Соответственно, их скусывание было греховным для исповедующих и ислам, и индуизм. Британцы не только не смогли переубедить индийцев, но, более того, подвергли отказавшихся повиноваться публичным наказаниям. В городе Мирут разъяренные сипаи попросту вырезали своих мучителей и отправились на штурм Дели. После этого сработала цепная реакция, и по всей Северной Индии начались стихийные солдатские бунты.

Единого лидера, своего «принца Даккара», у повстанцев не было. Опьяненные свободой сипаи выглядели не как боеспособная армия, а как разъяренная толпа, из которой постепенно исчезали начатки организации. Современник событий Карл Маркс справедливо писал об этих событиях: «Разнородная масса восставших солдат, которые перебили своих офицеров, сбросили с себя узы дисциплины и не смогли выдвинуть человека, на которого можно было бы возложить командование, — такая масса была менее всего способна организовать длительное и серьезное сопротивление». Она его и не организовала: мятеж был подавлен отлаженной военной машиной британцев с хладнокровной жестокостью.

Расправы сипаев над англичанами, которые привели колонизаторов в неистовство, надо признать, носили зверский характер. Так, британский гарнизон Канпура согласился на капитуляцию при условии, что местный сипайский предводитель Нана Сахиб позволит всем сесть в лодки и доплыть по Гангу до британской Калькутты. Но как только ворота города открылись, на побежденных набросились обезумевшие индийцы: все мужчины были растерзаны, а женщин и детей Сахиб заточил в тюрьму, долгое время использовал как заложников, а когда превосходящие силы британцев подступили к его цитадели, приказал перерезать пленникам горло.

Месть королевских сил была ужасной. Английский

аристократ лорд Элфинстон честно констатировал, что «преступления, совершенные нашей армией после взятия Дели, неописуемы. Месть пала на всех: и на друзей, и на врагов». Подполковник Т. Райс Холмс сообщал: «Группы туземцев предавали суду Военного Комиссариата или специальных комиссаров, каждый из которых был наделен исключительным правом миловать и казнить от имени правительства. Судьи эти были совершенно не склонны к проявлению милосердия. Почти все представшие перед судом были признаны виновными, и почти все, кого признали виновными, были приговорены к смертной казни. На видном месте в городе установили виселицу площадью четыре квадратных фута, и каждый день на ней вешали по пять-шесть обвиняемых. Вокруг сидели британские офицеры и, попыхивая сигарами, наблюдали за конвульсиями жертв». Впрочем, суды чаще всего не требовались. Отец военной журналистики корреспондент «Таймс» Уильям Говард Рассел сообщал: «При взятии Лакхнау начались поджоги и всеобщее избиение, в котором не делалось никаких различий. С несчастным, который попадал в руки наших солдат, будь он сипай или аудский крестьянин, расправлялись на месте, не спрашивая ни о чем. Разве не было достаточно того, что у него темная кожа? Веревка и сук или пуля в голову быстро кончали с беднягой». Однако и это было не самое страшное. Тот же Рассел свидетельствовал: «Все виды возмездия, нехристианской пытки вроде зашивания мусульман в свиную кожу, обмазывания свиным салом перед казнью, сжигание их тел, принуждение индусов осквернять себя являются позорными и в конце концов оборачиваются против нас самих. Все это духовные пытки, и прибегать к ним у нас нет никакого права, и мы бы не посмели прибегать к ним на глазах Европы». Между тем в Индии они применялись самым широким образом.

В произведении Жюля Верна англичане бесчеловечно убивают и семью создателя «Наутилуса». Правда, подробностей его участия в восстании писатель нам не сообщает. Его принц Даккар — человек европейски образованный, технологический гений и полиглот. Никого подобного среди сипайских предводителей не было. Так что же, капитан Немо чистой воды вымысел?

Два капитана?

В архиве Жюля Верна хранится множество бумаг, посвященных Нана Сахибу, который долгое время считался основным прототипом капитана Немо. Правда, он, в отличие от

литературного героя, был не принцем, а приемным сыном пешвы — первого министра индуистского государства маратхов — Баджи Рао II, который был низложен англичанами и мирно жил в тихом провинциальном дворце в Битхуре, получая, впрочем, от колонизаторов щедрую пожизненную пенсию. После смерти Баджи Рао в 1851 году жизнь Сахиба переменилась. Возможно, к участию в мятеже его подтолкнула и утрата привилегий, которыми пользовался старый пешва и которые в том или ином виде распространялись на него самого. Нана был по-своему энергичным, решительным и сильным человеком, но, как мы уже убедились, кровожадным и не знающим жалости. Вероятно, не всем известно, что Жюль Верн посвятил восстанию сипаев отдельный роман под названием «Паровой дом», где Нана Сахиб выведен под собственным именем. Вот программа борьбы с англичанами, которую он излагает своим единомышленникам: «Горе начальникам королевской армии, не погибшим под ударами наших сипаев! Погиб Лоуренс, погиб Нэпир, погибли Гобсон и Навлок, но многие уцелели! Живы Кэмпбелл, Роз и между ними тот, кого я ненавижу более всех, жив полковник Мунро, потомок палача, первого, осмелившегося привязывать индусов к пушечному дулу, жив человек, собственноручно убивший мою подругу, рани! Только попадись он мне в руки, я покажу ему, забыто ли мною зверство полковника Нейля, избиение Секандер-Бага, бойня дворца бегумы, Барейли, Джанси и Морар, забыты ли ужасы острова Гидасп и Дели! Тогда он увидит, забыл ли я его клятву в моей смерти, точно так же как и я поклялся не оставлять его в живых!»

Когда восстание сипаев потерпело крах, он и несколько сподвижников скрылись в джунглях. Дальнейшая его судьба неизвестна: предполагается, что умер Нана Сахиб где-то в Непале. Недостаток фактов открывает перед романистами огромный простор для фантазии. Впрочем, приемному сыну пешвы явно недоставало многих черт, присущих герою Жюля Верна. И речь не только о благородстве: очевидно, что Нана Сахиб не был столь же глубоко образован, как принц Даккар, никогда не интересовался инженерным делом и вряд ли мог спроектировать новаторскую подводную лодку. Среди литературоведов бытует версия, что персонаж капитана Немо оформился после знакомства писателя с эпизодом из истории Гражданской войны в США. В картотеке Верна была найдена занятная карточка с пометкой: «Белый Раджа, сын господина N., один из создателей “Монитора”». Речь в записях шла о сыне английского военного топографа и знатной индуски, который под влиянием матери поддержал сипайский мятеж. Затем, спасаясь от преследований англичан, он оказался в

Америке, где полыхала схватка между Севером и Югом. Белый Раджа вступил в армию северян и познакомился с выдающимся изобретателем шведского происхождения Джоном Эриксоном, перед которым в то время встала тяжелая конструкторская задача. Южане создали грозный броненосец «Мерримак», грозивший стать их козырем в решающей борьбе. Эриксон стремился спроектировать для северян корабль той же мощи до того, как южане пустят в ход новое оружие. И тут индийский новобранец оказался как нельзя кстати. Он принес Джону чертежи странного изобретения, представлявшего собой нечто среднее между подлодкой и броненосцем. И хотя кораблестроитель отверг готовый план своего советчика, его идеи все равно были творчески переосмыслены и использованы Эриксоном при строительстве легендарного «Монитора», который оказался много совершеннее «Мерримака».

Вот он, настоящий прообраз Немо, пишут некоторые авторы. Думается, однако, что в этом есть изрядная доля преувеличения. В записях Верна не названо даже имя загадочного индийского конструктора. Американская же историография не знает никакого соавтора «Монитора» по прозвищу Белый Раджа. Очень похоже, что перед нами не реальная история, а рабочий вариант сюжета, описывающий предысторию капитана Немо. Вспомним: в свое время энергичный издатель побуждал романиста сделать главного героя американским борцом против рабства. Для принца Даккара участие в Гражданской войне на стороне северян было бы вполне естественным: он и далее поддерживает освободительные движения по всему миру, правда уже из морской пучины.

Между тем «Таинственный остров» дает недвусмысленный намек на возможный прообраз капитана Немо, к которому восходит его высокая образованность и инженерный гений. В романе принц Даккар назван потомком султана Типу, последнего правителя независимого государства на юге Индии в Майсуре. Типу, действовавший в конце XVIII века, должен приходиться капитану Немо дедом. Это был не только выдающийся политик и солдат, поэт и полиглот, но и превосходный военный изобретатель действительно мирового значения.

Известный под прозвищем Тигр Майсура, он вел по-настоящему успешные войны с англичанами, заключив выгодный союз с Францией, и нанес противникам ряд чувствительных поражений. Главное же, Типу был одним из пионеров ракетного оружия: оно появилось в индийской армии еще при его отце, но молодой султан усовершенствовал индийское вундерваффе — майсурские ракеты с корпусом из мягкого кованого железа,

заполненного черным порохом. Их дальность достигала двух километров; именно майсурские ракеты решили дело во время битвы под Поллилуром осенью 1780 года, в результате чего Тигр Майсура взял в плен более четырех тысяч солдат Ост-Индской кампании. Индийское чудо, ставшее очень болезненным уколом для англичан (как же, техническая новинка у дикарей!), легло в основу ракет собственно британской армии: их изобретатель Уильям Конгрив долго изучал майсурские прототипы. По преданию, когда Типу наконец погиб в бою с британцами в 1799 году, Артур Уэлсли, герцог Веллингтон, произнес: «Господа, теперь Индия наша». Принц Даккар никогда с этим не согласился бы.

Джентльмен среди зулусов. Генри Хаггард (1856–1925)

Молодой колдун жаждал власти. Он объявил племени, что могущественней старого и без труда может доказать это. И вот теперь оба стояли на берегу полноводный реки спиной друг к другу, облаченные в странные одежды из змеиных шкур, рыбьих пузырей и бог знает чего еще. Юный кудесник пел

заклинания и натирал могучую грудь какой-то пахучей мазью, его соперник — усохший морщинистый старик — молчал, но время от времени тыкал пальцем в небеса, а после разворачивался и указывал посохом на противника. Так начинался огненный поединок, который должен был определить, кто из двух магов сильнее.

В толпе зрителей, усевшихся на почтительном расстоянии от «дуэлянтов», помимо темнокожих зулусов находился европеец — высокий синеглазый шатен, которому на взгляд было чуть больше двадцати лет. Узнав, что у местных туземцев намечается необычное действо, помощник губернатора провинции Наталь Генри Райдер Хаггард не смог отказать себе в желании увидеть его своими глазами. Вот удивятся родные в Уэст-Брэднем Холле, прочтя в его письме, как два африканских колдуна призывали друг другу на голову молнии во время бушующей грозы! Между тем к месту битвы с разных сторон, как будто действительно по призыву магов, приближались две тучи. Над головою соперников они слились воедино, и вот уже на землю посыпались крупные горошины ливня, загрохотал гром, и прорицатели начали медленно сходиться. Сверкнула одна молния, вторая, третья, а после Генри сбился со счета — все небо пошло пламенеющими трещинами, а от грохота заложило уши. «Чистое безумие, — едва не вырвалось у Хаггарда. — Какое к чертям волшебство — в том месте, где стоят поединщики, на землю выходят залежи железной руды. Тут вопрос лишь в том, кто более удачлив».

Буря оказалась непродолжительной. Уже через несколько минут дождь начал стихать, гром послышался где-то в стороне, и Генри облегченно вздохнул. Кажется, обошлось. Но зулусы все еще находились в напряжении. Колдуны стояли друг против друга на расстоянии чуть более метра. И вдруг прямо между ними ударила яркая огненная стрела — это было так неожиданно, что англичанин инстинктивно вздрогнул и отшатнулся. Оба противника стояли на ногах, но старый — уверенно и крепко, направив посох в грудь высокомерному юнцу, дерзнувшему бросить ему вызов, а младший — шатаясь, будто пьяный. Молния ударила еще раз — уже точнехонько под ноги молодому магу. Все было кончено. Толпа зрителей, а вместе с ней Хаггард, бросилась к месту дуэли. Юноша, желавший стать колдуном, был мертв. Его противник — и это было удивительно — жив и спокоен. Потрясенный Хаггард, оставив своих друзей-кафров, поспешил в Марицбург, чтобы скорее описать увиденное в письме к матери…

Утоли мои печали, Наталь

Такие эпизоды, как история с дуэлью кудесников, позволяли Генри отвлечься. Он оказался в Южной Африке отнюдь не по своей воле. Мысли об этом причиняли ему боль. Лили Джексон — соседка по поместью в Норфолке, ну чем она не понравилась отцу? Озадаченный перспективой их брака, он отправил восемнадцатилетнего сына в ссылку на край света, как какого-то преступника… Ах, Лили! Ее Хаггард будет любить всю жизнь, несмотря на то что его женой станет другая женщина. Впрочем, Африка оказалась совсем не такой ужасной, как он представлял. «Нигде я не видел таких прекрасных пейзажей, — писал он. — Великая равнина, переходящая в горы Кхахламба, или Драконовы горы; искрящиеся бешеные потоки; бурные грозы; степные пожары, огненными змеями извивающиеся по ночному вельду; великолепное небо, то чисто-голубое, то расцвеченное неповторимыми красками заката, то сверкающее мириадами звезд, воздух равнин, вдыхать который что пить вино, — все это я буду помнить до конца жизни, даже если проживу тысячу лет». Но не меньше, чем африканская природа, Генри увлекли местные жители, среди которых он проводил явно больше времени, чем требовала того служба. Наблюдая за обычаями зулусов, он чувствовал себя первооткрывателем, и было отчего. Кому из европейцев той да и нашей эпохи доводилось видеть, к примеру, зулусский обряд «вынюхивания»: «Собралось тысяч пять вооруженных воинов, — описывал его Генри. — Неожиданно они образовали круг, в центре которого танцевали знахари, вернее вынюхиватели тайных колдунов. Все присутствующие были бледны от страха, и не без оснований, ибо время от времени один из знахарей приближался с тихим монотонным пением к кому-либо из стоявших в круге и слегка прикасался к нему. Воины… тут же отправляли несчастного на тот свет. Мой друг попробовал вмешаться и едва за это не поплатился жизнью».

Первые статьи Хаггарда, напечатанные в английских газетах, содержали не только описание, но и объяснение традиций африканских народов. Так, говоря об обычае многоженства, Генри комментировал: для зулусов важнее всего, чтобы женщина исполнила свое естественное предназначение — родила ребенка, и то, что многие женщины Европы не выходят замуж и остаются бездетными, потому что мужчин попросту меньше, кажется африканцам глупостью. По этому поводу местные жители умудрялись даже вести богословские споры с христианскими миссионерами: так, один образованный зулус, прочитав Библию, не нашел там закона, требующего жить с одной женой, и заявил английскому святому отцу, что все великие люди, о которых говорит Священное Писание, по-видимому, имели много жен.

Порою Генри казалось, что эти туземцы, которых иные его соотечественники почитали едва ли не за животных, были умнее и мудрее европейцев. «Многие из тех, кого у нас называют джентльменами за их богатство или положение в обществе, ни в коем случае не могли бы считаться джентльменами среди зулусов. Зулусы инстинктивно распознают настоящего человека независимо от занимаемого им положения». Остается добавить, что в Генри они распознали истинное благородство, ибо прозвище ему дали вполне уважительное — Инданда, то есть «высокий человек доброго нрава».

Бури и буры

От изучения местных обычаев Генри оторвала большая политика. В 1876 году Великобритания положила глаз на пограничную с Наталем область Трансвааль, в недрах которой было найдено золото. В срочном порядке в трансваальскую столицу Преторию была отправлена британская миссия сэра Теофила Шепстона с тайным заданием — подготовить почву для аннексии. Но если туземные племена легко покорились бы желанию «владычицы морей», то жившие там буры — потомки голландских переселенцев — вовсе не мечтали об английском владычестве.

Генри, как и многие англичане из хороших семей, недолюбливал буров за их простоватость и грубость. Но, оказавшись на правах участника в составе миссии Шепстона, вел себя дипломатично — настолько, что во время путешествия в Преторию один старичок-бур даже пригласил его в свой дом на опсит — бурский обряд сватовства. Поздним вечером молодой человек приходил к возлюбленной и садился за стол напротив нее. Девушка ставила между ними горящую свечу. Если это была длинная свеча, она сгорала лишь к рассвету, и это значило — предложение принято. Если же свеча была короткой, взаимности не было и в помине. Огонек быстро гас, а парень вставал и уходил ни с чем. Воспоминания об этой традиции могли вызвать у Хаггарда лишь грустную улыбку — ему даже не пришлось толком посвататься к своей будущей жене. Суровый отец, привыкший все решать за сына, выбрал ему супругу и поставил отпрыска перед фактом. В Претории Хаггарда настигло письмо, в котором отец просил его приехать на родину для заключения брака. Генри, как водится, покорился, успев до отъезда поучаствовать в историческом событии: в 1877 году королева Виктория подписала указ об аннексии Трансвааля — якобы ради защиты колонистов от зулусов, и не кто иной, как Генри, поднял флаг Соединенного

Королевства над преторианским зданием администрации.

А спустя два года он вернулся в Трансвааль с молодой женой Луизой. К счастью, этот союз оказался прочным: хотя сердцем Хаггарда до конца дней владела Лили, он уважал супругу и восхищался ею. Вместе они преодолели множество испытаний, и первое из них было уже не за горами.

Война всегда приходит невовремя. Вот и в Южную Африку она нагрянула тогда, когда Генри и Луиза Хаггарды ожидали своего первенца. Сначала английские войска вели кровопролитную борьбу с зулусами, а в 1880 году открытое восстание против них подняли буры, и жизнь в Трансваале и Натале стала очень опасной. Хаггард уволился со службы и купил ферму Роойпойнт рядом с натальским городом Ньюкасл, вроде бы далеким от театра военных действий, но уже спустя два дня по прибытии туда услышал пальбу: это генерал Колли решился перейти горы, отделяющие Наталь от Трансвааля, в здешних местах и получил достойный отпор буров. «Все наше имущество в неприкосновенности, и дом обставлен очень красиво, но ничто не приносит радости в такое время, когда кровь льется, как вода», — написал Хаггард отцу.

А вскоре, разгромив британские силы у реки Ингого, воодушевленные буры вторглись в Наталь. В одну из ночей Хаггард услышал шум, топот и крики неподалеку: это вооруженный отряд буров из пятисот человек разорял ферму его соседа. Понимая, в какой опасности они находятся, Генри и его товарищи задумали тайно напасть на противника, отрезать от базы и помочь регулярным войскам уничтожить его. «Помню, — писал Генри впоследствии, — как моя жена вышла в сад, где обсуждался этот вопрос, и сказала: “Не думай обо мне. Выполняй свой долг, как ты его понимаешь. Я готова ко всему”. Никогда ни одна женщина не вызывала во мне большего восхищения. Я считал и считаю ее поведение героическим, особенно если учесть, что она ждала ребенка».

Однако губернатор Наталя строго запретил партизанскую войну, ссылаясь на скорый подход подкреплений. Тем не менее последующие дни Генри и его домочадцы жили в страхе. Спали не раздеваясь. У их кроватей всегда находились заряженные винтовки, под подушками лежали револьверы, на конюшне стояли шесть оседланных лошадей. Когда Хаггард получил известие, что буры собираются захватить его ферму, он вывез семью в укрепленный лагерь в Ньюкасле. В город к тому моменту наконец вошли свежие части англичан, однако ситуацию это не спасло. В битве при Маюбе генерал Колли потерпел чудовищное поражение. Буры торжествовали, а Хаггард изнемогал от стыда…

В Южную Африку пришел мир, но надолго ли? — такой вопрос задавал себе Генри, занявшийся разведением страусов в Роойпойнте. Британия не привыкла мириться с поражением, а Трансвааль, вновь провозгласивший себя суверенным государством, был не прочь увеличить свои владения за счет провинции Наталь. И, не дожидаясь начала второй Англо-бурской войны, семья Хаггардов продала свою ферму и вернулась в Туманный Альбион. Но во сне Генри продолжал видеть Африку.

Соломоново решение

«Вот это стоящая книга, не то что твои писания», — дразнил Хаггарда брат в один из дней 1885 года, держа в руке первое издание «Острова сокровищ». Вот уже несколько лет Генри, открывший адвокатскую контору, писал на досуге мелодраматические романы, но продавались они плохо. «Ты никогда не сможешь написать что-то подобное», — прозвучала еще одна ремарка собеседника. «А почему нет?» — вдруг подумалось Хаггарду. Разве африканские вельды и горы — менее удачные декорации для авантюрного романа, чем ширь океана и палуба пиратского корабля? «Хочешь пари?» — небрежно бросил он брату.

Спустя шесть месяцев Генри принимал поздравления. Он выиграл спор. Его книга «Копи царя Соломона» была закончена. В начале романа охотник Аллан Куотермейн и его друзья обнаружили обрывок старого послания, написанного в XVI веке испанским солдатом своему королю. Из эпистолы следовало, что алмазные копи, о которых говорится в библейском сказании про царя Соломона, существуют на самом деле и находятся именно в Африке, за горами Груди Царицы Савской. Их охраняет странный народ, полный коварства и обладающий сверхъестественными возможностями. Герои книги, не послушав предостережения погибшего испанца, отправились на поиски сокровищ… Этот роман стал супербестселлером и вызвал настоящую алмазную лихорадку в Африке… За пару лет до этого в реке Оранжевой был найден алмаз, но это событие и близко не вызвало такого наплыва алмазоискателей на Черный континент, как выдумки Хаггарда. Дошло до того, что писателю домой стали приходить пачки писем с просьбой уточнить местонахождение соломоновых копей.

Впрочем, не все в романе было только фантазией. Прототипом храма Соломона послужил таинственный древний город Большой Зимбабве, исследованный английскими археологами. Прообразом Куотермейна стал британский

натуралист Фредерик Кортни Силус, о похождениях которого Хаггард был наслышан (хотя, с другой стороны, сам Генри любил прихвастнуть в светской компании: «Аллан Куотермейн — это я»). А, скажем, туземец Умслопогаас, сквозной персонаж многих его произведений, даже выведен под собственным именем. Когда реальному Умслопогаасу сказали, что Инданда пишет про него в своих книгах, тот спросил: «А что он делает со своими книгами?» — «Он продает их». — «Тогда скажите инкосе Инданде, что раз он зарабатывает деньги тем, что пишет обо мне, будет правильно и справедливо, если он вышлет мне половину этих денег». Узнав об этом, Хаггард отправил Умслопогаасу охотничий нож, на котором было выгравировано его имя.

Два романа в год — такой лимит установили издатели для теперь уже знаменитого писателя Хаггарда. Традиции зулусов, экзотические животные, древние африканские легенды, Англо-бурская вой на — весь опыт Генри выплеснулся на страницы книг. Но какое вдохновение без путешествий? И он увлеченно колесит по Ближнему Востоку, едет в Мексику и вновь уступает обаянию Африки… Хаггард дважды побывал в Египте, где исследовал гробницы фараонов и чуть было не погиб в свой первый приезд, когда его едва не засыпало в пещере, заваленной останками умерших от чумной эпидемии. А во время следующего визита Хаггард одним из первых смог войти в недавно обнаруженную усыпальницу любимой жены Рамсеса II, Нефертари. Сопровождал писателя знаменитый египтолог Говард Картер — тот самый, который якобы стал жертвой «проклятия фараонов»… На Хаггарде это проклятие не отразилось — под впечатлением от Египта он написал блистательный роман «Клеопатра». Но все же не Северная, а Южная Африка была его главной любовью. Сериал об Аллане Куотермейне разрастался, его герой становился действительно культовым и по своей популярности не уступал ни Шерлоку Холмсу, ни Кожаному Чулку, ни капитану Немо. «Подобно тому как Киплинг открыл для Запада Индию, так Хаггард — Африку», — констатировал советский литературовед Евгений Брандис. А сам Хаггард о стране своей мечты говорил так: «Там родился мой сын, там я пережил многое, что формирует характер мужчины. Там я перенес самый большой позор — стыд за свою родину. Там началась и закончилась одна из глав моей жизни, так богатой событиями».

Поддержите Макинтоша. Чарльз Макинтош (1868–1928)

Хромой мальчик не играл ни в футбол, ни в прятки. Он даже не слышал, как за окнами его дома веселятся непоседливые сверстники. Чарльз Ренни был погружен в дело, которому собирался посвятить будущее: он рисовал. Садовые цветы, которые парнишка старательно выводил карандашом на листе бумаги, были прекрасны.

Теперь образы этих цветов можно увидеть в архитектурном воплощении — как элементы декора многих интерьеров в Глазго. Тогда, в середине 1870-х годов, это были лишь фантазии задумчивого больного ребенка. Но он не дал судьбе поломать себя: физический недостаток в конечном итоге лишь указал ему путь к славе.

Порой он говорил себе: ну и что с того, что я не родился здоровяком, как отец — полицейский суперинтендант и капитан команды, победившей на чемпионате мира по футболу среди полисменов? Зато в споре характеров младший Макинтош оказался сильнее старшего: когда тот намекнул сыну, что хочет видеть его торговцем или ремесленником, Чарли ответил бескомпромиссным «нет». В шестнадцать лет он начал подрабатывать в архитектурном бюро Джона Хатчинсона, а в семнадцать поступил в Школу искусств.

Опытному взгляду и тогда было видно, что из парня выйдет толк. Ректор школы Фрэнсис Ньюберри, посмотрев на эскизы молодого студента, взял его под свою опеку. А новый босс Макинтоша Джон Кеппи мечтал привязать его к своей компании, женив одаренного сотрудника на своей сестре Джесси. Впрочем, интерес бизнесмена не вступал здесь в противоречие с чувствами брата: девушка была готова идти с Чарли под венец по доброй воле. Но свадьба не состоялась.

Из-за травмы ноги Чарли никогда не танцевал, и это было причиной насмешек со стороны его знакомых. Потакала этому и юная Джесси: она привыкла к тому, что ее погруженный в себя приятель пропускает едкие замечания мимо ушей. Но однажды на вечеринке чья-то неуместная острота дошла-таки до сознания парня: задетый Макинтош тайком набрался спиртного и, увидев, как Джесси беззаботно отплясывает с каким-то красавчиком, выскочил на танцпол, словно разъяренный тигр. Он бесцеремонно схватил девушку, причиняя ей боль, и закружил в безумном танце. Сила его была велика от природы, а помноженная на злость и вовсе становилась недюжинной. Когда он выпустил Джесси из своих медвежьих объятий, та буквально полетела в толпу зрителей. Музыка смолкла. Кто-то из очевидцев этой отвратительной сцены крикнул: «Макинтош, ты хам». Взъерошенный Чарли вытащил из кармана флягу и с вызовом ответил: «Еще нет, сэр. Но обещаю, что допьюсь до этого звания». Потом припал губами к фляге, но та оказалась пуста, и он с силой швырнул ее оземь.

С этого дня отношения Чарли и Джесси расстроились. Джон

Кеппи и дальше был готов работать с подающим надежды мастером, но инцидент на вечеринке положил начало новому пороку Макинтоша: трезвенник прежде, он начал пить. Справиться с этим ему помогла уже другая женщина — рыжеволосая ведьма Маргарет Макдональд.

Четверо из Глазго

Еще во время обучения добряк Ньюберри представил Чарли и его друга Берти (Герберта Макнейра) двум талантливым студенткам — сестрам Макдональд. Встреча оказалась судьбоносной: новые знакомцы вскоре составили творческий квартет «Четверка из Глазго», который прославился своими работами на выставках в родном городе, а также в Париже, Вене и Турине. А еще через некоторое время Берти женился на Фрэнсис Макдональд, а Чарли — на ее сестре Маргарет. Миссис Макинтош не была лишена причуд (к примеру, в отличие от мужа, не любила детей), но зато глубоко понимала опыты супруга в архитектуре и дизайне и была по мере сил их соавтором. В этом кроется ответ на вопрос, почему один из приятелей маэстро сказал, что, вступи Макинтош в брак с Джесси, он, возможно, был бы более счастлив, но стать великим он мог только рядом с Маргарет.

Поборов депрессию, дизайнер и архитектор выдавал на-гора свои лучшие, оставшиеся в веках проекты. Строгие прямые линии, выверенные пропорции, функциональность создаваемых предметов — все это было свежо и необычно даже в рамках господствовавшего тогда стиля модерн.

Взять к примеру, знаменитые стулья Макинтоша, увидеть которые сегодня можно даже в некоторых российских кафе и ресторанах. Их особенность — преувеличенно высокая спинка, делающая их уже не просто стульями. Одновременно они могут служить и вешалкой, так как на спинку можно повесить пиджак или шляпу, ширмой, так как благодаря своим размерам они способны делить пространство на зоны, и световым фильтром — свет проникает через отверстия между рейками спинки и параллельными полосами ложится на пол и сиденье стула.

Архитектурный шедевр Чарльза Ренни — новое здание Школы искусств, которым шотландец своеобразно отблагодарил свою alma mater. Его строительство проходило в два этапа и заняло двенадцать долгих лет. В архитектуре здания жители увидели немало новаций: так, фасад северного крыла оказался застеклен — это было сделано для того, чтобы обеспечить естественным освещением классы живописи… Вполне логично, но

так неожиданно для того времени…

Многие насмехались над странностями Макинтоша, к примеру, над привычкой зарисовывать всевозможные природные формы вроде узоров на срезе кочана капусты или рыбьего глаза под микроскопом. Но другие при этом вспоминали дотошность мастера с благодарностью: так, проектируя школу, он придумал поместить водопроводные трубы с горячей водой позади вешалок в гардеробе. Вследствие этого у детей всегда была сухая одежда, а это имеет принципиальное значение для города с климатом, где дождь не редкость.

Шпионские тайны

Чарльз Ренни Макинтош прослыл первостатейным талантом еще в молодости. Однако в бизнесе ему, как и многим творческим людям, сопутствовала неудача. Он не мог продать то, что создавал. По этой причине ему и Маргарет приходилось часто менять место жительства. К финансовым проблемам вскоре прибавились творческие: в 1914 году началась Первая мировая война, а создавать великое, когда на каждом углу кричат о смертельной угрозе, Макинтоши не могли… Они пытались найти убежище в английской глубинке, но тщетно. Местные жители подозрительно отнеслись к новым соседям, странно одетым (сказывались богемные вкусы четы) и имеющим обыкновение гулять на морском берегу по ночам. Доброхоты сообщили полиции о приезде подозрительных лиц, а полисмены рапортовали военным о присутствии в Саффолке двух германских шпионов. Солдаты, ворвавшиеся в жилище Макинтоша, учинили там обыск. Доказательств шпионской деятельности не нашли, но, услышав акцент хозяина (шотландский!), приняли его за немца и увезли в наручниках на допрос. Спустя пару дней Маргарет вызволила-таки мужа из заключения, но из «милой глуши» паре пришлось уехать.

Нет пророка в своем отечестве

Макинтоши перебрались в Лондон, но и там не смогли наладить свое финансовое положение. Чарльз продолжал бороться: он активно работал, но безденежье было столь острым, что он вынужден был попросить своих шотландских друзей купить его картины. Те отозвались, и вскоре великий дизайнер смог переехать на юг Франции, где в спокойной обстановке начал заниматься акварелью. В 1928 году Чарльзу Ренни сообщили, что он неизлечимо болен. Жить ему оставалось лишь считанные

месяцы. За годы эмиграции Макинтоша шотландцы успели подзабыть своего гениального соотечественника. Национальный герой, имя которого сегодня знает в Шотландии каждый школьник, умирал в Лондоне, забытый всеми, и у его смертного одра находилась лишь верная Маргарет, пережившая мужа всего на пять лет. «В каком бы то ни было списке творческих гениев современной архитектуры имя Чарльза Ренни Макинтоша должно стоять среди первых», — так написал один из современников мастера. Но понять это соотечественники смогли только после его смерти. Обычное дело.

Имя и титул. Вацлав Ганка (1791–1861), Алексей Толстой (1882–1945), Елизавета Дмитриева (Черубина де Габриак) (1887–1928)

«Передайте Пушкину мои извинения. Я горд и вместе с тем стыжусь, что провел его». Так в январе 1835 года Проспер Мериме писал знаменитому русскому библиофилу Сергею Соболевскому, имея в виду искрометный розыгрыш со стихотворным сборником Guzla, в котором автор «Кармен» выдал свои превосходные сочинения за народные песни, записанные им во время путешествия по Далмации. На эту уловку попалось пол-Европы, включая солнце русской поэзии, и только мудрый Гёте разоблачил шутку остроумного галла.

Мистификация Мериме — одна из самых ярких и при этом самых безобидных в мировой литературе, насчитывающей тысячи фальшивок, подделок и подлогов. Исследование рукописей и текстов на подлинность, их датировка и атрибуция, которая может длиться веками, сродни самому захватывающему детективу. Ну а раз так, пожалуй, имеет смысл разделить литературные мистификации по «детективному» признаку — мотиву. Кто-то вступает в игру с читателем, пытаясь нащупать новую грань творчества, кто-то совершает маневр на идеологическом фронте, а для кого-то это просто доходный бизнес. Посмотрим же, к чему приводили авантюры представителей всех трех категорий.

Второе лицо

В 2009 году в приложении к журналу «Русский пионер» был опубликован роман Натана Дубовицкого «Околоноля» о закрытых показах фильмов, в которых актеры погибают по-настоящему. Вскоре появилась информация, что автор натуралистичного триллера не кто иной, как первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Владислав Сурков. Сам чиновник сначала опроверг эти слухи и разгромил «Околоноля» в своей рецензии, а потом публично похвалил книгу и якобы признал свое авторство в беседе с писателем Виктором Ерофеевым.

Редакция «Русского пионера» изначально не скрывала, что Дубовицкий — псевдоним одного из колумнистов издания, хотя и не раскрывала его имени. Но существует масса мистификаций, в

которой мнимому автору приписывалась совершенно конкретная биография. Сто лет назад весь литературный Петербург сходил с ума по поэтессе Черубине де Габриак — жгучей испанке, которая жила в России с фанатичным отцом-католиком. Пикантность заключалась в том, что Черубину никто никогда не видел: свои талантливые стихи в духе «плаща и шпаги» она присылала в редакцию журнала «Аполлон» и изредка звонила заочно влюбленному в нее издателю Сергею Маковскому. Бессердечная крутила несчастным, как ей заблагорассудится. Стоило ей, к примеру, обмолвиться, что нынче она будет гулять на Островах, как Маковский мчался туда, пытаясь опознать любимую во всех встречных — разумеется, без успеха. А если он начинал требовать свидания слишком рьяно, девушка осаждала его пыл ссылкой на своего лихого кузена, атташе португальского посольства, который очень не любит, когда досаждают его сестре.

Елизавета Дмитриева

Надо думать, Максимилиан Волошин, который придумал весь этот спектакль, над Маковским тихо посмеивался. Но и его можно понять: он хотел помочь скромной хромой учительнице Елизавете Дмитриевой, которая обладала несомненным поэтическим даром, но, увы — при первом визите в редакцию «Аполлона» издатель ее стихи решительно отверг. В конце концов игру Волошина раскрыл поэт Михаил Кузмин: в доказательство он передал Маковскому телефон Дмитриевой. Услышав в трубке чарующий голос

Черубины, тот понял, что его разыграли.

В том, что Черубиной де Габриак была Елизавета Ивановна Дмитриева, по крайней мере нет никаких сомнений. А вот кем был тот, кого мы знаем под именем Уильям Шекспир, до сих пор гадают тысячи литературоведов во всем мире. Многие из них уверены: канонический Шакспер из Стратфорда не имеет никакого отношения к автору «Гамлета» и «Макбета». И не без оснований. Для того чтобы создать литературное наследие Шекспира, помимо гения нужно было обладать обширнейшими познаниями в истории, литературе, географии, мифологии, естественных науках. Откуда они у сына простого ремесленника, который никогда не учился ни в одном университете? Вряд ли из грамматической школы Стратфорда, обучение Шакспера в которой также не подтверждается ни одним документом. Судя по описанию его имущества, сделанному в завещании, у него в доме не было ни одной книги. А после смерти Шакспера ни один писатель или поэт Британии не откликнулся на эту потерю. Не странно ли?

Авторство великих пьес и сонетов приписывают то драматургу Кристоферу Марло, то автору афоризма «Знание — сила» философу Фрэнсису Бэкону, то самой королеве Елизавете. А в 1997 году российский ученый Илья Гилилов в книге «Игра об Уильяме Шекспире» привел новые интересные доказательства в пользу Роджера Мэннерса, 5-го графа Рэтленда и его супруги Елизаветы Сидни. Воспитанник Бэкона, Рэтленд владел четырьмя языками, носил в колледже прозвище «Потрясающий копьем», то есть Shake-Speare, в Падуанском университете учился вместе с датскими студентами Розенкранцем и Гильденстерном и дружил с графом Саутгемптоном, которому посвящены две поэмы Великого Барда. По мнению Гилилова, не желая публиковать произведения под своим именем, Рэтленд просто нанял Шакспера в качестве «лица проекта». Это косвенно подтверждается тем, что сразу после смерти Мэннерса реальный Уильям получил в доме графа некое вознаграждение, уехал из Лондона в Стратфорд и не покидал его до самой смерти в 1616 году.

Гипотезу Гилилова многие не без успеха оспаривают. Но так ли уж невероятно то, что скромный обыватель служил прикрытием в игре гения и не был при этом разоблачен? Вовсе нет. И чтобы доказать это, приведем похожую историю из нашей эпохи, когда вездесущие папарацци уже вовсю сновали под окнами знаменитостей, а литературная мистификация тем не менее так и осталась неразгаданной.

Итак. В 1974 году парижское издательство «Меркюр де Франс» выпустило роман некоего Эмиля Ажара «Голубчик».

Критика зашлась восторгом, журналисты бросились искать новую звезду и не нашли: издатели развели руками и показали им конверт, в котором рукопись была прислана из Бразилии. Ее автор якобы был не в ладах с законом и потому не мог привезти ее собственноручно. Желтые газеты приписывали «Голубчика» то молодому уголовнику, то подпольному хирургу, делающему нелегальные аборты, а самой сенсационной версией стала такая: Эмиль Ажар — это ливанский террорист Хамиль Раджа. Когда выяснилось, что интересы писателя представляет адвокат Жизель Алими, отстаивавшая права арабов во время франко-алжирской войны, эту утку стали обсуждать на каждом углу. И никому не пришло в голову, что мистификатор просто умело подыграл охотникам за сенсациями. Впрочем, издания посерьезней сразу предположили, что «Голубчик» написан каким-то известным современным автором. Указывали на Раймона Кено или Луи Арагона. Те категорически протестовали.

Между тем вышел второй романа Ажара — «Вся жизнь впереди», еще лучше предыдущего. Его номинировали на престижнейшую Гонкуровскую премию. И тут завеса тайны стала приоткрываться. Поползли слухи, что переговоры с издателями ведет некий молодой человек по имени Поль Павлович. До появления Ажара единственное *имеющее отношение к литературе* достоинство Павловича заключалось в том, что он приходился двоюродным племянником пожилому, почти позабытому критикой классику Ромену Гари, эмигранту из Литвы и герою Сопротивления. Павлович выступил на авансцену этой истории и публично заявил, что Эмиль Ажар не будет получать Гонкуровскую премию, которую ему присудили. Накал страстей снизился после третей книги Ажара «Псевдо», главного героя которой, юного невротика, звали Поль Павлович. Общество почти смирилось с тем, что тайна разгадана, как вдруг…

В 1981 году увидело свет эссе «Жизнь и смерть Эмиля Ажара», написанное истинным автором «Голубчика» и других ажаровских романов. Вот несколько выдержек из него.

«Мне надоело быть самим собой. Мне надоел образ, который мне навязали раз и навсегда тридцать лет назад, когда “Европейское воспитание” принесло славу молодому летчику… Мне сделали лицо. Возможно, я сам бессознательно пошел на это. Так казалось проще: образ был готов, оставалось только в него войти. Это избавляло меня от необходимости раскрываться перед публикой. Главное, я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому началу. Начать все заново… — это всегда было величайшим искушением моей жизни».

«Я как автор был сдан в архив, занесен в каталог, со мной все

было ясно, и это освобождало литературоведов от необходимости разбираться в моих произведениях, вникать в них. Еще бы, ведь для этого пришлось бы их перечитывать. Делать им, что ли, нечего?»

«Критик из “Экспресса” объявил, ссылаясь на обмолвку человека, связанного профессиональной тайной, что у Ажара в предыдущих книгах были помощники, в числе коих, конечно, и я, но “Псевдо” Ажар явно написал в одиночку, без соавторов. Эта книга, по его выражению, была в спешке “выблевана” автором, ибо у молодого писателя от славы голова пошла кругом, он отверг помощников, отказался следовать их советам и взялся за дело сам кое-как. Отсюда, провозглашает наш критик, и отсутствие “уловок”, “ремесла”, которое чувствовалось, по его мнению, в двух первых книгах, и сырой, “выблеванный” текст. Пресвятая Богородица! Уж что, как не “Псевдо”, написано старым прожженным профессионалом».

Читатель, не знающий этой истории, уже догадался, что истинным Эмилем Ажаром был не кто иной, как дядя Павловича Ромен Гари. Герой Франции, кавалер ордена Почетного легиона, автор, быть может, лучшего в мировой литературе романа о любви к матери «Обещание на рассвете». В 1974-м ему было шестьдесят и про него говорили: «Писатель на излете», робкие предположения о том, что Ажар — это все-таки он, которые, надо признать, иногда звучали, в литературном мире назывались нелепостью. На светский обедах «жалели беднягу Гари, который, конечно, не без грусти и некоторой зависти смотрит за успехами своего племянника, взлетевшего на литературный небосклон со скоростью метеора, в то время как его собственная звезда закатилась…»

Свое «признательное» эссе Гари закончил словами: «Я славно повеселился. До свидания и спасибо». Но опубликовано оно было уже после его смерти. 2 декабря 1980 года выдающийся писатель застрелился, оставшись единственным в истории дважды лауреатом Гонкуровской премии. Второй раз — как Эмиль Ажар, а первый раз — под собственным именем, еще в 1956 году.

Игры патриотов

Мистификации, о которых было сказано выше, пытались подменить наши представления об одном-единственном человеке — их авторе. Теперь же мы поговорим о подделках, которые претендовали на то, чтобы совершить подмену читательских представлений об истории и культуре целых народов. И пальму первенства в этом ряду бесспорно следует отдать «Краледворской

рукописи» и ее литературным «сестрам».

В 1817 году молодой чешский поэт и переводчик Вацлав Ганка объявил о находке древней рукописи, датированной 1290–1310 годами. Находка эта, состоявшая из шестнадцати пергаментных листов, содержала старинные нерифмованные стихи о подвигах чешского народа в борьбе с поляками, саксами, монголами и прочими врагами-захватчиками, а также несколько лирических произведений. Нашлось все это богатство, по рассказам Ганки, совершенно случайно. Приехав погостить к закадычному другу, служившему судьей в провинциальном городке Двур-Кралов-на-Лабе, литератор прослышал, что в подвале местного костела хранится куча предметов пятисотлетней давности, которые давно перестали кого бы то ни было интересовать. Заинтригованный гость в тот же день полез в подземелье и за шкафом среди разного хлама отыскал сокровище национального значения.

Вацлав Ганка

Провинциальный город, церковь, уникальный литературный памятник — в этом было что-то весьма знакомое. При похожих обстоятельствах граф Алексей Мусин-Пушкин за двадцать лет до этого стал обладателем «Хронографа», в котором оказалось «Слово о полку Игореве» — русский любитель древностей, по его словам, приобрел раритет у нуждающегося старца Иоиля Быковского, последнего архимандрита Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Знал ли об этом «открыватель» краледворской ценности? Безусловно. Его наставник профессор

Йозеф Добровский очень интересовался «Словом», а сам пан Вацлав вскоре сделал его чешский перевод. И предположение, что Ганка в этой истории копировал Мусина-Пушкина, не кажется таким уж надуманным.

Находка филолога стала событием, выходящим далеко за рамки литературы. До той поры у чехов в принципе не было ни одного собственного древнего литературного памятника. Нетрудно представить, какой толчок развитию национального самосознания дало это открытие. Ведь в начале XIX века Чехия входила в состав Австрийской империи, государственным языком был немецкий, а чешский тихо забывался…

«Краледворская рукопись» сработала как детонатор: новые литературные древности стали находиться одна за другой. Студент и сосед Ганки по квартире Йозеф Линда вдруг обнаружил в старой книге рукопись старинной «Песни о Вышеграде». В переплете другого средневекового тома сотрудник пражской университетской библиотеки Циммерман нашел лист с «Любовной песнью короля Вячеслава». Некий аноним прислал пражскому бургграфу пергамент с поэмой «Суд Либуше» уже чуть ли не VIII столетия. В середине XIX века выяснилось, что этим неизвестным был Йозеф Коварж, казначей графа Коллоредо-Мансфелда из города Зелена Гора, после чего рукопись стали иногда именовать Зеленогорской.

Всю Чехию охватил невиданный патриотический подъем. Правда, по поводу находок Линды и Циммермана сомнения возникли немедленно — их высказал пожилой и авторитетный Добровский, но голос ученого потонул в восторженном гуле патриотов.

«Краледворскую рукопись» тем временем перевели на несколько европейских языков. Ганка стал не просто национальным — всеславянским героем: его избрали почетным членом Российской академии наук. Тютчев посвятил филологу стихи, в которых назвал его «апостолом единения славян». Засвидетельствовать Ганке свое почтение считали своим долгом классики русской литературы Гоголь, Тургенев, Майков. Но время шло, и красивую легенду о чудесных открытиях медленно подъедал червь научного сомнения. На сцену выступил немецкий славист Леопольд Гаупт, который с азартом охотника набросился на «Песнь короля Вацлава». Дело в том, что в Парижской национальной библиотеке хранился список этого произведения на немецком языке — по заверениям Ганки, перевод с чешского. Но дотошный Гаупт оспорил это утверждение, показав, что «автор» недавно найденного текста явно переводил его со старонемецкого, допустив некоторые характерные ошибки, а

также не заметив в оригинале одной описки. Ужас ситуации заключался в том, что в чешском варианте «Песни» на обратной стороне пергамента было записано стихотворение «Олень» — одно из тех, что входило в главную — «Краледворскую рукопись». Таким образом, признание находки Циммермана поддельной ставило под сомнение и открытие Ганки.

В 1857 году появились результаты экспертизы австрийца Фейфалика: под текстом «Песни короля Вацлава» на пергаменте обнаружен текст XV века, тогда как саму «Песню» пытались датировать XII веком. Явная подделка! «Краледворскую рукопись» адептам ее подлинности пока удалось отстоять: было объявлено, что мистификатор успел скопировать «Оленя» из публикации Ганки, которая вышла чуть раньше. Впрочем, тут же пану Вацлаву и его товарищам был нанесен еще один удар: множество языковых ошибок, а главное — использование грамматических норм, появившихся только в XV веке, безошибочно указывали на поддельность «Песни о Вышеграде». К тому же и под ее текстом были найдены следы другого, относящегося к позднему Средневековью.

В Австрийской империи нарастал скандал, последствия которого могли быть самыми плачевными. Большинство филологов, склонявшихся к версии о фальшивках, были немцами. Чешские специалисты, наоборот, яростно отстаивали подлинность рукописей. Академическая дискуссия вырвалась из университетских аудиторий, и на улицах Праги начались далеко не мирные манифестации.

Немецкая пресса уже неприкрыто обвиняла Ганку в подлоге. Отчаянно защищаясь, пожилой профессор вызвал в суд австрийского редактора Куга, на страницах газеты которого появились статьи о фальсификации. В своем последнем бою Ганка одержал победу, но и она была пирровой. Вскоре после суда, на котором единственный свидетель подтвердил, что пан Вацлав действительно нашел «Краледворскую рукопись» в церковном подвале, обессилевший «первооткрыватель» скончался. А новые экспертизы продолжали разоблачать уже покойного «апостола славянского мира». Сначала химический анализ показал, что одна из буквиц рукописи написана берлинской глазурью XVIII века. Потом славист Ян Гебуаэр — несмотря на немецкую фамилию, доставшуюся от далеких предков, стопроцентный чех, — показал, что в крале дворской и зеленогорской рукописях на шесть тысяч слов содержится целая тысяча ошибок!

После Первой мировой войны представление о «Краледворской рукописи» как о подделке в научном мире возобладало. Советский литературовед Евгений Ланн в книге

1930 года «Литературные мистификации» говорил об этом как об установленном факте. И все же однозначного доказательства не было — все-таки химические экспертизы давали противоречивые результаты. Но вот в 60-х годах прошлого века писатель Мирослав Иванов, чешский мастер «литературы факта», подошел к вопросу с неожиданной стороны. Он задался вопросом, а кто из окружения Ганки мог бы исполнить техническую часть подделки — состарить рукописи и подготовить чернила с составом, который использовали в древности.

Изучая монастырскую книгу с записями о бракосочетании Ганки, Иванов открыл, что ученый утаил от биографов имя одного из своих свидетелей — печатника Иоганна Миниха. Правда, никаких доказательств участия этого безвестного немца в «филологическом заговоре» не было. А вот при взгляде на другого свидетеля Ганки — Франтишка Горчичку — факты открылись весьма неожиданные. Горчичка был художником-реставратором, выпускником Пражской академии искусств, мечтавшим разгадать секрет старинной восковой живописи и весьма искушенным в химических опытах.

Иванов заинтересовался, а где пребывал Горчичка в 1817–1819 годах — в период «патриотических» находок? Ответ на этот вопрос стал сенсацией: в 1817 году близкий друг Ганки по просьбе фельдмаршала графа Иеронима Коллоредо-Мансфелда занимался реставрацией средневековых картин в замке Зелена Гора, то есть там, где Коварж нашел «Суд Либуше»! Писатель предположил, что Горчичка, наряду с друзьями Ганкой и Линдой, должен был стать третьим открывателем древнечешского наследия, но по нелепой случайности поддельную рукопись, подброшенную в замок, нашел его казначей. Думается, заговорщики могли специально подбросить ее на глаза простодушного слуги. Ведь если бы находку сделал сам Горчичка, о дружбе которого с Ганкой скоро стало бы известно, оснований подозревать подлог было бы гораздо больше. Ганка и Линда хотя бы были профессиональными филологами, которые буквально рыскали в поисках древностей: поверить в то, что они одновременно отыскали утраченные раритеты, еще было можно. Но то, что удача в то же время улыбнулась их третьему приятелю-живописцу, выглядело бы совсем невероятно. Интересно, что свою связь с Горчичкой Ганка впоследствии пытался скрыть.

Проведенная после открытий Иванова экспертиза поставила в истории точку. Вацлав Ганка оказался гениальным мистификатором, история о древней чешской литературе — ложью, но при этом ложью очень своевременной, заставившей чехов поверить в свои силы, сыгравшей в пользу национального

возрождения. Поэтому у себя на родине автор грандиозной подделки продолжает почитаться или уж во всяком случае не является однозначно героем со знаком «минус».

Подделки, направленные на то, чтобы изменить историческое сознание народа, создавались и в России. В их числе — «дневник Анны Вырубовой», фрейлины и ближайшей подруги последней русской императрицы Александры Федоровны. Мистификация эта не совсем литературная, но, поскольку к ее созданию приложил руку выдающийся русский писатель, имеет смысл рассказать и о ней.

Фальшивка увидела свет в ленинградском журнале «Минувшие дни» в конце 1927 — начале 1928 года. Первой части подлога редакция предпослала такое сообщение: «Несколько лет тому назад за границей появились воспоминания А. А. Вырубовой, написанные в эмиграции. Более лживой книги трудно себе представить! Вырубова пыталась доказать, что Распутин никакой роли при Дворе не играл, что все слухи о “распутинстве” — ложь и клевета… Теперь перед нами интимный дневник А. А. Вырубовой, найденный в СССР, откуда Вырубова, при своем бегстве из России в декабре 1920 г., не успела его вывезти…» Приписанный царской конфидентке текст, как несложно догадаться, изобиловал подробностями разложения царского режима и смакованием альковных тайн.

Ситуация с этим «дневником» выглядела сомнительно с самого начала, так как в ней присутствовал первый признак подделки — отсутствие оригинала. Редакция «Минувших дней» уверяла читателей, что осознававшая историческую ценность своих записок Вырубова доверила подлинник своей подруге Любови Головиной, чтобы та вместе с двумя помощницами сделала копию. Когда копия была готова, сестра вырубовской горничной забрала оригинал у переписчиков и понесла его хозяйке в кувшине для молока, но по дороге увидела милиционеров и, испугавшись, выбросила молочник с рукописью в реку. Копия же сохранилась, но забрать ее с собой в эмиграцию Вырубова не смогла. Предвидя, что текст окажется у врагов, экс-фрейлина поспешила опубликовать на Западе фальшивые воспоминания, чтобы иметь повод впоследствии объявить настоящий дневник подлогом.

История, если вдуматься, чрезвычайно путаная. Попробуйте понять, как все-таки сама Вырубова относилась к своему дневнику — как к исторической ценности или как к опасной улике, которая может быть использована для очернения императорской четы, которой придворная дама была предана беззаветно? Если как к ценности, зачем ей было публиковать

«фальшивые» мемуары с явно смещенными акцентами? А если как к опасной улике против царя, зачем делать копию этой «бомбы»? В таком случае Вырубовой надо было, наоборот, немедленно уничтожить и оригинал!

Нельзя безоговорочно верить и рассказу про пугливую сестру горничной. Что такого было в облике заурядной мещанки с молочной кринкой, что она должна была непременно обратить на себя внимание милицейского патруля? И зачем вообще нужно было доверять такую важную миссию именно ей?

Ну и наконец, главное — о том, как копия подлинного дневника попала к издателям, статья умалчивала совершенно. Забегая вперед, скажем, что на этот вопрос внятного ответа не появилось и впоследствии.

Впрочем, с точки зрения читателя, были у публикации и достоинства. «Читал дневник Вырубовой в журнале “Минувшие дни”, — записал Михаил Пришвин 3 февраля 1928 года. — Григорьев говорит, будто этот дневник поддельный… Не знаю, если даже и подделано, то с таким знанием “предмета”, с таким искусством, что дневник, пожалуй, может поспорить в своем значении с действительным…» И этот отзыв объясним: во-первых, в текст были вкраплены реальные цитаты исторических лиц, зафиксированные в дневниках, воспоминаниях, переписке и прессе. А во-вторых, и это отметил историк А. А. Сергеев, позже проводивший экспертизу, «дневнику» была свойственна художественная сила, производившая большое эмоциональное впечатление.

Но эмоции эмоциями, а специалисты в подлинности «сенсации» засомневались. В пользу того, что «Дневник» — фальшивка, высказались научные авторитеты с самым что ни на есть марксистским историком Михаилом Покровским во главе. А подробный анализ, сделанный Сергеевым, окончательно доказал, что «Минувшие дни» опубликовали подлог. Выяснилось, что в «Дневнике» не приведено ни одного факта, не известного ранее из открытых источников. Например, Сергеев показал его явную зависимость от опубликованной переписки Николая II с женой в 1916 году. Интересно, что публикация «Минувших дней» отличалась от парижских воспоминаний Вырубовой не только в оценках крупных событий и личностей вроде Распутина, но и самых мелких, частных и незначительных, фальсифицировать которые не было никакого смысла. Кроме того, стали очевидны пересечения дневника с известным в то время литературным произведением — пьесой «Заговор императрицы» Алексея Толстого и историка Павла Щеголева. Именно их, с огромной долей вероятности, и можно считать авторами фальшивки.

Биограф Толстого Алексей Варламов по этому поводу замечает: «Неизвестно, какой гонорар получили Алексей Николаевич с Павлом Елисеевичем за свою ударную работу, но известно, что в 1927 году трудовой граф писал в Берлин: “За это время мне удалось собрать коллекцию картин европейского значения. Это моя гордость”».

Важным остается вопрос, кто был заказчиком подделки? В эмиграции считали, что ГПУ. Однако вряд ли это так: скорее имело место личная инициатива авторов фальшивого «дневника». После разоблачения подлога Секретариат ЦК постановил закрыть альманах «Минувшие дни» как не соответствующий подлинно массовому историческому журналу, который мог бы культурно просвещать массы.

Ничего личного

Тобайас Джордж Смоллетт — один из величайших писателей Шотландии. Путевку в жизнь ему подарил дебют «Приключения Родерика Рэндома» о жизни бездомного сироты, которого злоключения превратили в мошенника и авантюриста. Но вскоре литератор убедился, что отъявленные плуты встречаются не только в плутовских романах: в Лондоне книгу Смоллетта издали по-французски под именем… его увенчанного лаврами современника Генри Филдинга. Самому Филдингу к таким сюрпризам было не привыкать: за двенадцать лет до этого другой предприимчивый издатель из Голландии уже заработал на опубликованной by Henry Fielding поделке «Жизнь Дэвида Симпла». Эта глава — о литературно-издательских аферах, коих история знает немало и жертвами которых становились в первую очередь авторы популярные, чье имя неизменно привлекало покупателей подделок. В 1824 году известный британский писатель Томас де Квинси, за сто лет до Ирвина Уэлша в красках описавший наркотические галлюцинации в «Исповеди законченного морфиниста», путешествовал по Германии. Каким-то образом в руки ему попалась книга «Валладмор» — надпись на пухлом томике гласила, что это не что иное, как «вольный перевод» романа сэра Вальтера Скотта. Де Квинси — одному из лучших знатоков современной ему литературы — хватило пяти страниц, чтобы понять, что сэр Вальтер не имеет к рыцарскому роману никакого отношения. Текст был вовсе не бездарен, нет — просто манера автора «Айвенго» и «Уэверли» слишком отличалась от того, что прочел путешественник: даже если учесть, что это был якобы «вольный перевод». Настоящий автор «Валладмора» Георг Вильгельм Геринг укрылся под псевдонимом Алексис

Вилибальд и скромно значился на титуле как автор предисловия. К счастью для него, де Квинси был фанатиком хорошей литературы. Понимая, что перед ним *талантливая* подделка, он сделал ее перевод на английский, и в 1825 году «Валладмор» был отпечатан в лондонской типографии Тейлора и Хесси с ироничной надписью на титуле: «Валладмор. Роман, свободно переведенный с английского на немецкий. А после свободно переведенный с немецкого на английский». Также присутствовало посвящение Вальтеру Скотту от «немецкого издателя». Сам мнимый автор вслед за Де Квинси отнесся к ситуации с юмором. Мэтр добродушно высказался в том смысле, что немецкий юноша неплохо *подражает* ему. Геринг, видимо, воспринял это как руководство к действию и спустя два года издал еще один роман «Вальтера Скотта» «Замок Авалон».

В XIX веке, когда книги окончательно стали массовым явлением, но большие расстояния преодолевались еще с трудом, доходным бизнесом были поддельные романы именитых иностранцев. Немногие, к примеру, могли разоблачить французского издателя, выпустившего в 1833 году бестселлер «Redwood», приписанный популярнейшему американцу Джеймсу Фенимору Куперу. Другим основанием, которое позволяло мистификаторам чувствовать себя в относительной безопасности, был уход литературной знаменитости из жизни. Так, после смерти того же Скотта во Франции появилось сразу четыре (!) его новых романа. Отдельно следует сказать о подделках книг Александра Дюма-отца. «Работать» с его именем аферистам было тем проще, что Дюма, как известно, был необычайно плодовит, ибо на него трудилась целая фабрика «литературных негров». После смерти беллетриста осталось множество набросков, часть которых принадлежала ему самому, часть — его *сотрудникам*, но заставить читателя поверить, что у Дюма в столе есть пара-тройка-десяток не изданных при жизни романов, было проще простого. Поэтому издатели спешили приписать ему все, что попадалось под руку, и тем скорее, чем чаще в тексте упоминались имя Д'Артаньяна и возглас «каналья». Так, в 1883 году во Франции вышел «роман Дюма» «Сын Портоса», из которого следовало, что самый простодушный из мушкетеров незадолго до смерти завел роман с жительницей острова Бель-Иль и родился наследник его силы и мужества. Жоэль подрос и вступил в схватку с… постаревшим Арамисом, который, провалив интригу с железной маской, решил подчинить себе короля Людовика XIV иным незамысловатым способом — с помощью очаровательной крестницы.

Давно известно, что автором текста, на классического Дюма

не похожего абсолютно, был писатель Поль Махалин. Мистификацию быстро разоблачили, и позже Махалин отговаривался тем, что, хотя авторство принадлежит ему, он просто новеллизировал подлинную пьесу великого автора «Трех мушкетеров». Пьесу эту, разумеется, публике никто не предъявил. Тем не менее во многих странах роман «Сын Портоса» продолжает издаваться под именем Александра Дюма: именно так он был издан в 1992 году в России.

Впрочем, после распада СССР на постсоветском пространстве случалось и не такое. В 1990-м в журнале «Слово» опубликовали неизвестный ранее шедевр «Дюма» «Последний платеж», вскоре вышедший отдельной книгой и многократно пиратски переизданный во всех концах нашей родины. Это было не просто продолжение «Графа Монте-Кристо». Это было крайне патриотическое продолжение, в котором герой мстил убийцам «великого русского поэта Пушкина» (иначе Пушкин в тексте практически не именуется). Москва, 1838 год. Пожилой граф вместе с милой женой Гайдэ восхищается красотами Белокаменной, но в одном трактире буйный, похожий на медведя бурсак бьет его по лицу за фамилию Дантес. Выяснив, что его приняли за однофамильца — Шарля Дантеса, Эдмон начинает расследование обстоятельств роковой дуэли на Черной речке. И в итоге клянется Натали Гончаровой и Василию Андреевичу Жуковскому совершить возмездие, но — бескровно… Рекламу роману сделали такие авторитетные издания, как «Литературная газета» и «Правда». Его главы читались по ленинградскому радио. Но на удивление быстро нашлись и те, кто разглядел подделку. Французские реалии в романе были выписаны дилетантски, русские, наоборот, с невероятным для Дюма знанием, а главное — с надрывным пиететом, которого совсем лишен его настоящий роман о России — «Учитель фехтования». Более того, Русское общество друзей Дюма сделало запрос в аналогичную французскую организацию, где удостоверили: о «Последнем платеже» в документах писателя нет никаких упоминаний. Наконец, было установлено и авторство книги — ее написал советский биограф Ивана Мичурина и Максима Горького Вячеслав Лебедев, который в издании «Слова» значился переводчиком.

Самое забавное в этой истории то, как издатели объясняли читателям многолетнее забвение романа. Его рукопись якобы много лет пролежала… в архивах КГБ, а единственный перевод был сделан «для служебного пользования»! Как она туда попала и зачем КГБ было скрывать приключенческий роман Дюма — такими вопросами в ту эпоху никто не задавался. Здесь уместно

вспомнить героя довлатовского «Заповедника» Стасика Потоцкого, за тридцать копеек показывавшего туристам в Пушкиногорье «истинную могилу Пушкина, которую большевики скрывают от народа». «Иногда кто-нибудь дотошный спрашивал: “А зачем скрывают настоящую могилу?” — “Зачем?” — сардонически усмехался Потоцкий. — “Вас интересует — зачем? Товарищи, гражданина интересует — зачем? — Ах, да, я понимаю, понимаю, — лепетал турист…”» Вот таким Стасиком Потоцким и выступил Лебедев в союзе с руководством издательства.

Эпоха «лихих 90-х» прошла, и коммерческих подделок поубавилось. Издатели нащупали новые ходы и вместо лжеромана Джоан Роулинг выпускают многочисленные подражания «Гарри Поттеру», не нарушая, таким образом, авторских прав. Однако старые методы по-прежнему в ходу. Так, три года назад маститый беллетрист Александр Бушков жаловался автору этих строк, что на Украине под его именем вышел роман «Без единого выстрела». Ко всему прочему мировой кризис книгоиздания требует стопроцентных бестселлеров, к числу которых, конечно, относятся неизданные рукописи классиков вроде набоковского «Оригинала Лауры». И никто не может поручиться, что в скором времени мы не столкнемся с новым неизвестным текстом Дюма. А может быть, даже и самого Пушкина.

Красная жара. Джозеф Дэвис (1876–1958), Лилиан Хеллман (1905–1984)

Мы привыкли к голливудской «клюкве» про звероподобных советских военных, мечтающих развязать ядерную войну. Тем удивительней узнать, что в истории американского кино был период, когда Советский Союз представал на экране царством благоденствия и всеобщей любви. С 1943 по 1945 год «фабрика грез» с помпой выпускала в прокат картины, которые впоследствии Государственная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности признала «коммунистической пропагандой».

После того как СССР и США стали союзниками, президент Франклин Делано Рузвельт приложил огромные усилия, чтобы изменить весьма настороженное отношение американцев к империи «серпа и молота». И в этом деле Голливуд сослужил главе государства хорошую службу. Первым выстрелом пропагандистской атаки Рузвельта стала экранизация мемуаров его друга, соседа и партнера по гольфу Джозефа Эдварда Дэвиса, посла США в СССР в 1936–1938 годах.

Миссия выполнима

Дэвис — фигура во многом замечательная. Сын валлийского эмигранта, умершего от алкоголизма, он начинал карьеру учителем гимнастики в Юридической высшей школе Висконсина, а после стал студентом и выпускником этой школы. В 1912 году юрист участвовал в предвыборной кампании Вудро Вильсона и после избрания своего шефа президентом занял видные посты — при Вильсоне Джозеф был председателем Комиссии по федеральной торговле и советником по экономическим вопросам на Версальской конференции. Выйдя в 1918 году в отставку, Дэвис открыл в Вашингтоне успешнейшую адвокатскую контору. Спустя шестнадцать лет Рузвельт, вернув товарища на государственную службу, направил его в Москву. И в столице сталинского СССР Дэвис доказал, что гибкость присуща ему не только на гимнастических снарядах, но и в большой политике. Он вошел в историю как единственный западный посол, награжденный орденом Ленина.

Пробыв в СССР два года, Дэвис обнаружил в себе большую

симпатию к советскому правительству и народу. 22 июня 1941 года он заявил прессе, что Советский Союз многих удивит масштабами сопротивления. А после вступления США во Вторую мировую войну друг президента возглавил комитет по оказанию помощи союзникам. Одним из проявлений такой помощи стали его мемуары «Миссия в Москву», в которых экс-посол описывал жизнь в СССР в доброжелательном ключе. Авторитет автора, помноженный на множество метко подмеченных деталей, вызвал доверие читателей. Исследование Института Гэллапа в 1942 году показало, что большинство американцев верит написанному Дэвисом о московских показательных процессах: и это при том, что дипломат был убежден в виновности подсудимых. За считаные месяцы разошлись 700 тысяч экземпляров его книги в твердом переплете и полтора миллиона в мягком!

В общем, когда президент задумался о поддержке союзника силами кинематографа, лучшей основы для картины было не найти.

Документально известно, что Рузвельт и его друг четыре раза встречались специально для обсуждения фильма. Сценарий заказали профессионалу Говарду Кочу, но редактировал его сам Дэвис. В контракт с компанией «Уорнер Бразерс» вписали специальный пункт, по которому дипломат имел право накладывать вето на любые диалоги. Этим правом он пользовался неоднократно. Например, Джозеф настоял на том, чтобы во фразе, сообщающей зрителям о начале конфликта СССР с Финляндией, словосочетание «военные действия» изменили на словосочетание «ответные меры».

Снимать ленту в полудокументальном стиле братья Уорнеры поручили Майклу Кертису, обладателю «Оскара» за фильм «Касабланка». Самого Дэвиса сыграл знаменитый актер Уолтер Хьюстон, его жену — Энн Хардинг, Вячеслава Молотова — Джин Локхарт, Сталина — Мэнарт Кипмен. Впрочем, в начале фильма появился и реальный Дэвис, сделавший программное заявление: «Ни одно правительство в мире не было так непонято и ошибочно представлено, как советское руководство в критические годы между двумя мировыми войнами».

Американцам представили киноисторию о «превращении Савла в Павла». Правоверные капиталисты — посол и его жена — приезжают в СССР и проникаются симпатией к советским людям и персонально к Иосифу Сталину. Большое внимание уделено репрессиям, которые Дэвис объясняет борьбой отца народов против «пятой колонны» — агентов фашистской Германии. Опровергая мнение о фальсификации доказательств во время московских процессов, дипломат заявляет: «Основываясь на своем

двадцатилетнем адвокатском опыте, я пришел к выводу, что подсудимые были виновны». Благожелательную трактовку лента дает и пакту Молотова — Риббентропа. Согласно сценарию, СССР заключил его, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к неминуемой борьбе с нацистами в союзе с Западом.

Коммерческого успеха лента не имела. Несмотря на то что «Уорнер Бразерс» истратила на рекламу 250 тысяч долларов, ее убытки составили сумму, вдвое большую. Слабым утешением для кинематографистов могла послужить второстепенная номинация на «Оскар» — «за лучшую работу декоратора». Критика, объясняя провал, намекала на то, что Дэвис оказался более талантливым литератором, чем Кертис — режиссером. Пропагандистский эффект, соответственно, был ниже ожидаемого, хотя полностью отрицать его нельзя. Свою миссию «Миссия» выполняла, и не только в США. Это — первый голливудский фильм, показанный в СССР. Кроме того, фильм в некоторой степени восстановил взаимодоверие между Сталиным и Рузвельтом, которое стало исчезать из-за вопроса об открытии второго фронта. А главное — «Миссия» задала тенденцию создания «просоветских» фильмов в Голливуде.

Русские идут

После политической «Миссии в Москву» начались съемки более увлекательных жанровых картин о жизни в СССР. Самые известные из них — «Северная звезда» Льюиса Майлстоуна и «Песня о России» Грегори Ратоффа.

Первый фильм — военный боевик об украинских партизанах. Июнь 1941 года. Молодые колхозники, поехавшие на выходные в Киев, по дороге подвергаются атаке немецких самолетов. Их деревня уже захвачена фашистами, и ребята прячутся в лесу, где вместе с другими беженцами создают партизанский отряд. Тем временем немецкий доктор фон Харден пускает деревенским детям кровь для переливания раненым солдатам вермахта. Несколько мальчиков не выдерживают его садистских опытов и погибают. Но вскоре партизаны, к которым прибился и антипод фон Хардена — врач Павел Курин, наносят оккупантам неожиданный удар. Кстати, создатели этой картины, так же как Джозеф Дэвис, не лицемерили в своих симпатиях к России. Известно, что сценаристка Лилиан Хеллман, член коммунистической партии США, услышав о нападении Гитлера на СССР, воскликнула: «Отечество атаковано».

Лилиан Хеллман

«Песня о России» — каноническая мелодрама, главную роль в которой сыграл легендарный Роберт Тейлор. Его герой дирижер Джон Мередит едет на гастроли в СССР и влюбляется в очаровательную пианистку Надю Степанову, вместе с которой путешествует по Советскому Союзу. Во время их феерического концерта, который по радио слушает вся страна, происходит вторжение гитлеровцев. Джон предлагает Наде бежать вместе с ним в Америку, но она отказывается, решая сражаться вместе со своим народом. Эта картина была встречена публикой на ура. В первые месяцы после премьеры пресса называла Тейлора и его партнершу Сюзан Петерс самой эффектной романтической парой, бросившей вызов Кларку Гейблу и Лане Тернер.

В качестве курьеза стоит упомянуть пропагандистский мультфильм «Русская рапсодия», снятый в 1944 году. В этом «шедевре» кремлевские гремлины (сказочные существа, которых в

русском переводе, пожалуй, адекватнее называть «домовыми») побеждают Адольфа Гитлера, лично отправившегося бомбить Москву. Самый забавный эпизод этой анимации — песня главных героев «We Are Gremlins from the Kremlin» на мотивы «Очи черные» и «Эй, ухнем».

Из героев в предатели

После Фултонской речи Черчилля «красная серия» не просто была предана анафеме. За ее создателей взялась Комиссия конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, погубив немало карьер и искалечив немало судеб.

Испортить жизнь Джозефу Дэвису, авторитетному политику и миллионеру, было почти невозможно, поэтому его гроза обошла стороной. А вот сценарист «Миссии в Москву» Говард Коч навсегда попал в «черный список» Голливуда. Был изрядно напуган и совладелец «Уорнер Бразерс» Джек Уорнер. Представ перед комиссией, он оправдывался нажимом президента Рузвельта и в качестве индульгенции срочно запустил в производство патриотическую ленту «Я работал коммунистом для ФБР». Покатилась под откос карьера продюсера Луиса Мейера. На допросе по поводу «Песни о России» он держался достойно, советовал оппонентам подучить историю и вспомнить, что Россия была союзником США в войне, даже махал у них перед носом хвалебными рецензиями, но тщетно: на его репутацию было поставлено красное клеймо. Роберт Тейлор, известный антикоммунист, с каменным лицом объяснил свое появление в роли Джона Мередита контрактом с киностудией. Этот священный аргумент снял все вопросы к нему. Хладнокровнее всех общалась с комиссией Лилиан Хеллман. Отвечая на упреки по поводу ее просоветской позиции, драматург сказала: «Я не могу и не стану подстригать свои убеждения по моде сезона». Вердикт заседавших изгнал талантливого драматурга из голливудской обоймы.

Чтобы понять атмосферу, в какой проходило разбирательство по поводу этих картин, стоит почитать показания известной писательницы Айн Рэнд. Настоящее ее имя — Алиса Зиновьевна Розенбаум: она родилась в Санкт-Петербурге и окончила Ленинградский университет. В 1926 году Алиса отправилась на учебу в США и на родину возвращаться не стала. Сначала она устроилась статистом в Голливуд, а после вышла замуж за актера Фрэнка О'Коннора, опубликовала несколько романов и получила известность как прозаик. Когда комиссия начала судилище, Айн Рэнд, учитывая ее опыт работы в кино и русское происхождение,

пригласили в качестве эксперта. Она должна была высказать мнение относительно того, можно ли фильм «Песнь о России» считать коммунистической пропагандой. Читать ее сентенции любопытно как образец слепой патологической ненависти и полного отсутствия здравого смысла. Вот лишь один из образцов ее экспертизы:

«Менеджер Тейлора, его играет, мне кажется, Бенчли, американец, говорит Наде, что ей надо покинуть страну, но, когда она отказывается, вот что он говорит… с восторженной товарищеской интонацией: “Вы дурочка, но много похожих на вас дураков полегли в свое время на полях Лексингтона”. Я заявляю, что это кощунство, потому что люди в Лексингтоне не просто сражались с иностранными завоевателями. Они сражались за политическую свободу и за личную свободу. Они сражались за права человека. Сравнивать их с кем-то, кто сражается за рабское государство, по-моему, кошмарно».

В комиссии и близко не было кого-то, кто исповедовал бы левые взгляды, но такие декларации американки в первом поколении смутили даже ее заседателей. Так, например, заседатель Макдауэлл, обратился к ней с таким вопросом:

М-р Макдауэлл: «Вы нарисовали весьма зловещую картину России. Вы сделали акцент на числе детей, которые несчастливы там. Что, в России больше никто не улыбается?»

Мисс Рэнд: «Если вы спрашиваете буквально, то практически нет».

М-р Макдауэлл: «Я тут вижу большую разницу с теми русскими, которых я уже знаю, а знаю я многих. Неужели они не ведут себя как американцы? Не идут гулять по городу, чтобы навестить свою тещу или еще кого-нибудь?»

Мисс Рэнд: «Видите ли, это очень сложно объяснить. Почти невозможно втолковать свободному человеку, что значит жить при тоталитарной диктатуре. Я могу привести множество подробностей. Но я никогда не смогу убедить вас, потому что вы свободны. Конечно, у них есть друзья и тещи. Они пытаются жить человеческой жизнью, но поймите, она бесчеловечна»[1].

Мы так подробно остановились на показаниях Айн Рэнд, потому что они точно передают дух этого странного суда. Читатель сам может сделать выводы по поводу непредвзятости проведенной экспертизы. Ограничусь лишь замечанием, избежать которого невозможно. Писательница негодует на пианистку Надю, которая остается в России, чтобы защитить свою семью, деревню и страну и “сделать жизнь еще лучше”. По мнению Айн

Рэнд, это завуалированная пропаганда коммунизма. А может быть, просто проявление мужества и настоящей любви к родине? Лично мне, автору, жаль, что никто из здравомыслящих заседателей не спросил бывшую студентку Ленинградского университета: «Мисс Рэнд, а ваши родственники в России тоже никогда не улыбались?» Отец и мать Айн Рэнд оставались в советской России; отец умер своей смертью в 1939 году, мать скончалась в ноябре 1941 года в осажденном нацистами Ленинграде; ее сестра Элеонора прожила в СССР долгую жизнь. В 1974 году по приглашению Алисы она посетила США, но остаться там отказалась: «Мы с мужем решили вернуться — они там ведут совершенно другую жизнь, которая нам не подходит».

Итак, история голливудской красной серии окончилась трагически. Составлявшие ее фильмы были прочно забыты, копии «Миссии в Москву» даже сознательно уничтожались, а «Северной звезде» в 1957 году сняли новый конец, в котором уже венгерские повстанцы поднимаются против Советской армии. Между тем картины, о которых мы говорили, крайне интересны. Не только как памятники эпохи и прекрасные образцы пропаганды, но и как ленты, в которых все же была большая доля искренности. Ведь не лицемерили те русские и американские солдаты, которые обнимали друг друга со слезами на глазах во время встречи на Эльбе!..

Миссия Манна. Клаус Манн (1906–1949)

Его отец был знаменитостью первой величины: классик литературы, лауреат престижных премий, титан. Да и дядя ненамного отстал от своего брата: добился известности, уважения, а главное — стал продаваемым автором. Он же,

скромный и стеснительный, с детства находился под гнетом их славы. В четырнадцать лет Клаус Манн, сын Томаса и племянник Генриха Манна, записал в дневнике пронзительную фразу: «Я обязан стать знаменитым».

Он поставил на это все. Любой творческий успех превращал Клауса в счастливейшего человека на свете. Любая неудача подталкивала к самоубийству.

Клаус Манн родился 18 ноября 1906 года в Мюнхене, в семье, которая внешне была весьма благополучна. Однако сам он впоследствии определил жизнь в ней как «проблематичное счастье»: у него никогда не было ровных отношений с великим отцом. В детстве Клаус откровенно саботировал школу, что приводило Томаса в бешенство и в конце концов принудило его запереть неуправляемого сына в частном пансионе в Хохвальдхаузене. Зато у Клауса явно ладились отношения с сестрой Эрикой. Оба были натурами тонкими, художественными, и оба, едва достигнув зрелого возраста, с головой окунулись в разгул, бросая вызов миру добропорядочных бюргеров Будденброков, чьи образы создал в своей книге их отец.

«Клоака блестящего разврата» — так именовал Клаус Манн богемное общество, в котором вращался. В этом мире беспримесного греха брат и сестра нашли двух соратников. Одним стала лесбиянка Памела Ведекинд, с которой демонстративно обручился Клаус, другим — молодой актер Густав Грюндгенс, вскоре женившийся на Эрике. Пикантность ситуации заключалась в том, что экзальтированная дочь классика, как и Памела, предпочитала мужчинам женщин, а ее брат испытывал непреодолимое влечение к супругу сестры. Эпатажная четверка образовала мини-театр и с вызывающим спектаклем «Ревю для четверых» разъезжала по театрам Германии. Но этот плевок в лицо мещанству остался никем не замеченным и не оцененным.

При всем при этом Клаус и его друзья не были пустыми прожигателями жизни. Они задумывались о том, что происходит в стране, и придерживались левых взглядов. В 1920-х годах они были уверены, что «фашизм не пройдет», и такое единомыслие, особенно с красавцем Густавом, приводило молодого литератора Клауса в восторг. Кстати, о литературе. Младший Манн, верный подростковой клятве, делал первые шаги к славе. В 1925 году он опубликовал и поставил в театре Лейпцига свою первую пьесу «Аня и Эстер». Несложно догадаться, что это произведение об однополой любви. Еще проще сообразить, что главные роли в постановке играли Эрика и Памела. И уж совсем легко угадать реакцию большей части публики. Клаус был освистан, но пока это

его устраивало: чего еще можно ожидать от недалеких обывателей!

По разные стороны

Жизнь Клаусу сломал 1933 год. Приход к власти Гитлера был для него тем, чем стала для петрашевца Достоевского отмененная в последний момент казнь. Тогда он испытал невыносимое страдание, которое потом сублимировал в творчество.

Покинув Германию и переехав в Амстердам, Клаус пытался образумить тех, кто продолжал жить на родине при фашистском режиме. «В каком обществе вы остались, — взывал он к одному из своих любимых авторов Готфриду Бенну. — Чего вы можете достичь, предоставляя ваше имя… в распоряжение тех, чье бескультурье является беспрецедентным в европейской истории и от чьей моральной нечистоплотности отвернулся весь мир? А где же почитатели вашего таланта? Разве они в стане пробуждающейся Германии? Ваши почитатели, которых я знаю, сидят сегодня по маленьким отельчикам Парижа, Цюриха, Праги, а вы, вы, их кумир, продолжаете разыгрывать из себя академика ЭТОЙ страны». Но если Клаус Манн стерпел то, что Бенн остался под властью Гитлера, то другому человеку он не мог простить такого отступничества.

Он ждал Густава. Ждал месяц, два, год — потом отчаялся. Клаус узнал, что его кумир делает вполне неплохую карьеру, пользуясь вниманием и уважением нацистских бонз. Большим поклонником Грюндгенса оказался сам Геринг, не без его поддержки актер возглавил Прусский государственный театр и вскоре по личному приказу Гитлера получил звание государственного артиста Германии. Лучшей ролью, сыгранной Густавом, была роль Мефистофеля. Пожилые немцы и по сей день представляют искусителя Фауста с лицом мужа Эрики Манн (впрочем, к тому времени супруги уже развелись). И Клаус решил отомстить за свою боль и предательство идеалов единственно возможным для него способом: он написал книгу о друге-предателе и назвал ее «Мефистофель» («Mefisto»).

Книга жизни

Он писал исступленно, слезами и кровью, создав филигранный роман о талантливом актере Хендрике Хофгене, который совершил сделку с совестью и стал пособником нацистов в обмен на славу и почет. В этом герое легко угадывался артист-триумфатор, о котором Клаус отозвался так: «Тщеславие было его

незаживающей раной… Как же силен должен быть в человеке комплекс неполноценности, если нужно прибегать к таким фейерверкам обаяния, чтобы избыть его… Тот, кто чувствует себя любимым хотя бы одним человеком на свете, не нуждается в том, чтобы постоянно соблазнять». Раны его души могло залечить только одно. Клаус видел, что его книга хороша, и ждал от нее эффекта, ведь когда-то он клялся, что станет знаменитым писателем.

Усмешка Мефистофеля

Роман «Мефистофель» вышел в 1936-м. Вторая мировая еще не началась. В западных странах многие боялись Сталина больше, чем Гитлера, и предпочитали занимать нейтральную позицию в отношении германских властей. В этих условиях издатели восприняли роман как политический памфлет или, пуще того, карикатуру на уважаемого человека. Многие из них вообще отказывались брать у Клауса рукопись.

Он пережил и это. Манн эмигрировал в США, а когда Америка объявила войну Германии, получил гражданство, записался в вооруженные силы и отправился на фронт. В 1945 году в составе войск союзников Клаус оказался в родном Мюнхене, ниспровергая столь ненавистный для него гитлеровский режим. Но крах нацизма ничего не изменил в отношении к его книге.

Немецкая публика так любила Грюндгенса, что охотно согласилась забыть его братание с Гитлером и Герингом. Тем более что сам Густав никогда не касался политических вопросов и утверждал, что для него существует только искусство. Ярлык «кляузы на знаменитость» прочно приклеился к роману «Мефистофель». Вопреки здравому смыслу лучшая книга окончательно погубила репутацию своего автора. Манн не находил себе места и начал глушить переживания героином. 21 мая 1949 года в Каннах его моральные силы истощились окончательно. Прекратив сопротивляться судьбе, он принял яд.

На протяжении последующих тридцати лет мало кто вспоминал о существовании писателя Клауса Манна и его романа «Мефистофель». В конце 1960-х в ФРГ он вообще был запрещен к изданию и распространению как порочащий честь и достоинство патриарха немецкого театра. И лишь в начале 1980-х, когда эта книга попалась на глаза выдающемуся венгерскому режиссеру Иштвану Сабо и он снял по ее мотивам поразительную кинодраму, все словно опомнились. Роман переиздали огромными тиражами. Критики резво отыскали в нем массу

художественных достоинств. Бестселлер рекомендовали для включения в школьную программу. Так посмертно Клаус Манн все же сдержал обещание, данное самому себе в далеком 1920 году.

Смотрим «Мефисто», не забывая об истории его создания.

Политики

Добро с кулаками. Добрыня Никитич (X в.)

Среди былинных богатырей самым близким к князю Владимиру оказывается Добрыня Никитич. Именно ему киевский государь поручает задания деликатного свойства вроде собственного сватовства к Апраксе-королевичне или освобождения племянницы Забавы из лап змея. Случайность? Весьма вероятно, что нет. Ведь рядом с реальным Владимиром почти всегда находился реальный Добрыня — «старик умный, ловкий, решительный, но жесткий», как аттестовал его историк Сергей Михайлович Соловьев.

Личность эта таинственная и загадочная. Не то верный пес, не то «серый кардинал» при князе, он был, согласно летописи, «уем» Владимира Святославича — дядей со стороны матери.

Как рассказывает летопись, креститель Руси — сын киевского владыки от ключницы Малуши — происхождением уступал старшим братьям Ярополку и Олегу, рожденным в династическом браке. Враги высокомерно бросали ему в глаза страшное оскорбление — робичич (сын рабыни). По неким причинам (версии — ниже) младший сын Святослава тем не менее воспитывался при княжеском дворе при участии своей мудрой бабки — княгини Ольги. Но никто не мог сказать, что ожидает его после отцовской смерти.

Когда Ярополк подрос, Святослав «посадил» первенца в Киеве, от которого сам хотел отказаться в пользу «средины земли своей» — Переяславца, города на Дунае. Второй его отпрыск, Олег, отправился княжить в земли древлян. Владимиру же своей волости не досталось. Однако в этот момент, как рассказывает «Повесть временных лет», к Святославу «пришли новгородцы, прося себе князя». При этом послы пригрозили, что, если он не отправит к ним правителя из своего рода, они найдут себе князя на стороне. «И сказал им Святослав: “А кто бы пошел к вам?” И отказались Ярополк и Олег».

И вдруг происходит неожиданное. В эту историю вмешивается третье лицо, которое в летописи упоминается впервые: «И сказал Добрыня: просите Владимира». Мы можем только предполагать, был ли этот совет дан новгородцам келейно или открыто, но очевидно, что дядя малолетнего робичича таким образом включился в политическую борьбу за права племянника. Вольный Новгород был могучим торговым городом, откуда почти

век назад пришла на полянские земли правящая династия. Княжение в нем давало сыну Малуши уникальную возможность заработать авторитет, приобрести сторонников и создать свою «партию». Это, кстати, не противоречило планам Новгорода, который хотел себе родовитого и при этом независимого князя, а не марионетку Киева. Понравилось просителям и то, что претендент был еще юн. Как пишет Соловьев, они «надеялись воспитать у себя Владимира в своем обычае: они и после любили иметь у себя такого князя, который бы вырос у них». «И сказали новгородцы Святославу: “Дай нам Владимира”. Он же ответил: “Вот он вам”». Так младший княжич отправился на берега седого Волхова, а вместе с ним поехал и его удачливый советник, если не сказать соправитель.

Кем он был?

И сразу же возникает вопрос: а кем был сам Добрыня? Летопись не сообщает по этому поводу ничего, кроме того, что он — брат Малуши и сын Малко Любечанина. Какое же положение занимал в Киеве этот родич холопки-ключницы, пусть и родившей от Святослава? Явно не самое низкое, иначе с ним вряд ли стали бы разговаривать гордые новгородские послы.

Ученые смотрят на этот вопрос по-разному. К примеру, маститый исследователь русских летописей Александр Александрович Шахматов предполагал, что Добрыня — внук воеводы Свенельда, ходившего на рати с Игорем и Святославом. Но хронологически это маловероятно, да и рабского положения Малуши не объясняет.

Самой спорной и одновременно самой занимательной гипотезой стала версия, предложенная замечательным историком и археологом XIX века Дмитрием Ивановичем Прозоровским. Он полагал так: «Простолюдин, хотя бы и брат княжеской наложницы, не мог занять такое место при Владимире, какое занял Добрыня, фактически бывший правителем Новгорода… Он был “муж”, боярин…» Но если он был таковым, то как же допустил он, чтобы сестра его попала в рабство?

Прозоровский задумался и над другими загадками, порожденными летописными сведениями о Владимире, Малуше и Добрыне. К примеру, почему незаконный сын киевского князя рос рядом с братьями, рожденными от знатной матери? Ведь из сыновей самого Красного Солнышка, у которого, по сообщениям летописца, было около 800 наложниц, были «признаны князьями только происшедшие от жен». В своей статье «О родстве св. Владимира по матери», опубликованной в 1864 году,

Прозоровский объяснил это сенсационным образом: «Его (Владимира) мать, хотя и первоначально была наложницей Святослава, но происходила из такого рода, который давал ей право быть княгиней и по которому она впоследствии была признана женою Святослава». Но кто же тогда она и ее брат?

Древлянские пленники

«Рабство было двух родов, — рассуждал Прозоровский. — Одно происходило из права юридического и делилось на три вида холопства… Другое — по праву войны, и к рабам сего рода относились пленники, которые поступали во владение князя… Положение Добрыни не показывает, чтобы Малуша была рабою купленною, иначе и Добрыня был не что другое, как холоп, и не мог бы пользоваться званием выше княжеского тиуна или конюха». Если мать и дядя Владимира были пленены, следовательно, надо вспомнить, какие войны вел Киев в 940–950-х годах. Прозоровский предположил, что Добрыня и Малуша оказались в рабстве после взятия древлянской столицы — Искоростеня.

В 945 году князь Игорь Рюрикович, не удовольствовавшись уже полученным, явился к древлянам повторно — за новой данью. Как говорит летопись, «древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит”. И послали к нему, говоря: “Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань”. И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало». По легенде, они привязали непрошеного гостя к двум согнутым березам, и те, распрямляясь, разорвали князя пополам.

Ольга, по «Повести временных лет», отомстила за смерть мужа не менее жестоко. Одних послов князя Мала, посватавшегося к ней, она сожгла, других живьем засыпала в яме. Потом же вдова Игоря пошла в древлянскую землю, разбила оборонявшиеся войска и сожгла Искоростень. «Городских же старейшин забрала в плен, а прочих людей убила, а иных отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань» — так утверждает летопись.

Прозоровский после многократного прочтения этого сказания удивился: почему в нем ничего не говорится о человеке, который должен был вызвать особый гнев Игоревой вдовы, — Мале? Что произошло с ним? И тут исследователь вспомнил о том, как звали отца Добрыни и Малуши — Малко Любечанин… Да, по мнению

историка, этот безвестный человек, живущий в Любече, был на самом деле узником Любечского замка древлянским князем Малом, которого после поражения стали называть уничижительно Малко… А мать и дядя будущего правителя Киева оказались его детьми, попавшими в рабство. Правда, о детстве Добрыни таких летописных сведений нет, но интересно, что былины о Добрыне Никитиче рисуют его как князем, так и бывшим конюхом и прислужником… Утолив свою месть за мужа, Ольга, оставшаяся на руках с малолетним Святославом, стала мыслить по-государственному и начала политику реформ, урегулировавших ее отношения с племенами, которые платили Киеву дань. Возможно, на этой волне произошло освобождение Добрыни и Малуши. Сын Мала стал влиятельным боярином, а его сестра из ключницы княгини Ольги превратилась в законную жену Святослава Игоревича.

Судьба Добрыни в изложении Прозоровского весьма напоминает авантюрный исторический роман Вальтера Скотта. Но далеко не все коллеги Дмитрия Ивановича отнеслись к этой гипотезе скептически. Например, маститый академик, филолог Измаил Иванович Срезневский был убежден, что Владимир, несомненно, был законным сыном Святослава, а Малуша — его женой. Ученый указал, что в летописи Малуша названа «милостницей» Ольги. Обычно это слово трактовали как «раздающая милостыню». По мнению Срезневского, оно означало «фаворитка».

Захват власти

Итак, юный Владимир со своим дядей оказался в Новгороде. За последующее десятилетие, когда младший Святославич взрослел, а Добрыня руководил его воспитанием, новгородцы ни разу не выказали своего недовольства князем и его советником — во всяком случае, летопись ничего подобного не фиксирует. А тем временем в стольном Киеве произошли перемены: возвращаясь домой из похода, погиб от руки печенега Святослав. На трон вступил его старший сын Ярополк, роль Добрыни при котором играл варяжский воевода Свенельд. Он-то и спровоцировал междоусобную войну новоявленного князя с братьями, первой жертвой которой стал Олег Древлянский. Будучи не в силах победить дружины Свенельда, Добрыня и Владимир бежали в Швецию, к королю Эрику IV, чтобы спустя два года вернуться со скандинавским войском, выбить из Новгорода Ярополкова посадника и вступить в жестокую схватку с князем.

К себе в союзники дядя и племянник попытались взять

полоцкого князя Рогволда: Владимир посватался к его дочери Рогнеде. Но с тем же предложением к ней прибыли послы от Ярополка. Сказание гласит, что надменная Рогнеда отклонила предложение из Новгорода словами: «Не хочу раздеть робичича». На это Владимир ответил стремительным походом к стенам Полоцка, его взятием и разорением. Рогволд и его сыновья были убиты, Рогнеда насильно выдана замуж за Владимира. Какова была роль Добрыни в этих событиях? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал Сергей Михайлович Соловьев: «Странно было бы предположить, чтоб Владимир, будучи очень молод… мог действовать во всем самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодетеля, потому что он ему преимущественно был обязан новгородским княжением… Словами Рогнеды была преимущественно опозорена связь, родство Владимира с Добрынею, и вот последний мстит за этот позор жестоким позором». В некоторых летописях сохранилась леденящая душу подробность, что разъяренный Добрыня приказал племяннику «быть с Рогнедой перед отцом ее и матерью».

Так или иначе, смяв Полоцк, войска Владимира двинулись на Киев и взяли его, а бежавший Ярополк погиб в Родне от руки наемника Варяжко. Добрыня, когда-то доставивший Владимира на княжение в Новгород, теперь подарил ему и киевский престол.

Реформатор

Во многих политических начинаниях князя Владимира можно увидеть руку Добрыни. Из очевидного: под 985 годом летопись помещает рассказ о победоносном походе киевского князя на болгар. Владимир хотел принудить побежденных платить дань, но Добрыня «осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать пойдем, поищем себе лапотников».

И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть».

Сказание отмечает государственную мудрость воеводы, считавшего, что лучше иметь верного союзника, чем неспокойного данника.

За годы, прожитые в Новгороде, Добрыня, видимо, сумел найти общий язык с жителями этого города, и потому решение Владимира сделать его новгородским посадником выглядит логичным. Княжеский «уй» железной рукой претворял в жизнь обе религиозные реформы племянника. Сначала он водрузил над берегами Волхова статую Перуна, который был объявлен главным славянским богом среди прочих. А после он же швырнул этого

идола в реку во время Крещения.

Есть сведения о том, что Добрыня крестил всю Северо-Западную Русь. Правда, как раз новгородцы больше всего воспротивились религиозному нововведению. По сообщению Иоакимовской летописи, услышав, что Добрыня подходит к городу с византийскими епископами, они разрушили большой мост и вышли против посадника на битву. На другой стороне реки обезумевшие горожане разрушили дом Добрыни и убили его жену. Тысяцкий Путята ночью тайно переправился на другой берег в другом месте реки и ворвался в город. На помощь ему подоспел и Добрыня, приказавший поджечь новгородские дома. Только тогда разбитые новгородцы запросил мира и согласились обратиться в христианство, а в веках осталась поговорка: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Впрочем, фигура Добрыни должна пробуждать у новгородцев не только мстительные чувства — именно при его посадничестве в 989 году был построен предшественник одного из главных символов Новгорода — нынешней Святой Софии — деревянный тринадцатиглавый Софийский собор.

Как и где скончался княжеский дядька, помощник и друг, остается неизвестным. Как неизвестны нам и многие другие эпизоды Добрыниной жизни, а она была гораздо насыщенней и интересней, чем те летописные сведения, которые о ней сохранились. Добрыня, несомненно, был соучастником, а иногда и творцом главных событий Владимирова правления. Трудно усомниться в словах Сергея Михайловича Соловьева, который написал: «Говоря о действиях Владимира, историк должен предполагать Добрыню».

Раковор приведен в исполнение. Князь Довмонт (1240–1299)

18 февраля 1268 года рать из новгородцев, псковичей и дружин великого князя владимиро-суздальского подступила к реке Кеголе. Отсюда до вражьего логова, куда направлялись воины, оставалось менее семи верст. Однако не суждено им было завершить путь до желанного Раковора. На другом берегу неожиданной стеной уже стояли решительные, закованные в тяжелую броню рыцари, сопровождаемые верными ополченцами. То были не только датчане, которых шла воевать Русь в землю эстов. На подмогу единоверцам-«римлянам» пришли ливонцы, вел которых сам Отто фон Лаутенберг, одиннадцатый магистр Тевтонского ордена в Ливонии, нарушивший клятву о мире. Это была ловушка. Но русские князья предпочли бой позору бегства. И летописец написал о той сече: «…полк немецкий… бе видети яко лес: бе бо свкупляся вся земля немецкая… Новгородцы же сташа в лице железному полку противу великой свиньи; и тако поидоша противу собе; и яко ступишася, бысть страшное побоище, яко не видали ни отцы, ни деди».

О славной Раковорской битве (или сражении при Магольмской церкви, как называли ее ливонцы) мало кто знает. Сам факт, что такая баталия состоялась, может вызвать недоумение: как же это случилось, если еще в 1242 году Александр Невский разгромил ливонских рыцарей на Чудском озере и, как сказано в учебниках, предотвратил продвижение немецкой агрессии на Восток? Этот расхожий штамп поддерживали практически все государственные идеологии, и в результате он укоренился в памяти доверчивого обывателя.

Иные историки в последние годы не избежали соблазна вывернуть миф наизнанку и объявить князя Александра бездарным подхалимом Орды, а Ледовое побоище — заурядной пограничной стычкой. Среди основных аргументов в пользу последнего обычно приводится малое число рыцарей, убитых в битве (двадцать) и взятых в плен (шесть), по данным Ливонской рифмованной хроники. На самом деле это легковесное суждение нашего с вами современника.

Тогда, в середине XIII века, весь могучий Ливонский орден, который правильней называть Ливонским ландмайстерством

Тевтонского ордена, насчитывал… всего чуть более сотни «братьев» (по другим источником — не более двухсот). Хороша же «заурядная стычка», в которой была уничтожена фактически четверть (пусть даже восьмая часть) членов этой организации, не говоря уже о нескольких сотнях кнехтов, сопровождавших своих господ. Нет, рана, нанесенная ордену Александром Невским, была довольно ощутимой. И все же отнюдь не смертельной.

На захваченных землях Прибалтики — а это почти две трети территории Латвии и Эстонии — ливонские рыцари продолжали укреплять свое феодальное государство, откровенно враждебное для соседей. С русскими их навеки разделила непримиримая вражда религий и цивилизаций: в своих хрониках, рассказывающих о войнах с Новгородом и Псковом, ливонцы именуют себя не иначе как «христианами», давая таким образом понять: православные для них язычники. Сам папа, хотя и не объявил официальный крестовый поход на Русь, неоднократно намекал своей пастве на необходимость отвратить русских от византийской ереси. Ну а помимо религиозного фактора в неспокойных отношениях Руси и Ливонии играли свою роль и некоторая неопределенность границ, и зависимость от ливонцев купеческих торговых путей, и взаимный опыт былых обид. Князь Александр Ярославич хорошо чувствовал постоянную угрозу с Запада, потому и искал на склоне жизни военного союза против Ливонии с могущественным литовским князем Миндовгом. Но неожиданная смерть Александра Невского в 1263 году по дороге домой из Орды оставила эту задачу нерешенной.

Заговор

Все, что говорилось о столкновениях с ливонскими рыцарями, имеет прямое отношение и к датским, которые тоже поучаствовали в покорении «христианами» Прибалтики. Потомки викингов в середине XIII века владели землями северной Эстонии с двумя крупными эстонскими городами — Колыванью (Ревелем, ныне Таллином) и Раковором (Везенбергом, ныне Раквере).

Впрочем, и наши предки отнюдь не гнушались возможностью поживиться за счет соседей: в этом смысле Раковор манил новгородцев. Как пишет один из крупнейших современных исследователей темы Денис Хрусталев, «маленькая крепостица с ничтожным датским гарнизоном представлялась им легкой добычей. Однако осада ничего не дала. В ходе нее погибло семь человек, включая знатного боярина Федора Сбыславича — возможно, брата Елферия (Юрия) Сбыславича и сына посадника Сбыслава Якуновича. Ближайший родственник убитого входил в

узкий круг правящей верхушки города-государства, причем принадлежал к условно отмечаемой исследователями “партии войны” — группе сторонников развития новгородской экспансии. Осенью 1267 г. жажда мести охватила горожан. Они решили отступить, но вскоре вернуться к Раковору с большими силами. Причем великий князь Ярослав Ярославич поддержал их и прислал полки в помощь. Северная Эстония представлялась легкой наживой».

На берегах Волхова началась подготовка к новой кампании, которая должна была принципиально отличаться от предыдущей двумя моментами. Во-первых, на это обращал внимание еще Николай Карамзин, «новгородцы сыскали искусных мастеров и велели им на дворе Архиепископском строить большие стенобитные орудия». А во-вторых, для сокрушения датчан собиралась мощная военная коалиция, в которую были приглашены князь Псковский Довмонт, князь Переяславльский Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) и великий князь Владимиро-Суздальский Ярослав Ярославич (брат Александра Невского). Интересно, что в этой войне князья раздробленной Руси проявили редкое единодушие: Довмонт и Дмитрий пришли сами, а Ярослав прислал сыновей Святослава и Михаила с войском.

Возглавил эту армию восемнадцатилетний Дмитрий. В ратных делах князь был еще не столь прославлен, но он нес на себе отсвет деяний великого отца и был живым символом победы. А вот имя Довмонта Псковского приводило в трепет его противников. Родовитый литовец, он бежал с родины от междоусобных распрей и укрылся в Пскове, где принял православие и быстро завоевал уважение местных жителей. В 1266 году они избрали его своим князем и, вверив ему дружину, отправили на войну с Литвой. 18 июня новоявленный князь наголову разгромил бывших соплеменников на Двине. Нежданное возвышение Довмонта вызвало раздражение Ярослава Ярославича, сидевшего тогда в Новгороде: брат Александра Невского не мог терпеть по соседству бывшего язычника и стал собираться в поход, чтобы пояснить строптивым псковичам, кто подходит на роль князя, а кто нет. Но новгородцы тут же осадили надменного Рюриковича: «Другу ли Святой Софии быть неприятелем Пскова?» Авторитет Довмонта был высок и за псковскими стенами, а его боевой опыт необходим в будущей войне.

Столь серьезные военные приготовления Новгорода взволновали соседей. Представители сопредельных государств пытались узнать, против кого двинется эта грозная сила.

Особенно беспокоились ливонцы: их послы, поняв, что Русь задумала новый поход на Раковор, поспешили откреститься от датских рыцарей: «Нам с вами мир, переведывайтесь с датчанами — колыванцами и раковорцами, а мы к ним не пристаем…» Объяснить это можно просто: датчане конкурировали с ливонцами за контроль над Балтийской торговлей: их Таллин-Ревель рос как противник Риги. Но доверия к старым врагам у Господина Великого Новгорода не было. Потому ливонцам предложили закрепить свою клятву священным ритуалом крестоцелования. В орден поехали родовитые бояре, в присутствии которых «бискупы» (епископы) и «божьи дворяне» (рыцари) целовали крест на том, что не окажут помощи датчанам. Россияне двинули полки в Прибалтику, успокоенные и довольные своим дипломатическим успехом.

И как только это произошло, ливонский магистр Отто фон Лаутенберг… тайно отправил послов в датский Везенберг-Раковор. Что заставило магистра нарушить свое слово? Возможно, узнав о сборе мощной коалиции, он рассудил, что, атакуя Везенберг, новгородцы в перспективе нацеливаются на Таллин. То, что приморский город в руках датчан, конечно, плохо, но все же это единоверцы и не слишком могучие; попади приморский город в руки «славянских партнеров», позиции ливонцев значительно ухудшатся.

Поход

Не зная о заговоре, русские по трем разным дорогам продвигались к Раковору. Летописец сообщает нам интересный факт: во время стычки с местной чудью противники дружинников спрятались в неприступной пещере и на любую попытку войти внутрь отвечали градом стрел. Тогда воины с помощью какого-то приспособления затопили неприятельское укрытие и посекли выскочивших наружу. Судя по всему, техническая основа для осады Раковора была подготовлена весьма основательно. А тем временем к реке Кеголе тайно подтягивались большие неприятельские силы. Сюда стекались воины дерптского епископа, бойцы ополчения эстов, рыцари Лаутенберга и датские оборонцы из Везенберга. Источники не посвящают нас в детали магистерского плана. Но очень возможно, что обеспокоенность ливонцев подготовкой похода против датчан изначально была мнимой, усыпляющей бдительность. Внезапное нападение больших немецких сил уничтожило бы отборные войска объединенной Руси и надолго обескровило ее. Завершись февральская схватка на Кеголе безоговорочной победой божьих

дворян, думается, весной они уже показались бы над Волховом и Великой.

Итак, 18 февраля рыцарская армада предстала перед изумленными взорами русских ратников. Но, судя по всему, предательство Лаутенберга не вызвало смятения, на которое, вероятно, рассчитывал магистр. Князья действовали на удивление согласованно, решительно и быстро. Перейдя реку, русское воинство построилось без всякого замешательства: против «великой немецкой свиньи» (рыцарского клина, знаменитого по Ледовому побоищу) стало «чело» из новгородцев, на правом крыле против датчан оказались Довмонт, Дмитрий и Святослав; на левом, против эстонского ополчения, — Михаил, новгородский князь Юрий и брат его Константин.

Новгородцы во главе с посадником Михаилом и тысяцким Кондратием приняли на себя удар страшной силы. Их неистовое сопротивление не давало «железному» полку ливонцев освободить силы и помочь союзным войскам. В ужасной сече рыцарским мечом был зарублен посадник и многие славные мужи Новгорода. И наконец дрогнуло «чело» под напором безжалостного клина… Как вдруг ливонцам во фланг ударили псковичи, переяславцы и суздальцы — это Довмонт и Дмитрий сумели то, что не далось рыцарям, — смяли нападавших датчан и помогли товарищам. И вот уже воины магистра Лаутенберга оказались в капкане. Много крови благочестивых «христиан» смешалось с новгородской кровью на промерзлой эстонской земле в тот день. Пал в бою дерптский епископ. И дальше случилось невероятное: спасаясь, рыцари вынуждены были бежать с поля боя под защиту высоких стен Раковора, спиной чувствуя приближение дружинников Дмитрия Александровича. По словам летописца, погоня (как и бегство) была трудна, ибо всю землю покрывали трупы воинов.

Возвратясь вечером в лагерь, Дмитрий увидел, что свежие немецкие полки разгромили новгородские обозы. Он хотел немедля догнать их. Но другие князья благоразумно предложили ему дождаться утра, чтобы случайно не убить своих в ночном бою. На рассвете же выяснилось, что и эти рыцари отступили в город, вовсе не желая продолжать битву в чистом поле. Настало время осмотреться. При первых лучах солнца стало ясно, что потери русской рати огромны. Согласно ливонским хроникам, они составили 5000 человек против 1350 у рыцарского войска. Простояв три дня на поле битвы, выжившие собрали тела «избиенной братии, честно отдавшей живот свой», и тронулись в обратный путь. Сил на осаду Раковора после невиданного боя уже не осталось. Лишь Довмонт, дружина которого пострадала менее

всего, совершил опустошительный рейд по Ливонии и возвратился в Псков с богатой добычей и большим полоном. «… Пройдя земли непроходимые, пошел на вируян, и завоевал землю их до моря, и Поморье разорил, и возвратился обратно, и пополнил землю свою множеством пленных. И прославилась земля наша во всех странах, и страшились все грозы храбрости великого князя Дмитрия Александровича, и зятя его Довмонта, и мужей их — новгородцев и псковичей».

Эпилог

Современные ученые, сетуя на малоизвестность великой Раковорской битвы, порой ставят ее выше сражения на Неве и Ледового побоища, а некоторые сравнивают даже с Грюнвальдской битвой 1410 года, в которой был разгромлен Тевтонский орден. Думается, в этих суждениях есть доля преувеличений и надуманности. Конечно, по своим масштабам это сражение было очень значительным для русского Средневековья, и доблесть, проявленная русскими в той сече, беспримерна. Но увы: политического итога, в отличие от того же Ледового побоища, за которым последовало заключение мира, Раковорская битва не дала. Вспомним: целью похода русских было обезопасить берега Нарвы, захватив, говоря современным языком, плацдарм датской агрессии. Этого не произошло. И думается, именно поэтому Ливонские хроники на все лады славят… собственную победу при Раковоре (чего в случае с Чудской битвой нет!). Вот что написал хронист Бальтазар фон Рюссов: «…Господин Отто фон Лаутенберг… вел большую войну с русскими; и когда он отправился на поле сражения против неприятеля, то неприятель оказался сильнее и могущественнее, чем предполагалось, и напал он на магистра весьма стремительно. Оба полчища сразились. Но магистр, при помощи Божьей, одержал победу, убил более 5000 русских, а остальных обратил в бегство». А вот версия другого ливонского летописца — Германа Вартберга: «В битве бывшей при Магольмской церкви пал преосвященный епископ Александр с двумя орденскими братьями, а народ, собранный в войско, избил… 5000 русских и обратил остальных в бегство».

Объективно раковорская кампания завершилась «вничью» и имела неизбежное продолжение. Уже спустя год ливонцы, скопив силы, открыто напали на русские города. Угроза продолжала исходить и от датчан. В ответ в Новгороде начала собираться новая коалиция, еще мощнее предыдущей, с целью выступления на Ревель. В 1270 году участвовать в новом походе собрался не

только великий князь Ярослав, но и владимирский баскак татарин Амраган. Это означало, что Орда поддерживает русских и те татаро-монголы, что тридцать лет назад опустошили Русь, вполне могут нанести визит и на рыцарские земли. Угроза была нешуточной, и воинственные соседи новгородцев присмирели. Датчане добровольно отказались от всех притязаний на берега Нарвы, а ливонцы прекратили свои регулярные вторжения в русские пределы. Никоновская летопись описала происходившее так: «князь велики Ярославъ Ярославичь собирати воинства, хотя идти на немцы, и събрася сила многа, и великий баскакъ Володимерский, Иаргаманъ и зять его Айдаръ со многими татарами приидша, и то слыша немцы устрашишася, и вострепетавша прислаша с великим челобитьем и со многи дары послы своя, и добиша челом на всей воле его, и всех издариша, и великаго баскака, и всех князей татарских, и татар, зело бо бояхуся и имени татарского».

А что же магистр Отто фон Лаутенберг? Был ли он наказан за свое раковорское коварство? Да. Отмстить за то предательство судьба привела Довмонту Псковскому. В 1269 году, когда ливонцы вновь пришли на Русь, они подступили к Пскову с войском в 18 тысяч человек. На помощь осажденному городу поспешили союзные новгородцы с князем Юрием. Зная, что подмога близко, Довмонт совершил дерзкую вылазку за городские стены и напал на ничего не подозревавших рыцарей. В этом бою скрестились мечи двух знаменитых воителей своего времени — псковского князя и ливонского магистра. И Лаутенберг вышел из той сечи с раной, нанесенной клинком бойца, который выбрался живым из кровавой раковорской западни.

Друг государства. Фрэнсис Уолсингем (1532–1590)

Палач оказался не умелым. И руки ката дрожали, ибо пред его орудием обнажила гладкую шею не безвестная простолюдинка, а королева. Первый удар пришелся ей в затылок, второй рассек шею и лишь третий добил сорокатрехлетнюю правительницу Шотландии. Мария Стюарт умерла 8 февраля 1587 года в замке Фотерингей как

преступница, замыслившая захватить английский трон. Но даже в Лондоне, где каждый третий был соглядатаем тайной полиции, люди шептались: заговора не было…

Речь, собственно, пойдет не о королеве, которой Иосиф Бродский адресовал двадцать знаменитых сонетов, а о том, кто устроил ей свидание с палачом. Звали этого человека сэр Фрэнсис Уолсингем, и он головой отвечал за государственную безопасность елизаветинской Англии. Отвечал настолько хорошо, что в литературе ему часто приписывают создание профессиональной британской разведки, хотя таковая появилась по воле Генриха VII задолго до его рождения.

До тридцати шести лет этот потомственный юрист, выпускник Кембриджа и Падуи, не сделал ровным счетом ничего выдающегося. Но в 1868 году эсквайр Уолсингем поступил на государственную службу под начало первого министра и куратора разведки Уильяма Сесила, где его познания, ум и преданность англиканской церкви оказались как нельзя кстати. В те годы королева-протестантка Елизавета чувствовала себя пленницей осажденной крепости. Муж ее покойной сестры Марии Тюдор испанский король Филипп II планировал военное вторжение в Британию — «оплот протестантской ереси». Во Франции герцоги Гизы открыто обсуждали убийство королевы, мечтая посадить на английский трон свою креатуру. Папа Римский издал буллу, в которой объявил дочь Анны Болейн «еретичкой» и «лишил ее мнимых прав на королевство». Внутри самой Англии то и дело вспыхивали католические восстания и зрели заговоры. Вот в такой опасной обстановке Уолсингем вступил в ряды охранителей своей государыни, а уже через год получил важнейший пост посла Англии в Париже, по сути, главы всей английской резидентуры во Франции. Вероятно, именно там окончательно и сформировался тот беспощадный, несгибаемый, прагматичный лидер спецслужбы, одно имя которого вызывало трепет противников. Немалую роль в его умонастроениях сыграла ночь на 24 августа 1574 года (Варфоломеевская), когда из окна своего дома Фрэнсис воочию видел, как правоверные католики резали парижских протестантов-гугенотов и измывались над их трупами. В своем отечестве он не допустит такого никогда.

Как Мавр делал свое дело

В 1572 году Уильям Сесил стал лордом-канцлером, а на должность руководителя разведки прозорливо назначил Уолсингема. К тому времени отличать Фрэнсиса начала и

королева: за смуглый цвет кожи она прозвала его Мавром. И новый глава секретной службы не обманул ожиданий высоких покровителей.

За считаные годы Уолсингем в разы увеличил количество своих иностранных агентов: разведчики были внедрены в двенадцать организаций во Франции, в девять — в Германии, в три — в Нидерландах, в четыре — в Испании и в четыре — в Италии. Из портов Испании регулярно поступала информация о маршрутах испанских торговых судов, которую Фрэнсис тут же направлял… английским каперам. Для ослабления противника британская корона не брезговала сотрудничеством с пиратами.

На невидимый фронт Уолсингем привлек экстраординарных людей, выполнявших самые ответственные миссии. Так, драматург Энтони Мэнди, выдавая себя за католика, по заданию Фрэнсиса поступил в Английский колледж в Риме, где готовились папские эмиссары для нелегальной работы в Британии. Окончив его и вернувшись на родину, он сумел выявить множество вражеских шпионов, засланных в Англию, — своих бывших однокашников. Дипломат и разведчик Джером Горсей вывез из Москвы во фляге из-под водки секретные послания Ивана Грозного Елизавете с предложением военного союза и брака. Джон Ди, выдающийся математик, астролог и алхимик, ставший прототипом Просперо из шекспировской «Бури», не только добывал для Уолсингема ценные сведения в Кракове, но также составлял для него гороскопы и делал предсказания. Ди официально предрек, что испанский флот, плывущий к берегам Англии, потерпит неудачу из-за шторма. Считается, что это была идеологическая диверсия с целью помешать вербовке английских и ирландских католиков в войска неприятеля, но, надо признать, отчасти это прорицание сбылось: бóльшая часть судов Великой армады погибла от стихии, а не благодаря успешным действиям британцев. Таковы были агенты Фрэнсиса — под стать ему самому.

Уолсингем впервые в истории организовал так называемую техническую службу во главе с преданным ему полиглотом Томасом Фелиппесом. Она отвечала за дешифровку кодов, подделку документов, подсматривание за подозрительными лицами и их прослушку. Также Фрэнсисом была создана профессиональная разведывательная школа, где учили азам актерского мастерства, способам перемены внешности, незаметной слежке и прочим шпионским премудростям.

Наконец, сэр Фрэнсис был одним из первых руководителей спецслужб, кто задумался о влиянии деятелей искусства на общество. В итоге практически вся творческая интеллигенция

Лондона оказалась… у него на окладе. Первостатейные таланты — Уильям Фаулер, Мэтью Ройстон, упомянутый Энтони Мэнди, один из «кандидатов в Шекспиры» Кристофер Марло, возможно, Бен Джонсон — все они сотрудничали с секретной службой. И само собой, пели хвалу правящей монархине.

Так постепенно обеспечивалась безопасность королевы и ее государства, а ее врагам приходилось идти на чрезвычайные меры. В 1580 году папа, дабы переломить ситуацию в Англии в пользу Рима, объявил, что тот, кто убьет Елизавету, «не повинен в грехе и заслуживает одобрения». Этим он подтолкнул своих сынов на более решительные действия, чем было до того.

Заговор Трокмортона

В 1582 году сэру Фрэнсису доложили о результатах обыска подозрительного человека, связанного с испанским послом доном Мендосой. В его маленьком зеркальце агенты нашли письма, из которых следовало, что против королевы готовится новый масштабный заговор. Правда, имя его руководителя оставалось неизвестным. Однако эту тайну вскоре раскрыл разведчик Генри Фагот. Он устроился сотрудником французского посольства, подкупил там секретаря и выведал, что комплот составлен под руководством англичанина Фрэнсиса Трокмортона. Впрочем, нити заговора тянулись и к дону Мендосе, и за Ла-Манш — к алчным Гизам. Трокмортону удавалось долго держаться, отрицая обвинение, и тогда Уолсингем приказал применить к нему пытки крайней степени, после которых признания были добыты. Рядовых мятежников казнили, а испанскому послу было предложено в «течение 15 суток покинуть британское королевство». Но после этого Уолсингем потерял сон. План переворота не только подразумевал убийство королевы, но и называл имя ее преемницы. Это была католичка Мария Стюарт, двоюродная сестра Елизаветы, у которой юридически были весьма немалые права на английский престол. И Уолсингем в который уже раз сказал себе, что, пока эта женщина жива, заговоры будут продолжаться.

Приглашение на казнь

Мария Стюарт уже четырнадцать лет… жила в Англии, в почетном заключении. Она бежала с родины, из Шотландии от гнева местной знати, который вызвала скорым браком с непопулярным лордом Босуэллом, убийцей ее прежнего супруга лорда Дарнли. Тогда, в критической ситуации, Мария не стала

просить убежища у своих французских родственников — Гизов, а в утлой рыбачьей лодке переплыла на английский берег и вынужденно предалась кузине, с которой ее связывала взаимная нелюбовь. Люди Уолсингема постоянно наблюдали за опасной соперницей королевы, и шансов организовать переворот из крепости Татбери у нее не было. Но само ее существование пьянило голову противникам Елизаветы, а после папского «разрешения» на убийство королевы — оттачивало их решимость покончить с «узурпаторшей». И Фрэнсис Уолсингем решил поставить точку в этой истории. Неожиданно тюремный режим Марии меняется к лучшему — ее переводят в очаровательное местечко Чартли. Иностранным шпионам во главе с посланником Филиппа II Морганом теперь удается передать узнице свои ободряющие письма. Правда, возит их в пивной бочке агент английской разведки, но заговорщикам это неизвестно, и они воодушевлены. Тем временем Уолсингем обращает внимание на мелкопоместного дворянина Энтони Баббингтона, известного благородством и преклонением перед опальной королевой. И вот в доме этого набожного католика, где он и его соседи еженедельно, но безобидно ругают «елизаветинские порядки», появляются ретивые сторонники Марии, подосланные сэром Фрэнсисом. Они стыдят Баббингтона за бездействие и призывают его вызволить «свою государыню из темницы». Через несколько месяцев «обработки» дворяне составляют заговор. Мария Стюарт получает письмо, в котором Баббингтон сообщает, что шестеро преданных ей людей убьют Елизавету, в то время как он с небольшим отрядом освободит ее из тюрьмы. Королева отвечает. Что именно — доподлинно неизвестно. Часть исследователей полагает, что Мария, опасаясь провокации, так и не дала прямого одобрения этим планам. Зная возможности «технической службы» Уолсингема и ее шефа — Фелиппеса, можно предположить, что люди Уолсингема попросту подделали «преступную» фразу: «Пусть тех шестерых дворян пошлют на это дело и позаботятся, чтобы… меня отсюда вызволили… еще до того, как весть о случившемся дойдет до моего стража». И это решает все.

Заговорщики были немедля арестованы и очень быстро казнены. Таким образом, они не смогли выступить свидетелями на процессе Марии Стюарт, которая защищалась отчаянно, но суд и не собирался внимать ее доводам. Уолсингем, безусловно, понимал, что с точки зрения нравственности свершается несправедливость, — может быть, поэтому он не пришел на оглашение смертного приговора, сказавшись больным. Но политическая целесообразность этой смерти была очевидна. И пылкий почитатель Макиавелли сэр Фрэнсис был крепко убежден,

что это важнее мук совести.

Эпилог

Казнь Марии Стюарт сильно ослабила враждебный Елизавете католический лагерь. Комплоты уступили место военным приготовлениям, которые Филипп II уже некоторое время вел, а теперь ускорил. Но и здесь разведка Уолсингема оказалась на высоте. Под влиянием его шпионов генуэзские банкиры отказались выдать испанцам займы на завоевательный поход. Английский агент Джон Гибс успешно дезинформировал неприятеля о глубине Темзы. Разведчик Энтони Станден, завербовав тосканского посла в Мадриде, сумел раздобыть копию отчета о состоянии флота, который подавался испанскому королю. И Великая армада бесславно погибла от бурь и флотоводческого мастерства Фрэнсиса Дрейка, а Уолсингем посчитал задачу своей жизни выполненной. Вскоре он умер. Когда об этом доложили Филиппу II, сказав, что в Англии очень опечалены, король ответил: «Зато нас это не может не радовать». Но радоваться, по сути, было нечему — ведь морями правила уже не Испания, а сильная, могучая, неуязвимая для врагов протестантская Британия, созданная не без участия сэра Уолсингема.

Как убили лорда Дарнли. Генри Стюарт (1545–1567)

10 февраля 1567 года в Керк-о-Филде под Эдинбургом взлетел на воздух мрачный полуразрушенный дом. Прибежавшие на место трагедии люди на шли неподалеку от развалин труп молодого человека, которым оказался король-консорт Шотландии

Генри Стюарт, лорд Дарнли. На шее его виднелись следы удушения: видимо, юноша, заподозрив неладное, покинул здание до взрыва, и убийцы настигли его в саду. Молва немедля приписала это злодеяние жене убитого — королеве Марии Стюарт. Но справедливо ли? Были ли у Марии причины желать смерти супругу? О да! Еще два года назад она мечтала о нем со всей исступленностью женщины, которую мало любили. Ее первый муж, король Франции Франциск II, умер в скором времени после свадьбы. После его кончины свекровь решительно выслала своенравную невестку на родину, казавшуюся Марии мрачной и унылой по сравнению с веселым Парижем. И скука ее прекратилась лишь в тот момент, когда рядом оказался ее кузен лорд Дарнли, красавец девятнадцати лет от роду, так крепко сидевший в седле и так пылко объяснявшийся ей в любви. Приближенные хотели, чтобы она вновь вышла замуж, и она вышла: но не за паладина Елизаветы Английской Роберта Дадли, которого пыталась пропихнуть в короли-консорты проанглийски настроенная знать во главе с братом Марии графом Мореем, а за мужчину, которого любила.

Картонный король

Но Дарнли предал ее. Стоило ему получить королевский титул, как его предупредительность канула в Лету. Этот юноша, все достоинства которого заключались в его смазливости, принялся командовать лордами и министрами, чем восстановил против себя всех, включая жену, на которую осмелился прилюдно кричать. Вскоре послы перестали именовать его «величеством», секретарь королевы Давид Риччо прекратил показывать ему государственные бумаги, а сама супруга при первых признаках беременности отказала ему в исполнении супружеского долга. «Картонный король» (как охарактеризовал Дарнли Стефан Цвейг) остался не у дел и кипел от бессильной злобы. Этим-то и воспользовались враги Марии — радикальные протестанты во главе с графом Мортоном.

В ту эпоху Европу раздирали религиозные конфликты между католиками и протестантами. Мария в этом смысле вела очень осторожную политику: она утвердила протестантизм в качестве официальной религии Шотландии, но сама осталась католичкой и не запретила католические богослужения при дворе. Фанатиков из противоположного лагеря это приводило в негодование. Заручившись поддержкой недалекого Дарнли, они жестоко убили друга и секретаря королевы итальянца-католика Давида Риччо. Генрих мстительно пожелал, чтобы ужасное злодеяние

свершилось на глазах беременной жены. Но когда его подельники, хватая несчастного Риччо, сослались на короля-консорта, тот лишь промямлил что-то невразумительное… И Мария, истерично выкрикивая мужу в лицо проклятья, поклялась отомстить ему.

Персона нон грата

На следующий день она перехитрила Генри. Притворилась слабой и покорной. А потом с помощью верных друзей пленила убийц Риччо, а трусливого Дарнли заставила официально заявить о своей непричастности к заговору. Так ее супруг оказался в роли двойного предателя. Дарнли стал настолько отвратителен королеве, что она удалилась в замок Аллоа, где предалась праздным развлечениям. Однажды муж попытался нанести ей визит, но короля-консорта даже не пустили на порог. В то время Мария вновь влюбилась. Ее новым избранником стал Джеймс Хепберн, граф Босуэлл. Некрасивый, но бесстрашный и сильный, он резко контрастировал с ее ничтожным мужем. Дарнли, повсеместно ставший персоной нон грата, сначала решил уехать в Англию, потом (под давлением Марии, пытавшейся избежать скандала) скрылся в Глазго у своего отца графа Леннокса.

Но когда Дарнли заболел оспой, Мария неожиданно появилась в его доме: узнав о его болезни, она приехала предложить ему примирение. Королева легко уговорила супруга вернуться в Эдинбург: там его место короля-консорта и к тому же там ему обеспечат лучший уход. В предместье столицы Крек-о-Филде для мужа королевы был подготовлен старый дом, где Генри должен был пожить некоторое время. В этом особняке 10 февраля и прогремел взрыв, а спустя несколько минут кто-то задушил пытавшегося бежать лорда Дарнли.

Очевидное…

В политическом смысле слабовольный Дарнли был уже абсолютно не опасен Марии. Месть — пожалуй, но она уже вдоволь насладилась и ею.

Генри Стюарт был опозорен и выставлен на посмешище. Скорее, дело в другом: постылый муж банально препятствовал осуществлению ее женского счастья, а развестись она не могла: тогда ее сын от Генри Яков был бы признан бастардом и лишился бы прав на королевский трон. Не случайно же всего через две недели после смерти мужа королева вышла замуж в третий раз — за Босуэлла.

Джеймс Хепберн — другой претендент на роль убийцы Дарнли. Неизвестно, насколько сильно любил он королеву, хотя, бесспорно, был ей предан. Но бесспорно и то, что амбициозный аристократ мечтал о короне, которая красовалась на голове глупца и негодяя. Подчинив влюбленную Марию своей могучей воле, Босуэлл, вполне вероятно, вынудил ее заманить доверчивого мужа в ловушку.

И вероятное…

Это первое, что приходит на ум. Мотивы, очевидные для нас, были очевидны и для современников Марии Стюарт.

И сразу возникает вопрос: а не было ли других лиц, которые хотели бы бросить тень на королеву и ее фаворита? Такие лица были. В первую очередь единокровный брат королевы Джеймс Стюарт, граф Морей — незаконный сын короля Иакова V, искренний сторонник сближения с Англией, еще в молодости принявший протестантизм. В первые годы правления Марии Морей пользовался доверием сестры, однако между ними встал… Дарнли. Джеймс Стюарт уговаривал Марию взять в мужья предложенного Елизаветой Роберта Дадли, а когда понял, что увещевания бесполезны, поднял против Марии мятеж, но проиграл и вынужден был бежать в Англию. На родину Морей вернулся после убийства Риччо: Мария простила брата, его авторитет нужен был ей, чтобы найти общий язык с шотландскими протестантами… Но место, которое Морей прочил себе, вдруг занял граф Босуэлл…

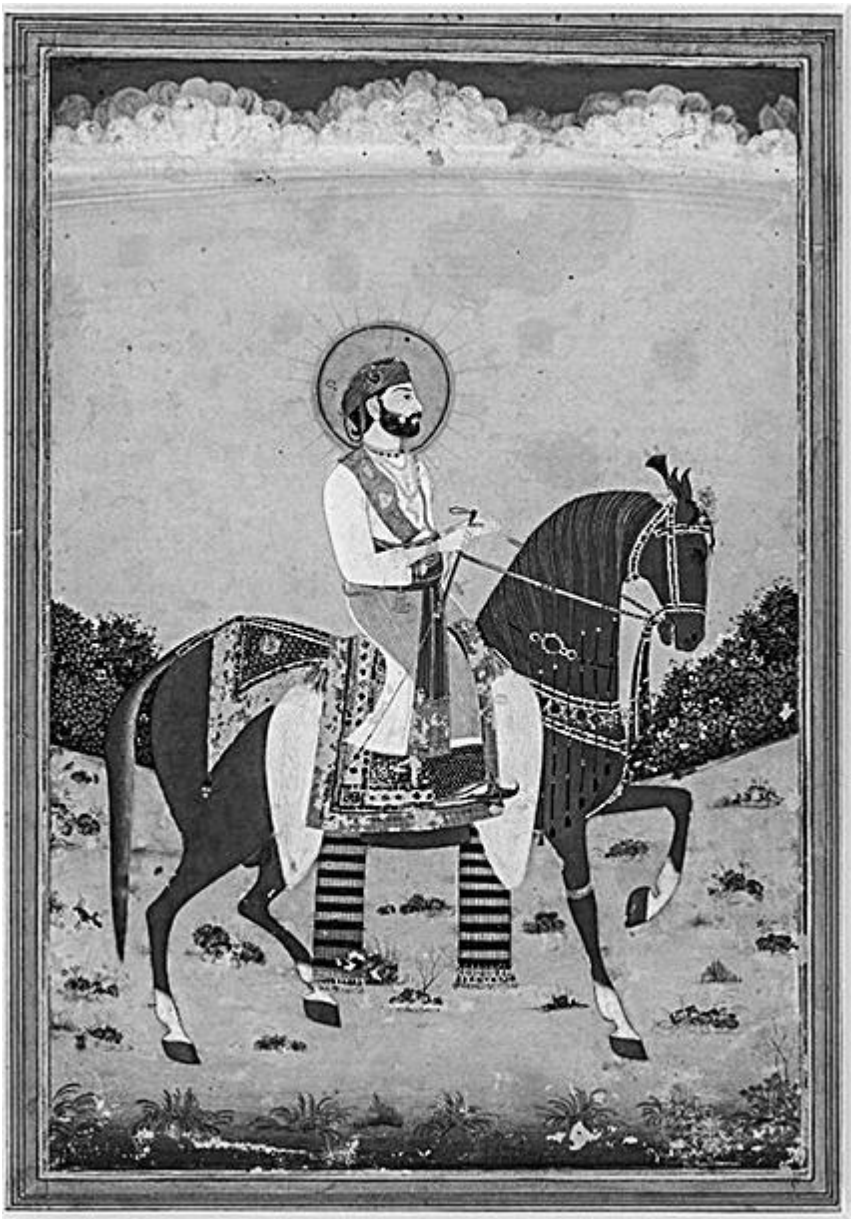
Добросовестный биограф Марии Стефан Цвейг назвал Джеймса Стюарта «великим дипломатом и тактиком». Не направлялись ли последующие события его умелой рукой? После брака Марии и ее фаворита против королевы восстало все шотландское дворянство, а популярность правительницы в народе упала до нуля (чернь наградила ее титулом «королевы-шлюхи»). 24 июня 1567 года мятежные бароны вынудили ее отречься в пользу годовалого Иакова, а регентом при малолетнем короле стал именно Морей. Впоследствии коварный граф возглавил силы, выступившие против войск непокорной королевы, и разбил противника в битве при Лангсайде… Впереди у Марии было изгнание, а у Морея — власть и почести, воздаваемые регенту.

К слову сказать, со своими обязанностями новоявленный правитель Шотландии справился довольно успешно. Ему удалось на некоторое время затушить пожар междоусобной войны, за что в народе Морей получил прозвище «Доброго регента». Однако судьба выкинула очередной кульбит, и жизнь хитрого политика в

1570 году прервал удар кинжала, нанесенный сторонником опальной королевы… Быть может, так судьба отомстила ему за умело срежиссированное убийство лорда Дарнли? Кто знает…

Но если следовать принципу древних и искать, кому это выгодно, то имя графа Морея должно стоять в списке подозреваемых одним из первых…

Махараджа с четвертью. Джай Сингх (1688–1743)



Европеец эпохи хай-тек сочтет штат Раджастхан землей «в жанре фэнтези»: в причудливом течении местной жизни видятся мотивы саги о Конане Роберта Говарда и «Трудно

быть богом» братьев Стругацких. Здесь веселятся на зловещем празднике в честь кобр, венчаются ночью под чтение мантр и чтут эпических героев вроде основателя Джайпура Саваи Джай Сингха. Традиционное общество живет в размеренном ритме и вовсе не собирается капитулировать перед глобализацией…

До 1949 года эта местность называлась Раджпутаной — «Землей потомков князей», когда-то здесь располагалось около двадцати индийских феодальных княжеств. Однако современные жители штата вовсе не кичатся этим историческим фактом. Им куда приятней увязывать прошлое своей родины с такими понятиями, как воинская слава, героизм, мужество. Начиная с VII века, когда в Индостан впервые вторглись воинственные мусульмане, и практически до колонизации его Англией в XIX веке жители Раджастхана вели ожесточенную борьбу против иноверцев-захватчиков под знаменем индуизма. Их невиданная доблесть устрашала, но вместе с тем и восхищала противников: к примеру, Абду-ур-Рахим, поэт и военачальник легендарного падишаха династии Великих Моголов Акбара, даже воспел в стихах подвиг меварского князя Раны Пратап Сингха, который почетному миру с врагами предпочел побег в джунгли и партизанскую войну. У входа в Дели моголы установили памятник двум храбрым братьям-раджпутам, до конца защищавшим осаждаемый город. Но, вероятно, наибольшее психологическое воздействие на агрессоров оказывало не раз ими виденное исполнение обряда джаухар («сокровище»): массовое самосожжение раджпутских женщин, не желавших сдаваться на милость победителю. Так, например, произошло в 1303 году, когда делийский султан Алауддин Хильджи возжелал жену меварского князя и, захватив его в плен, поставил условием освобождения появление красавицы-раджпутки в султанском гареме. Правда, меварцы, совершив неожиданный набег, отбили своего правителя, но это только разъярило их врага, направившего свои войска к крепости Читтор (или Читторгарх), где укрылись беглец и его супруга с горсткой преданных бойцов. Видя, что поражение неминуемо, князь Мевара вывел своих подданных на самоубийственную битву, а женщины и дети предали себя огню.

Война для раджпутов была синонимом слова «жизнь». Мальчики с раннего детства готовились к будущим битвам: их обучение включало верховую езду, метание копья — обычно его запускали в буйвола или кучу глины, стрельбу из лука, игру в шахматы для развития стратегического мышления и многое

другое.

Впрочем, был в истории Раджпутаны и Индии в целом недолгий период, когда на местных землях воцарилось относительное спокойствие. В конце XVI века Акбар, глава империи Великих Моголов, провозглашенной в 1526 году тюрком Бабуром, решил отойти от военных методов и пустить в ход дипломатию.

Акбар взял дальновидный курс на политическое равноправие народов империи. В первую очередь он отменил джизию — подушную подать с иноверцев, которая взималась со всех немусульман. Одарив мятежных подданных рядом привилегий, он был благосклонен ко многим местным правителям и, более того, начал поощрять браки мусульман с индуистами. К примеру, его родственница стала женой весьма влиятельного раджпутского князя Ман Сингха. Мудрая политика Акбара привела к тому, что в 1615 году его сын Джахангир добился официального подчинения Раджпутаны власти Великих Моголов. Впрочем, мир длился недолго. Наследники Акбара начали отступать от его принципов, да и взаимная ненависть религиозных противников была настолько непримиримой, что пламя вражды разгоралось от малейшей искры недоверия. Не раз еще воинственные раджпуты вступали в кровопролитные схватки с гордыми тюрками и с соседями-маратхами, как позже с новыми колонизаторами из Британии. Гуляя по скромным городам или селам современного Раджастхана, вслушайтесь в их многозначительную тишину: а вдруг сквозь толщу лет на миг донесется из прошлого скрежещущий лязг сабель или терпкий запах пожарищ, напоминающий о тех суровых временах.

Герой мира

И все же Раджпутана жила не только войной, но и миром. Именно здесь сложилась личность одного из самых харизматичных и светлых индийских героев Нового времени — махарана (именно так в Раджпутане называли махараджей) Джай Сингха, политика, ученого и философа, князя государства Амбер и основателя города Джайпур, нынешней столицы Раджастхана. Впрочем, он мог бы войти в историю благодаря одному-единственному диалогу с всесильным императором Аурангзебом, в котором выказал ум и такт, ожидаемые от искушенного дипломата, но никак не от тринадцатилетнего мальчика.

В 1699 году юный Джай Сингх взошел на трон безвременно ушедшего отца. Государственный протокол предписывал ему покинуть родные стены и направиться в Дели, дабы

представиться и засвидетельствовать свое почтение государю. Думается, Джай Сингх направлялся в столицу не без внутреннего трепета, ибо, с точки зрения императора, его предки были опасными бунтарями, так что ждать от Аурангзеба милости не приходилось. Опасения (если они были) оправдались. Едва в зале дворца для приемов прозвучало имя Джай Сингха, как правитель, сойдя с трона, сам подскочил к нему и грозно схватил за плечи. «Твой отец и дед были предателями. Скажи, как можешь ты ждать от меня какой-либо милости?» — промолвил он. Глаза его полыхали гневом. Но молодой махарана, казалось, совсем не испугался и спокойно ответил: «Во время свадебной церемонии жених держит одну руку невесты в своей руке и дает обещание заботиться о ней всю свою жизнь. Император держал меня обеими руками. О чем я могу еще просить, чего еще могу я желать?» Придворные замерли, в ужасе ожидая, что ответит Аурангзеб на такую дерзость. Тот же усмехнулся и от пустил юного остряка. «А ты мудрее, чем твои предшественники, — сказал он. — И даже, пожалуй, мудрее, чем многие другие люди. Отныне прибавь к своему имени титул саваи. Пусть все знают, что думает о тебе император Аурангзеб». «Саваи» на языке хинди означает «с четвертью». Так Джай Сингх стал «махараджей с четвертью». то есть на четверть «выше» и «лучше» всех прочих. Надо сказать, что этот эпизод заложил основы для взаимопонимания и сотрудничества императора и неординарного вассала. Многие из последующих славных деяний Джай Сингха были совершены с ведома и при поддержке Аурангзеба и его наследников.

Чем-то Саваи, этот замечательный персонаж индийской истории, напоминает своего современника — русского царя Петра I. Конечно, его преобразования не были столь масштабными, он не прославился как полководец и, пожалуй, обладал куда более мягкой душой, чем «архитектор Российской империи». И все же в глубоком понимании новаций, уважении к науке, стремлении собрать вокруг себя как можно больше специалистов вне зависимости от их национальности и вероисповедания просматривается определенное сходство двух государей. Знаток математики, страстный любитель астрономии, Джай Сингх задумал и воплотил в жизнь фантастический для Индии тех лет план: построил пять обсерваторий — в Джайпуре, Дели, Бенаресе, Удджайне и Матхуре. Джайпурская обсерватория впоследствии была внесена в Книгу рекордов Гиннесса как обладательница самых больших в мире солнечных часов и уникальных астрономических инструментов.

Другая позиция, сближающая Джай Сингха с Петром Алексеевичем, — возведение новой столицы. В 1727 году

махарана решает покинуть Амбер и отдает приказ в течение нескольких лет возвести для себя новую резиденцию Джайпур («Город победы»). С одной стороны, автором ее проекта считается архитектор Видьядхар Бхаттачария, но из других источников известно, что и сам Саваи приложил руку к плану будущего города. Как и Петербург, Джайпур должна была отличать регулярная планировка. Так на бумаге появился огромный прямоугольник, разбитый на кварталы, с тремя основными магистралями, которые, всегда под прямым углом, пересекают множество улочек. Идею воплотили в жизнь практически точно по плану. Современников Джайпур удивлял разнообразными оригинальными нововведениями, придуманными под руководством Сингха: к примеру, поразительно широкими для Индии улицами в 35–37 метров и впервые появившимися в стране тротуарами. Существует современная легенда о том, что к приезду английского принца Альберта (впоследствии короля Эдуарда VII) в конце XIX века джайпурские здания были спешно перекрашены в розовый цвет — традиционный цвет гостеприимства в Индии. В реальности же «розовым городом» Джайпур стал из-за того, что создавался из розового песчаника, — и в этом еще одно градостроительное ноу-хау великого «махараджи с четвертью».

Динамичный музей

Оказавшись в Раджастхане, не ограничивайте себя осмотром объектов, указанных в туристических буклетах. Наблюдайте за людьми — раджастханцы, усердные хранители традиций, сами по себе являются живыми достопримечательностями. Их поведение и быт — уникальный динамичный этнографический музей, за вход в который не надо платить ровным счетом ничего. Если вы вдруг услышите со всех сторон барабанный бой, вполне вероятно, что в одном из близлежащих домов родился мальчик, — таким образом соседи выражают радость по поводу рождения сына у своих знакомых. Увы, появление на свет девочки с местной точки зрения такой громкой реакции не заслуживает. Если повезет, вы можете стать свидетелем развода в мусульманской семье: чтобы расстаться с супругой исповедующему ислам мужу, как и много лет назад, достаточно лишь трижды прилюдно отказаться от жены — и никаких утомительных формальностей. У индуистов этот процесс протекает куда сложнее, а в некоторых кастах развод вообще запрещен. Еще вам никогда не доведется увидеть, чтобы кто-то из местных жителей не то что оскорбил беременную женщину, но даже подошел к ней с унылым, кислым лицом.

Строгие каноны поведения предписывают всем широко улыбаться будущей роженице и говорить ей комплименты.

Если вас пригласят на какой-либо праздник, ни в коем случае не отказывайтесь: это верный шанс понять душу местного народа. К примеру, свадьба в Раджастхане — пронзительно прекрасный ритуал, хотя гораздо более долгий и хлопотный, чем в России. Если все делается по классической схеме, то пара молодоженов определяется… их родителями, причем до того, как будущим супругам исполнится семь лет. В этом им помогают близкий к семье брахман и сваты. В случае если претенденты устраивают обе семьи, родители жениха посылают первые непритязательные дары: немного денег, набедренную повязку и кокосовый орех.

А вот родители невесты, если они принадлежат к высшим или средним кастам, обязаны озаботиться приданым. Бывали случаи, когда семья мужа, не получив обещанного, отрекалась от новоявленной жены прямо за праздничным столом, обрекая ее на несмываемый позор. Поэтому нет большего ужаса для раджастханской невесты, чем отсутствие приданого.

Все аборигены обожают свадебные празднества. По еще одной давней традиции, каждому, кто получил официальное приглашение на церемонию бракосочетания, на работе предоставляют десять дней отдыха. А красота венчального ритуала такова, что приводит в восхищение всех гостей церемонии. Происходит он ночью. Перед разведенным огнем стоят жених и невеста, а рядом — брахманы, поющие мантры и льющие в огонь топленое масло. По их указаниям пара несколько раз обходит вокруг священного огня, после чего церемония заканчивается и начинаются многодневные и шумные торжества.

Поприсутствовать на одном из народных праздников Раджастхана — редкая удача. Лично мне среди всех прочих оказался наиболее интересен таинственный Нагпанчми, который выпадает на конец августа — начало сентября. Нагом (вспомним знакомую с детства сказку Киплинга о Рикки-Тикки-Тави) в Индии называют змею, которая считается здесь страшным, но священным животным, приближенным к богу Шиве (согласно религиозным канонам, змеи обвивают его тело), и к тому же символом плодородия. В день Нагпанчми раджастханцы покрывают настенные изображения кобр, которые есть в каждом населенном пункте, красным порошком — атавизм, восходящий к кровавым жертвоприношениям змеям. Люди приносят к змеиным норам тарелочки с молоком и молятся за тех, кто погиб от укуса Нага. А еще в день праздника по городам и весям Раджастхана бродят знаменитые заклинатели змей с деревянными дудочками, игрой на которых они заставляют зловещих созданий извиваться

и двигаться так, словно те заправские танцовщицы из «Мулен Руж». А ты стоишь в стороне и думаешь: «Да, это действительно мир фэнтези».

Я тебя никогда не забуду… Япония. Николай Резанов (1764–1807 гг.). Василий Головнин(1776–1831 гг.)

До того как командор Николай Резанов оказался в Сан-Франциско и пленил сердце юной Кончиты де Аргуэльо, он побывал в Японии. И там ничье сердце пленить ему не удалось. Дипломатическая миссия, возложенная на него императором Александром I, была провалена полностью и безоговорочно.

Данный очерк отчасти является приквелом легендарной рок-оперы Алексея Рыбникова «Юнона и Авось».

Этот эпизод, как и многие другие, отражающие контакты русского и японского народов, находится за рамками 150 лет официальных дипломатических отношений между двумя государствами. Однако мы не должны забывать, что успеху адмирала Путятина, подписавшего с японским правительством трактат о торговле и границах в 1855 году, предшествовал полуторавековой период попыток империи Романовых растопить лед недоверия, которое ее восточный сосед питал к европейским государствам. В истории тех лет сплелись примеры грубого политического дилетантизма и удивительной прозорливости, непомерного тщеславия и абсолютного самоотвержения, готовности предать соотечественника и пожертвовать всем ради незнакомого иноземца. Вспомним, как это было.

Если бы не революция…

В России столь многое начинается с Петра Великого, что вряд ли кто-то удивится, узнав: именно этот русский император первым задумался о налаживании контактов с Японией. В 1705 году он пригласил в Санкт-Петербург японца Дэмбея, потерпевшего кораблекрушение у берегов Камчатки. Дэмбей, осыпанный милостями, заинтересовал государя подробными рассказами о покинутой родине. Рассчитывая завязать с Японией торговые отношения, Петр основал школу японского языка, единственным преподавателем которой стал его любезный гость. Таким образом, изучение японской филологии на берегах Невы насчитывает вот уже триста лет.

Однако при жизни основателя Петербурга отправить в Японию посольство не успели, а его преемникам эта задача не казалась настолько важной. К замыслам Петра вернулась лишь

Екатерина II, которая в 1872 году благосклонно приняла еще одного кораблекрушенца — купца Дайкокуя Кодаю. По приказу иркутского губернатора к берегам Японии отправилась дипломатическая миссия под руководством Адама Лаксмана, которая должна была возвратить неудачливого торговца на отчие земли и, главное, повести переговоры о дружбе.

Япония, страшившаяся подчинения могущественным иноземцам, вот уже несколько веков изолировалась от Европы. Впрочем, эта политика предусматривала одно серьезное исключение. Монополию на торговлю со Страной восходящего солнца захватила Голландия, в военном отношении для японцев не опасная и готовая ревниво оберегать свое исключительное положение с помощью изощренных политических интриг. Миролюбивое посольство Лаксмана голландцы изобразили перед японским правительством как разведывательный визит хищного соседа, уже готовящего свои войска к завоевательному походу. В условиях недоверия русские посланники все же сумели добиться определенных положительных результатов. Ими было получено разрешение на посещение порта Нагасаки одним российским судном для переговоров о торговле. Однако Великая Французская революция переключила все внимание Екатерины II на дела неспокойной Европы, и развития русско-японские связи в ее правление не получили.

Командор на сцене

В «дней Александровых прекрасное начало» Япония вновь привлекла взоры России. Молодой энергичный император Александр I одобрял идеи своих просвещенных подданных об организации первого российского кругосветного плавания. Весьма важное с научной точки зрения, оно имело свою политическую и экономическую подоплеку. Главными задачами путешествия царь назвал инспектирование Русской Америки и установление торговых сношений с Японией. Именно в этот момент «на сцене» появляется человек-легенда — командор Николай Петрович Резанов, прославленный герой оперы «Юнона и Авось».

К 1803 году Резанов — уже весомая фигура на политическом олимпе России. Блестяще образованный, свободно владеющий пятью европейскими языками, сказочно богатый да еще красивый настолько, что последний фаворит Екатерины Платон Зубов в свое время спешно удалил его с глаз любвеобильной императрицы аж в Иркутск, Николай Петрович выгодно выделялся среди столичной элиты. Женитьба на дочери

основателя первых русских поселений в Америке Григория Шелихова принесла ему баснословный капитал, позволила стать крупнейшим акционером Русско-Американской компании и ее уполномоченным корреспондентом в Санкт-Петербурге. Будучи успешным предпринимателем, Резанов состоял и на государственной службе в Правительствующем сенате, где проявил себя талантливым администратором. К нему благоволили министр коммерции Н. П. Румянцев и министр юстиции Г. Р. Державин. Казалось бы, по совокупности достоинств он весьма подходил на роль руководителя задуманного посольства. Император возвел Николая Петровича в звание камергера и назначил главой миссии, имеющим статус полномочного посланника России в Японии (эту честь Резанов принял первым, ибо Лаксман формально был послан не государыней, а властями Иркутска). Необходимо, однако, развеять легенду о Резанове как об ультраромантическом герое. О реальном Николае Петровиче, по сути, верно сказал путешественник В. М. Головнин: «Г. Резанов… был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания». А к этому стоит прибавить, что командор отличался последовательным прагматизмом и немалыми амбициями. Увы, в путешествии к берегам Японии проявились не только лучшие, но и худшие его качества.

Как поссорились Иван Федорович с Николаем Петровичем

Как известно, для кругосветного плавания в Англии были закуплены два шлюпа — «Нева» и «Надежда», первый из которых оснащался на средства РАК, а второй взяла на содержание казна. Общее командование морской частью экспедиции поручили капитан-лейтенанту Ивану Федоровичу Крузенштерну, опытному мореходу и любимцу матросов, который несколько лет назад (как, впрочем, и Резанов) вносил в правительство проект такого путешествия. В его подчинении находился шкипер «Невы» Юрий Федорович Лисянский. Первоначальные императорские инструкции не проводили четкой границы между полномочиями Резанова и Крузенштерна. Лишь незадолго до отплытия камергеру была келейно вручена царская бумага, удостоверяющая его полное первенство в руководстве предприятием. Однако по каким-то причинам Резанов официально не представился и вообще ничего не сказал об этом ни морякам, ни включенным в

экспедицию ученым, ни членам дипломатической миссии. Добавим к этому, что такое назначение юридически противоречило Морскому уставу Петра I, согласно которому вся полнота власти на корабле (вплоть до заключения браков!) принадлежит капитану. «Крузенштерн был признан всей Европой как зачинатель всей этой экспедиции и ее предводитель, — писал участник экспедиции лейтенант Е. Е. Левенштерн, — он оставил свою жену и ребенка и счастливую жизнь ради славы, чтобы создать себе имя и быть полезным своей семье. <…> И мы покинули Россию в твердом убеждении, что Резанов находится у нас на борту в качестве пассажира». О том же свидетельствует, например, ученый-натуралист Г. И. Лангсдорф, присоединившийся к экспедиции в Копенгагене: «…Я так искренне упрашивал камергера Резанова, который отправлялся с экспедицией в качестве посла в Японию, принять меня участником рейса, что наконец, поскольку мое ходатайство было поддержано превосходным капитаном фон Крузенштерном, собственно руководителем экспедиции, я имел счастье обнаружить, что мне эта честь предоставлена».

Однако со временем Резанов стал заявлять свои права на главенствующую роль. Более того, его замыслы и распоряжения начали вступать в очевидное противоречие с интересами команды. Так, у него появилась идея оставить «Надежду» на Камчатке, в распоряжении руководителя российских колоний в Америке, а всех офицеров и матросов (за исключением двух) списать на берег. Что такое добираться своим ходом от Петропавловска до Петербурга, моряки хорошо понимали, и эта перспектива их отнюдь не радовала.

На острове Нукагива наступила кульминация конфликта. Крузенштерн ввиду истощения запасов продовольствия запретил членам экспедиции вести торг с аборигенами и менять ценившееся ими железо на безделушки. Резанов, имея поручение от государя собрать коллекцию артефактов для Академии наук, приказ проигнорировал. Эти действия, квалифицированные Крузенштерном как самоуправство, были пресечены. В ответ посол обвинил капитана в ребячестве, причем сделал это на шканцах — в месте, особо почитаемом моряками.

Крузенштерн вспылил. «…Капитан ездил на “Неву” и вскоре возвратился, крича: “Вот я его проучу”, — описывал дальнейшие события Резанов. — Спустя несколько времени прибыли с “Невы” капитан-лейтенант Лисянский и мичман Берг, созвали экипаж, объявили, что я самозванец, и многие делали мне оскорбления, которые при изнуренных уже силах моих повергли меня без чувств. Вдруг положено вытащить меня на шканцы к суду».

Дипломат был обвинен в самозванстве и перед лицом всей команды принужден (на десятый месяц плавания!) публично продемонстрировать бумагу, дававшую ему руководящие полномочия. Увидев царскую подпись, капитаны и матросы сдержались, но ненависть их к надменному баричу никуда не делась. Еще более усилилась она, когда по прибытии в Петропавловск Резанов попытался объявить Ивана Федоровича бунтовщиком и заковать его в кандалы. Лишь разумное вмешательство петропавловского губернатора П. И. Кошелева, казалось, примирило двух антиподов.

Вернувшись на корабль, капитан и посланник продолжали общение исключительно через переписку. Резанов заперся в своей каюте и не покидал ее до того, как корабли подошли к Нагасакской гавани. К этому времени Николай Петрович уже не был тем сиятельным вельможей, который покидал Петербург. Ныне он представлял собой усталого, одинокого, изнуренного и морально, и физически человека. Увы, ему не хватило дипломатической гибкости, чтобы урегулировать конфликт с соотечественниками. Уже одно это заставляет задуматься о том, правильно ли император выбрал посланника для важнейших переговоров с Японией.

Япония и авось

Дипломатическая задача, стоявшая перед Николаем Петровичем Резановым, была очень тяжела. Обстоятельства вынуждали его оперативно вникать в особенности неизвестной чужеземной культуры, и надо отдать ему должное: он пытался это делать. Во время путешествия Резанов начал изучать японский язык и достиг в этом определенных успехов, позволивших ему даже составить русско-японский словарь. Крузенштерну он выдал весьма разумную инструкцию, суть которой выражена в следующей фразе: «Скромным и снисходительным обращением можно снискать ласку и любовь сего народа, и в такое самое время сие произведет в умах японцев приличное о достоинстве Российской империи впечатление».

Первая встреча с важными чиновниками из Нагасаки произошла на борту «Надежды». Резанов в торжественной обстановке пообещал им соблюдать все традиции Страны восходящего солнца, но — с оговоркой: если они не будут предосудительны для величия России. Критерии предосудительности Николай Петрович определял как европеец и потому был весьма удивлен унизительным раболепием голландцев по отношению к японцам. В отличие от них русский

посланник взял гордый тон и начал добиваться протокольных уступок. Так, например, он отказался выйти на встречу с уполномоченными губернатора, заявив его посланникам: «Сделать это я не могу, ибо так велико мое звание, что если бы и самому губернатору решился я оказать такую честь, то только из единого уважения моего к нему, как уполномоченному высшей власти». По поводу многочисленных поклонов и приседаний, издревле выражавших почтение в Японии, посланник сказал так: «Я слишком почитаю японскую нацию, чтобы дружбу и работу с ней начинать с безделиц. А обычаи ваши нисколько для меня не удивительны. Но они у нас другие, и притом они также непоколебимо сохраняются». Резанов был столь упорен в отстаивании европейских взглядов на церемониал, что, кажется, порою противоречил собственным суждениям о «скромном и снисходительном обращении». «Вряд ли Резанов поедет в Йедо, уж слишком абсурдны его претензии, и в своей запальчивости он ведет себя очень неуважительно по отношению к гордым японцам», — записал в судовом журнале Крузенштерн (впрочем, его легко заподозрить в пристрастности).

Местные власти уважили некоторые требования Резанова. Сначала ему по болезни предоставили возможность гулять на берегу (правда, в специальном месте), а затем соорудили павильон для проживания. Однако когда посол вошел в свое жилище, на дверь тут же повесили замок, заключив Николая Петровича в почетный, но все-таки плен. Более полугода Резанов безуспешно пытался склонить японцев хотя бы принять щедрые дары своего государя. Ответ японского императора, привезенный из Эдо, был, однако, категоричен: «Могущественный государь посылает <…> посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властитель японский должен был бы, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует формальное запрещение жителям и судам оставлять Японию. С другой стороны, Япония не так богата, чтобы ответить равноценными подарками. Таким образом, властитель японский не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков. Япония не имеет больших потребностей, и поэтому иностранные произведения не могут быть ей полезны; излишняя же роскошь не должна быть поощряема…» Помимо этого, император дезавуировал разрешение, выданное Лаксману. В конце концов, измученный и взбешенный, Резанов покинул Нагасаки ни с чем.

Возлагать на Николая Петровича всю вину за провал этого первого официального российского посольства в Японию, разумеется, нельзя, хотя в каких-то аспектах он, возможно, и не

проявил исключительных дипломатических дарований. При планировании миссии оказался мало востребован опыт Лаксмана: в первую очередь потому, что Голландия вновь смогла беспрепятственно интриговать против России, угощая японские власти различными небылицами. Но и без Нидерландов Япония в то время занимала жесткую изоляционную позицию, изменить которую одним посещением вряд ли было возможно. Историческая ошибка Резанова заключается в другом.

Японская неудача не давала ему покоя. И вот в 1806 году он самочинно отдает приказ лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову, командующим знаменитыми кораблями «Юнона» и «Авось», уничтожить японские поселки на островах Итуруп и Сахалин. Цель — демонстрация силы, способной принудить Японию к торговле с Россией. «Находясь в Петропавловском порту <…> Резанов за столом сказал, что русская честь требует, чтоб отомстить варварам, — сообщает со слов очевидцев Ф. Ф. Булгарин. — В числе гостей были Хвостов и Давыдов. Дайте только позволение, возразил Хвостов, а я заставлю японцев раскаяться! В порыве гнева Резанов написал несколько строк, в виде позволения, и отдал Хвостову, который немедленно отправился с другом своим Давыдовым на свой бриг и велел собираться к походу». Исполнение этого приказа было жестоким. Убийства и грабежи, совершенные посланцами Резанова, вызвали возмущение царя, который отправил двух «героев» на тяжелую войну в Финляндию — смывать вину кровью. Однако главную ответственность за акцию несет сам командор Резанов. Ее последствия были губительны для японо-русских отношений на протяжении еще полувека. Известный русский путешественник Василий Михайлович Головнин прочувствовал это на себе.

Японский пленник

В 1811 году Головнин на шлюпе «Диана» вел гидрографические исследования северной части Тихого океана. Недостаток дров и продовольствия за ставил его с частью команды высадиться на острове Кунашир. Местные жители любезно встретили капитана и пригласили в крепость для переговоров.

Начальник крепости Насасэ Саэмон был поначалу корректен, но когда русские, не получив желаемого, вознамерились уйти, заговорил гневно и сурово, часто упоминая «Резаното» (Резанова) и «Никол Сандреча» (Николая Александровича Хвостова). Его слова побледневший переводчик из курильцев перевел одной фразой: «Если я выпущу кого-нибудь из русских, мне самому

распорют брюхо». «Мы в ту же секунду бросились бежать из крепости, а японцы с чрезвычайным криком вскочили со своих мест… бросали нам под ноги весла и поленья…» — писал в своих записках Головнин. Все моряки, сошедшие на кунаширский берег, попали в японский плен. Видя это, оставшийся на «Диане» капитан-лейтенант Петр Иванович Рикорд сделал попытку вызволить товарищей, но по кораблю тут же был открыт пушечный огонь. Шлюп пришлось отвести на безопасное расстояние.

Головнин и другие матросы подозревались в шпионаже. Японцы совершенно серьезно ожидали нападения России и в качестве несомненного доказательства ее агрессивных планов продемонстрировали пленникам документ, объявляющий Сахалин русскими владениями. Подлинная бумага была подписана… Хвостовым, но в Японии не могли поверить, что офицер русской армии мог сделать такое серьезное международное заявление без указа царя. На допросах наших моряков много и сумбурно расспрашивали о родине. Японцев интересовало все: какое платье носит император, какие птицы водятся в окрестностях столицы, какую пищу едят русские… Услышав, что императорский дворец в России не окружен пушками, они подивились монаршей беспечности, отсутствие единого «стандарта» в прическах сочли глупостью. Но следует отметить: как ни тяжела была жизнь пленников, они понимали, что попали не к варварам, каковыми почитал японцев Резанов, — по их делу было учинено самое внимательное следствие. И это оставляло надежду на лучший исход.

Тем временем Рикорд продолжал попытки спасти Головнина. Заручившись письмом иркутского губернатора Н. И. Трескина, в котором осуждались действия Хвостова, он вновь отправился к Кунаширу. Из отрывочных сведений, доходивших до него, следовало, что все его товарищи мертвы. В отчаянии Рикорд приказал задержать японское судно «Кансэ-Мару» и привести его капитана на борт «Дианы». Так произошла его встреча с купцом Такадаем Кахэем — человеком миролюбивым и сторонником торговли с Россией.

Чего можно было ожидать от Рикорда? Мести, пиратства, разорения и потопления японского корабля. Однако капитан оказался прекрасным дипломатом — его уважительное обхождение с Кахэем проложило дорогу к вызволению его друзей. Матросов «Кансэ-Мару» Петр Иванович одарил всевозможными подарками, четырех из них отпустил, а еще четырех, самого Такадая и его спутницу забрал с собой на Камчатку с обещанием через год возвратить их на родину. При этом Рикорд сделал все,

чтобы захваченный им купец не чувствовал себя пленником. «Ему представлялось, по законам земли своей, что его, так же как наших в Японии, будут содержать в строгом заключении. Но как велико было его удивление, когда он увидел себя помещенным не только в одном со мною доме, но и в одних покоях», — вспоминал Рикорд. От Такадая он узнал, что русские арестанты со шлюпа «Диана» живы и содержатся в городе Матсмае.

На следующий год Рикорд и его японский друг вернулись к берегам Страны восходящего солнца. Через посредничество Такадая губернатор острова Эдзо (Хоккайдо) получил, наконец, объяснительное письмо Трескина, что позволило начать переговоры об освобождении наших моряков. Вскоре такая договоренность была достигнута.

Японцы с огромным интересом расспрашивали о России и первым из русских знаменитостей полюбили Михаила Илларионовича Кутузова, который, по их мнению, «все сделал прямо по-японски, ибо их правило войны предписывает заманивать неприятеля как можно далее внутрь земли, собирая между тем со всех сторон людей, и потом окружить их». Перед расставанием Головнину и его спутникам поднесли такое послание: «Все вы долго находились здесь, но теперь <…> сами возвращаетесь в свое отечество; время вашего отбытия уже прошло, но по долговременному нашему здесь пребыванию мы к вам привыкли и расставаться нам с вами жалко. <…> о собственной вашей радости при сем не упоминайте, мы сами оную чувствуем и с нашей стороны сему счастливому событию радуемся. Берегите себя в пути, о чем и мы молим бога. Теперь, желая с вами проститься, написали мы сие».

Удивительно, но пленение русского капитана принесло в русско-японские связи куда больше теплоты, чем обе предыдущие дипломатические миссии. Отношения между нашими государствами формально были установлены Путятиным в середине XIX века, но дружба России и Японии началась раньше. В ее честь в 1996 году в японском городе Госики установили памятник Такадаю и Головнину. Не забудем об этих людях. Они тоже были дипломатами.

Плевак мы хотели. Федор Плевако (1842–1909)

Адвокатов было много, он — один. Для его коллег-современников обыватели и простонародье придумали вереницу уничижительных прозвищ: «нанятая совесть», «куцая команда», «двукаты» и «брехунцы». Достоевский изливал на них желчь со страниц «Дневника писателя», Салтыков-Щедрин злословил адвокатуру «помойной ямой». Но усомниться в его порядочности было немыслимо. Во второй половине XIX века любой москвич уверил бы вас, что в Белокаменной есть три достопримечательности: Царь-колокол, Царь-пушка и он — Федор Никифорович Плевако, присяжный поверенный.

Корифей адвокатской профессии появился на свет 13 апреля 1842 года в захолустном городке Троицке под Оренбургом. Каким ветром в эту глушь занесло его отца — бедного, но все-таки дворянина из Малороссии, — известно одному богу: советские исследования туманно намекали на ссылку за участие в революционном подполье, но эта версия шита белыми нитками.

Фединого родителя, служившего на таможне, звали не Никифором, как можно предположить, а Василием, и фамилия его была Плевак — букву «о» на конце прибавил его знаменитый сын для благозвучности. Как-то, посещая провинциальных помещиков, он приметил в их доме служанку Катю — то ли киргизку, то ли калмычку, то ли башкирку — и за десять руб лей приобрел ее у хозяев в вечную собственность. Формально оставаясь бобылем, Василий прижил от женщины четверых детей — из них выжило двое. Рожденный вне брака будущий судебный защитник получил отчество не от родного отца, а от крестного старшего брата — Никифора.

Несложно догадаться, как величали местные «доброжелатели» невенчанную Катю и ее детей. И это привело к драме, которая прямо просится в одну из книг тезки Федора Никифоровича по фамилии Достоевский. Едва разрешившись от бремени, робкая Катя в отчаянии выбежала из дома — спасти малыша от доли «ублюдка», утопить новорожденного в реке. По счастью, мимо проходил бездетный казак, который упросил женщину отдать ребенка ему. И неизвестно, был бы у москвичей свой «златоуст», не встреть того казака возвращавшийся со службы Василий. Плевак все понял, схватил ребенка и вернул домой.

Федя, от которого эти события не скрывали, ни разу в жизни не посмел упрекнуть мать за ту минутную слабость. Чувствуя вину перед подрастающим сыном, Катя любила его исступленно, самозабвенно, искупительно. И мальчик, видя ее страдание, отвечал ей чувством не менее нежным и глубоким. Некогда оправдав, воскресив прощением собственную мать, не мог адвокат Плевако с другими мерками подходить к своим подзащитным.

Credoспособный

Девять лет спустя Василий перевез семью в Первопрестольную, где сыновей Федю и Дормидонта удалось пристроить в престижное Коммерческое училище на Остоженке. Поначалу педагоги были довольны усердием юных Плевак, особенно — во время приезда в учебное заведение принца Ольденбургского, который отличил Федора среди прочих учеников и прислал ему в подарок конфеты. Но спустя полгода после визита члена царской семьи мальчиков… исключили из училища как незаконнорожденных. Среднее образование Феде пришлось заканчивать в 1-й московской гимназии. А поступление Плевака на юридический факультет Московского университета совпало со смертью отца и брата, сделав его единственным кормильцем матери и себя. Вместо того чтобы исправно посещать лекции, взмыленный парнишка носился по Белокаменной и собирал городские новости для газетной хроники.

Эти злосчастья, однако, натолкнулись на черту характера Плевака, которая с момента его переезда в Москву начала стремительно усугубляться, — а именно на истовое религиозное чувство. Поддерживаемый монолитной верой в Благого и Всепрощающего, Плевак стойко сносил все удары судьбы, причем его религиозность подчас приводила к случаям почти курьезным. Один из них был связан с экзаменом по римскому праву, к которому Плевак был не готов: «Матушка лежит больная, — вспоминал сам Федор Никифорович. — Поцеловала она меня, заплакала: “Не бойся, Федечка! Надейся на Бога! Не оставит он нас, сирот”. Пошел я на экзамен. Зашел к Иверской Божьей Матери. Ей, заступнице, горе свое выплакал. Не за себя молил, за матушку больную. Замолился, опоздал. Вхожу, началось уже. Увидел меня Никита Иванович, как пробираюсь вдоль стены: “А поди-ка, братец, сюда!” Подошел ни жив ни мертв. “Почему это, — Никита Иванович говорит, — ты такой скорбный? По лицу, братец, видать, что ничего не знаешь. Тяни билет”. Потянул, дух замер… Знаю! Режу! “Отчего же у тебя, братец, вид такой

скорбный, будто ты ничего не знаешь?" — "Матушка, — говорю я, — у меня больна". — "Матушка больна? Поспешай!" И выставил мне четыре с плюсом… Так мы с матушкой и выскочили».

Учение Христа о милосердии и прощении грешников попало на благодатную почву доброй детской души. Ребенком, еще в Троицке, Федя страшно переживал за своих некрещеных друзей-татарчат, которым предстояло попасть в ад, и однажды подговорил их трижды нырнуть в речку. «Ничего не подозревая, — пересказывал со слов патрона его ученик и друг Василий Маклаков, — они это исполнили, он же в это время быстро произносил — во имя Отца и Сына и Святого Духа, а по окончании игры поздравил их с крещением». А попав в Москву, Плевак стал частым богомольцем в многочисленных московских храмах и пытливым читателем церковной литературы. И нет ничего удивительного в том, что своим учителем красноречия адвокат впоследствии называл святого Иоанна Златоуста, а лучшим приготовлением к речи была для него молитва.

Калмыцкий шаман

Плевако закончил обучение в 1864 году — как раз тогда, когда Александр II ввел в действие новые судебные уставы, сделавшие российский суд открытым, всесословным и состязательным. По выпуску Федора ожидала участь канцелярской крысы в Московском окружном суде, но его председатель Елисей Люминарский каким-то чудом углядел в юном делопроизводителе талант и рекомендовал его в помощники адвокату Доброхотову. Прозорливость жреца Фемиды тем более удивительна, что внешность Плевако отнюдь не наталкивала на мысль о грядущем успехе в публичной профессии. По отзыву известного прокурора Анатолия Кони, его «скуластое, угловатое лицо калмыцкого типа с широко расставленными глазами, с непослушными прядями длинных темных волос могло бы назваться безобразным», «его движения были неровны и подчас неловки; неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призванием оратора». И тем не менее современникам запомнилось, что некрасивое лицо Плевако «освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй, львиной улыбке, то в огне и блеске говорящих глаз». А главная его сила, полагал писатель В. В. Вересаев, «заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства,

которым он умел зажечь слушателя». Вскоре по Москве распространились слухи, что мать Плевако была калмыцкой шаманкой и обучила сына воздействовать на людей с помощью гипноза.

Превращение Плевако во всероссийскую знаменитость обычно связывают с его удивительной способностью в один миг перевернуть все с ног на голову и представить дело в самом неожиданном ракурсе. К примеру, юрист Б. Утевский рассказывает, как однажды Плевако защищал крестьянина, обвиненного в изнасиловании проститутки. «Господа присяжные, — начал свою речь адвокат, — если вы присудите моего подзащитного к штрафу, то прошу из этой суммы вычесть стоимость стирки простынь, которые истица запачкала своими туфлями». Тут же монолог был прерван возмущенным криком истицы: «Врет он! Нешто я свинья постели пачкать? Туфли я сняла!» Больше говорить Плевако не потребовалось — его клиент был молниеносно оправдан.

В другой раз слушалось дело малограмотной торговки, закрывшей свой магазин позже положенного срока. Плевако хитро предложил прокурору и судье сверить часы: как выяснилось, у последнего они отставали на целых десять минут. «Подсудимая… женщина старая, в часах плохо разбирается, а мы с вами люди интеллигентные, — рассудил защитник. — А как у нас обстоят дела с часами? Когда на стенных часах — двадцать минут, у господина председателя — пятнадцать, а на часах господина прокурора — двадцать пять». Смущенный прокурор не нашелся, что на это сказать, а присяжные вынесли оправдательный вердикт.

Известный промышленник и меценат Савва Мамонтов как-то попытался сконфузить Федора Никифоровича, предложив адвокату на спор добиться оправдания подзащитного ровно за минуту. В тот день Плевако представлял интересы проворовавшегося приходского священника. Когда обвинитель закончил свой гневный спич, он поднялся и тихим голосом произнес: «Господа присяжные заседатели! Более двадцати лет мой подзащитный отпускал вам грехи ваши. Один раз отпустите вы ему, люди русские!» Мамонтову пришлось раскошелиться.

А анекдот про то, как Плевако оправдал старушку, укравшую медный чайник, пересказывали по всей России. Обвинитель, опасаясь именитого визави, сам перечислил все вероятные аргументы защиты: мол, обвиняемая — пожилая, бедная женщина и, конечно, заслуживает жалости, но право собственности священно, ведь без него Россия погибнет. «Много испытаний пришлось претерпеть России, — ответил на это Плевако. —

Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь… старушка украла чайник ценой в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от того она погибнет безвозвратно». Оправдательное решение присяжных растворилось в громе оваций.

Плевако всерьез

Между тем внимательное изучение документов выявляет неожиданный парадокс: в реальности участие Федора Никифоровича в процессе отнюдь не гарантировало успеха его подзащитным, а иногда даже прямо играло на руку обвинению. Да, в ораторских способностях он уступал немногим, но и однозначного превосходства над другими столпами адвокатуры не имел, а главное — в смысле юридической эрудированности смотрелся на их фоне весьма бледно. И тем не менее именно фамилия Плевако уже при его жизни стала нарицательным обозначением адвоката экстраординарных способностей. В чем же тут секрет?

Вполне возможно, в том, что именно Плевако как никто другой выражал в суде русские народные воззрения на правосудие. А они были настолько замысловаты, что чуть было не встали на пути введения в России института суда присяжных. Главным аргументом «contra» был странный на первый взгляд обычай крестьян считать преступников «несчастными» и жалеть их. Истоки этого суждения простонародья отчасти лежали в несовершенстве российской пенитенциарной системы, которая обрекала заключенных — даже невиновных, по многу лет дожидавшихся суда, — на страшные муки. Но был и другой мотив, который как раз в те годы четко зафиксировал в своих романах Достоевский: высшей карой преступнику является душевное страдание, а такое страдание достойно со-страдания, дающего шанс на духовное воскресение. И ревностный христианин адвокат Плевако, простивший свою несчастную мать, видел в этой особенности народа глубокую нравственную справедливость. Это вполне объясняет причины его успехов и фиаско.

Однажды Федор Никифорович вместе с адвокатом Шубинским защищал двух братьев-подрядчиков, обвиненных в подделке строительного материала. Сам он выступил неожиданно слабо. Его коллега же, напротив, произносил уверенную речь, доказывая, что его клиент не преступник, а «мученик идеи». Плевако, свидетельствует судебная корреспондентка Козлинина,

«заслышав в этих словах фальшь и, видимо, совершенно упустив из виду интересы своего подзащитного, воскликнул: “О, если бы они были мученики, — не на тех бы струнах прозвучало наше слово — дрогнуло бы сердце у обвинителя и сомкнулись бы уста”». Этим неуместным правдолюбием Федор Никифорович «зарезал» клиента, которого присяжные без излишних прений признали виновным. Козлинина характеризовала Плевако как «глашатая мировых истин» и тут же добавляла: «…он увлекал за собою и других, но чтобы возникло это впечатление, необходима была надлежащая почва, нужна была наличность попранного человеческого права или человеческой личности, и в борьбе за них он являлся то грозным мстителем, то нежнейшим их охранителем <…> Там, где этого рода стимулов не было, где обвиняемый руководствовался исключительно желанием нажиться, там безветными и неодухотворенными являлись речи Ф. Н. Плевако…»

И вот тому доказательство: совсем иначе, чем в деле о подрядчиках, проявил себя Плевако на знаменитом процессе Прасковьи Качки — девятнадцатилетней девушки, убившей своего возлюбленного. Жертва, студент Бронислав Байрашевский, цинично посмеялся над доверчивой провинциалкой, доведя ее до отчаяния, если не сказать помешательства. В защиту Качки Плевако произнес громоподобную речь, по сей день считающуюся одной из вершин судебного ораторского искусства: «…Здесь не было расчета, умысла, а было то, что на душу, одаренную силой в один талант, насело горе, какого не выдержит и пятиталантная сила, и она задавлена им, задавлена не легко, не без борьбы. Я знаю, что преступление должно быть наказано и что злой должен быть уничтожен в своем зле силой карающего суда. Но присмотритесь к этой женщине и скажите мне, что она? Зараза, которую нужно уничтожить, или зараженная, которую надо пощадить? <…> Пусть воскреснет она, пусть зло, навеянное на нее извне, как пелена гробовая спадет с нее, пусть правда и ныне, как и прежде, живит и чудодействует! И она оживет. Сегодня для нее великий день. Бездомная скиталица, безродная, ибо разве родная ее мать, не подумавшая, живя целые годы где-то, спросить: а что-то поделывает моя бедная девочка, — безродная скиталица впервые нашла свою мать — родину, Русь, сидящую перед ней в образе представителей общественной совести. Раскройте ваши объятия, я отдаю ее к вам». Качка была не осуждена за убийство, а помещена в больницу для лечения. Спустя несколько лет писатель В. Г. Короленко случайно увидел ее в Нижнем Новгороде, и Прасковья показалась ему вполне исцелившейся. Федор Никифорович Плевако скончался 23

декабря 1908 года, оставшись в памяти людей самым знаменитым адвокатом российской истории. Его похороны проходили при огромном скоплении народа, скорбевшего об уходе своего надежного и сильного заступника. И в смерти своей Плевако остался мудрым и сострадательным «Митрополитом адвокатуры». На его надгробном памятнике были высечены слова: «Не с ненавистью, а с любовью судите», но этот завет Федора Никифоровича потонул в грохоте надвигающейся на Россию бури.

Оранг Русия. Василий Малыгин (1865–…)

Собеседникам из цивилизованного мира Василий Малыгин представлялся горным инженером. Туземцы считали его магом из-за умения воспламенять воду с помощью куска натрия. Голландцы подозревали в нем русского шпиона, целью которого было при соединить часть Нидерландской Ост-Индии к владениям Российской империи. Кем бы ни был этот человек на самом деле, одно известно достоверно: в 1894 году он вооружил коренное население острова Ломбок и поднял его на борьбу против колонизаторов.

Сведения о таинственном Василии ученые собирали по крупицам. По всей видимости, его настоящее имя было Василь Иванович Мамалыга, и родился он 20 мая 1865 года в бессарабском селе Пашканы в семье приходского священника. Как складывалась его жизнь до начала 90-х годов XIX века, сказать с уверенностью нельзя: на авансцене истории его фигура появилась лишь в 1891 году, когда специалист Нидерландской королевской нефтяной компании Василий Малыгин прибыл в азиатские колонии Голландии заниматься поиском нефтяных месторождений. Джентльмен по фамилии Крэгли, с которым Василий познакомился в пути, представил его местному радже Агунгу, которому обаятельный чужеземец явно понравился. И после этой встречи начали происходить странности.

Впервые о Малыгине отечественная пресса написала только в 1960 году. В статье «Огонька» он фигурирует как Парарыгин — именно так по дипломатическим соображениям называл его в своих воспоминаниях русский консул в Батавии Бакунин.

Враг у ворот

Русский инженер, совершая одну из рабочих поездок, вдруг пропал где-то в болотах. Поиски Малыгина ни к чему не привели. От него так долго не было никаких вестей, что голландцы уже сочли его погибшим, как вдруг генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии получил грозное послание, подписанное исчезнувшим инженером. В нем Василий дерзко осуждал колониальные порядки, установленные на индонезийских островах, и декларировал, что «никто не в силах отнять у народа Ломбока право на защиту…» По сути, это было объявление войны.

Все это время Малыгин (или Малиган, как называли его туземцы) был тайным гостем раджи, полностью подпавшего под влияние русского авантюриста. Новый советник надоумил Агунга сбросить оковы иноземного гнета и завоевать независимость. Пока голландцы мешкали, то убеждая себя, что письмо Малыгина — глупый розыгрыш, то требуя объяснений от русских дипломатов, правитель острова Ломбок изгнал из своих владений нидерландскую администрацию, приобрел несколько кораблей — основу будущего флота — и отправил своего друга и вдохновителя в Сингапур для закупки оружия и боеприпасов.

Оружие к бою

Малыгину удалось вовлечь в заговор английского эсквайра Джонатана Холмса, который согласился спонсировать «маленькую победоносную войну». Уже через несколько месяцев трюмы их корабля были наполнены внушительным арсеналом, который в умелых руках мог бы указать колонизаторам кратчайший путь на родину. Но в стане заговорщиков оказался предатель: когда судно Малыгина выходило из сингапурского порта, на борту появились голландские военные. Долгие и тягостные переговоры с ними закончились полупобедой Малыгина. С одной стороны, бóльшая часть «полезных приобретений», сделанных им накануне, была конфискована. С другой — он сам и его единомышленники остались на свободе, представившись голландскому патрулю искателями жемчуга, и сохранили при этом несколько десятков ружей под предлогом необходимости защиты от пиратов. Однако из-за этой проволочки Василий потерял главное — время. Вернувшись в Ломбок, он увидел пепелище. Как выяснилось, Малыгин опоздал всего на неделю.

Восстание

Голландцы наконец поняли, что дело приобретает серьезный оборот. На Ломбоке высадился десант, легко взявший столицу острова Матарам. Не в силах пережить поражение, принц Маде совершил ритуальное самоубийство. Раджа Агунг встретил Малыгина в подавленном состоянии и молил об одном — отомстить… Но Василий считал, что у них все еще есть шансы на полную победу.

26 августа 1895 года отряд туземцев, ведомый русским горным инженером, дерзко напал на силы голландцев, стоявшие лагерем у крепости Чакрангера. В бою было уничтожено больше

половины неприятеля, а в качестве трофеев захвачены не только ружья, но и пушки. Повстанцы заняли крепость и приготовились держать осаду.

Этот успех, казалось, воодушевил всех местных жителей. Все на острове от мала до велика поднялись на борьбу с голландскими войсками, вооружившись винтовками, захваченными отрядом Малыгина у врага. Ломбокцы стояли насмерть, фигура ненавистного Оранга Русии (человека из России) вселяла в захватчиков ужас, появляясь среди клубов дыма и языков пламени.

Чтобы подавить восстание, генерал-губернатор пошел на беспрецедентные меры — затопил Ломбок кровью. После пятичасовой осады Чакрангера была взята, большинство сопротивлявшихся убито, а сокровищница раджи разграблена. Лидера восстания захватили в плен.

Следствие по делу Малыгина длилось два года, в течение которых закованный в кандалы Василий изнывал от жары в каторжной тюрьме. В 1896 году, когда его перевели по состоянию здоровья в тюремный госпиталь, бывший нефтяник сделал попытку побега, но был пойман и все же предстал перед судом: его приговорили к двадцати годам каторжных работ.

Слово дипломатии

А что же в ответ на запросы голландцев, в которых сквозь сухие официальные строки явно просматривались раздражение и гнев, отвечало российское Министерство иностранных дел? Оно открещивалось от Малыгина всеми силами. Интересно, что двумя годами ранее, когда Малыгин только появился на Ломбоке, российский консул в Батавии Модест Бакунин не сообщил об этом в Петербург, хотя донесения такого рода входили в его обязанности. Точно так же и теперь, во время процесса над соотечественником дипломат практически никак не реагировал на происходящие события. Возможно, он ждал отмашки от начальства, которая не заставила себя ждать: вскоре Бакунину порекомендовали заступиться за соотечественника. Вероятно, не без его ходатайства спустя три года, когда в честь совершеннолетия принцессы Нидерландов была объявлена амнистия, Малыгина отпустили на свободу.

Под надзором Бакунина бунтарь был немедленно депортирован на родину с условием никогда не покидать ее пределов.

Чего он хотел?

Странности в поведении русских дипломатов породили подозрение, что Малыгин был царским шпионом, в миссию которого входило уговорить Агунга перейти под скипетр Романовых. Это, впрочем, сомнительно. Российский императорский дом уже имел возможность приобрести земли в Голландской Ост-Индии, когда в Петербург с таким предложением о присоединении к России острова Суматра обращался тамошний султан. Правителю было дипломатично отказано: во-первых, из-за невозможности контролировать столь отдаленные территории, во-вторых, из-за нежелания испортить отношения с Оранским правящим домом, который исторически рассматривался царями в качестве союзника.

А действия Малыгина, вполне возможно, объясняются другими мотивами. Среди его бумаг была найдена выписка о деяниях английского колониального предпринимателя Стамфорда Раффлза, который в 1820-х годах своими руками создал экономический феномен Сингапура. Не его ли достижение хотел повторить сын священника из Бессарабии на чудесном индонезийском острове Ломбок?

P. S.

Несколько лет Василий Малыгин прожил в родной Бессарабии, но в его голове, видимо, уже зрели новые планы. В 1901 году, нарушив условия своего освобождения, он устроился коком на судно в Одессе и отбыл на нем в Сингапур. Известно, что впоследствии Малыгин служил военным советником раджи княжества Селангор, и русским дипломатам еще не раз приходилось объяснять англичанам и голландцам, что Россия не имеет интересов на их территориях, и высказывать взгляд нашего правительства на г-на Малыгина. Впрочем, дальнейшую жизнь этого человека проследить сложно. Известно лишь, что его смерть была насильственной: Малыгин погиб то ли от рук наемных убийц, то ли от рук агентов иностранных разведок.

А в 1961 году в малайских газетах было опубликовано сообщение о смерти 90-летней Сити Джохан Малиган. В публикации ее называли женой того самого Малыгина-Малигана, который поднял восстание в Ломбоке. Эта женщина якобы помогала ему во время неудачного побега из каторжной тюрьмы. Не к ней ли устремился мятежник потом, меняя пейзажи родной Бессарабии на экзотику южноазиатских островов? Быть может, в его жизни нашлось место не только авантюрам, но и всепоглощающей любви, которая не захотела считаться с государственными запретами.

notes

Примечания

1

Показания Айн Рэнд даны в переводе Игоря Петрова.